

Р. Спраул

Святость Бога

Оглавление

Глава первая. Святой Грааль

Глава вторая. Свят, свят, свят

Глава третья. Тайна, внушающая трепет

Глава четвертая. Травма, нанесенная святостью

Глава пятая. Безумие Лютера

Глава шестая. Святая справедливость

Глава седьмая. Война и мир со святым Богом

Глава восьмая. Будьте святы

Глава девятая. Бог в руках разгневанных грешников

Глава первая. Святой Грааль

Ярко одет, доблестный рыцарь
Под солнцем и в тени
Едет вперед, песню поет
В поисках Эльдорадо.
Эдгар Аллан По

Мне пришлось покинуть комнату. В мой сон ворвался зов неотразимой силы; это был святой зов. Стояла тишина, слышно было лишь тиканье часов на моем столе. Звук казался туманным и нереальным, словно часы находились в камере, погруженной в бездонные водные глубины. Я только-только начал засыпать, находясь на той зыбкой грани, где стирается четкая граница между сознательным и бессознательным. Это момент, когда звуки из внешнего мира еще продолжают вторгаться в мозг, перед тем как ты вот-вот подчинишься власти ночи. Спишь и не спишь. Еще бодрствуешь, но уже не вполне различаешь реальность. И по-прежнему слышишь внутренний зов, который говорит: "Вставай. Выйди из этой комнаты".

Зов усиливается, становится все более настойчивым, больше невозможно не обращать на него внимания. Внезапный прилив бодрости заставил меня подскочить на кровати, я сел, опустил ноги на пол. Сна как не бывало, тело было готово действовать. Я оделся в мгновение ока и вышел из общежития колледжа на улицу. Быстро взглянул на часы - без десяти двенадцать.

Холодный ночной воздух превратил выпавший утром снег в твердую ледяную кору. Я направился в центр студенческого городка, под ногами скрипело. Луна набросила призрачный покров на здания колледжа, водосточные трубы были украшены гигантскими сосульками - ручейки воды, застывшие в воздухе, превратились в твердые натски, напоминающие замерзшие клыки. Человеческой архитектуре не под силу создать эти готические шедевры природы.

Заскрипели шестерни часов на вершине старой Главной Башни, стрелки соединились, приняв вертикальное положение. Я услышал тяжкий вздох механизма, и через долю секунды зазвучал перезвон. Четыре мелодичных тона обозначили полный час. Затем ровно, звучно пробило двенадцать. Как всегда, я сосчитал удары, проверяя их количество. Но часы никогда не ошибались. С башни раздалось ровно двенадцать ударов, напоминающих удары молотка гневного судьи по металлу.

В тени старой Главной Башни стояла часовня. Под готической аркой - тяжелая дубовая дверь. Я отворил ее и вошел в притвор. Дверь захлопнулась за мной с лязгающим звуком, отразившимся от каменных стен нефа.

Эхо поразило меня. Оно странно контрастировало со звуками дневных служб в часовне, когда лязганье открывающихся и закрывающихся дверей заглушалось шагами, поскрипыванием пола - всеми теми звуками, которые сопровождают присутствие людей. Сейчас, ночью, скрип двери слышался явственней из-за ночной пустоты.

Несколько мгновений я стоял в притворе, дожидаясь, пока глаза привыкнут к темноте. Бледный свет луны просачивался через матовые стекла окон. Во мраке можно было различить скамьи и центральный проход, ведущий к ступеням алтаря. Сводчатые арки потолка создавали чувство пространства и величия. Они плавно переходили в купол, притягивая взгляд, заставляя его устремляться в высоту и пробуждая ощущение гигантской руки, протягивающейся сверху, чтобы подхватить меня.

Медленно и осторожно я двинулся к ступеням алтаря. Звуки шагов по каменному полу вызвали в сознании ужасающий образ немецких солдат, марширующих в своих подбитых гвоздями башмаках по вымощенным булыжником улицам. Каждый шаг отдавался гулким эхом. Наконец я достиг покрытого ковром алтаря. Опустился на колени.

Это был конечный пункт моего пути. Я был готов встретиться с источником призывов, нарушивших мой покой.

Я стоял в молитвенной позе, но сказать мне было нечего. Тихо стоя на коленях, я ощутил присутствие Бога и позволил этому чувству заполнить все мое существо. Сердце билось, как птица в клетке, выдавая мое волнение. Ледяной озноб начал пробираться по спине. Меня охватил страх. Я боролся с желанием бежать от Того, Чье присутствие я ощущал.

Ужас прошел, но вскоре его сменила волна другого чувства. Оно было совершенно иным. Мою душу затопило невыразимое чувство мира, который принес вместе с собой покой и отдых встревоженному духу. В мгновение ока я совершенно успокоился. Я хотел остаться

здесь дольше. Ничего не делать. Ничего не говорить. Просто наслаждаться присутствием Бога.

Это был момент полного преображения. В глубине души укоренялось нечто, и я знал, что оно останется со мной навеки. Отныне больше не могло быть возврата к прежнему. Не могла стереться несмываемая печать, оставленная в душе Божественной Силой. Я был наедине с Богом. Со святым Богом. С Богом, внушающим благоговение. С Богом, Который мог наполнить меня в одно мгновение ужасом, а в следующее - миром. Я знал, что в этот час испил из чаши Святого Грааля. Во мне появилась жажда, которую не сможет утолить ничто в этом мире. Я решил искать Бога, узнавать все больше и больше о Том, Кто обитает в полумраке готических соборов и Кто вторгся в комнату моего общежития, чтобы пробудить меня от самодовольной дремы, в которой я пребывал.

Что заставило студента колледжа поздним зимним вечером устремиться душой к Богу и искать Его присутствия? В этот день в учебной аудитории произошло нечто, что привело меня в часовню. Я был молодым христианином. Мое обращение было внезапным и драматичным, очень похожим на то, что произошло с Павлом на дороге, ведущей в Дамаск. В моей жизни произошел кардинальный поворот. Я был полон рвения, хотел ближе узнать Христа, Который стал светочем моей жизни. Меня снедала новая страсть. Я хотел изучать Священное Писание, узнать, как надо молиться, победить пороки, уродующие мою личность, возрастая в благодати. Я отчаянно хотел быть полезным Христу. Моя душа пела: "Господи, я хочу быть христианином".

Но в моей христианской жизни чего-то не хватало. Рвения было в изобилии, но оно было поверхностным, упрощенным, что делало меня человеком "одного измерения". Я был своего рода унитаристом - унитаристом второго лица Троицы. (*Унитаризм* [от лат. *unitas* - единство] - течение в протестантизме, отстаивающее идею единого Бога в противоположность догмату о Троице.) Я знал, кто такой Иисус, но образ Бога-Отца был окутан покровом таинственности. Он был скрыт, Он был загадкой для моего ума и чуждым моей душе. Его лицо было закрыто плотным покрывалом.

Эту ситуацию изменил курс философии, который преподавался в то время в нашем колледже.

Этот курс не представлял для меня большого интереса. Я еле-еле выполнял скучные задания. Я решил специализироваться на Библии, и абстрактные рассуждения, из которых состояли занятия по философии, считал напрасной тратой времени. Выслушивание философских споров о рассуждениях и сомнениях было лишено для меня всякого смысла. Они не давали пищи душе, не воспаляли воображения. Это были просто пустые и трудные интеллектуальные головоломки, оставлявшие меня равнодушным. Так продолжалось до того зимнего вечера.

В этот день читали лекцию о христианском философе по имени Аврелий Августин*. Впоследствии он был канонизирован Римской католической церковью. Все говорили о нем как о святом Августине. Профессор читал лекцию о взглядах Августина на сотворение мира.

(Примечание. *Августин Аврелий* (354 - 430) - христианский теолог и философ, признанный в православии блаженным, а в католичестве - святым и учителем Церкви. Сыграл видную роль в разработке и утверждении католической догматики, в частности учения о божественном предопределении, благодати и загробном воздаянии; он считается величайшим из отцов Церкви. Все его мировоззрение подчинялось принципу: "Без веры нет знания, нет истины". После него осталось около 100 книг, 500 проповедей и 200 посланий. Наиболее известны его автобиографическое сочинение "Исповедь" и трактат "О граде Божьем". В сочинении "О граде Божьем" (426) Августин развил христианскую концепцию всемирной истории, понимаемой как результат божественного предопределения. "Земному граду", греховному светскому государству, он противопоставляет "град Божий" - всемирное господство Церкви Его вклад в развитие христианства высоко ценится как в протестантизме, так и в Римском католичестве.)

Я был знаком с библейской версией творения. Я знал, что Ветхий Завет начинается словами: "В начале сотворил Бог небо и землю..." Но я никогда глубоко не задумывался о первоначальном акте творения. Августин прикоснулся к этой величественной тайне и задался вопросом: "Как это было сделано?"

"В начале..."

Это напоминало начало сказки: "Давным-давно..." Неувязка здесь была в том, что в начале не было времени и, следовательно, не могло быть и "давно". Мы представляем себе начала, как стартовые моменты где-то посреди мировой истории. У Золушки были

мать и бабушка. Ее история, начавшаяся "давным-давно", началась не в нулевой точке абсолютного начала. До Золушки были цари и царицы, камни и деревья, лошади, зайцы, нарциссы.

Что было до того, о чем говорится в первой главе Бытия? У Адама не было ни отца, ни дедушки. В его распоряжении не было исторических книг, потому что не было истории. До сотворения не было ни царей, ни цариц, ни камней, ни деревьев. Не существовало ничего. За исключением, конечно, Бога.

Вот тут-то я и споткнулся. С этого началась моя философская "головная боль". До сотворения мира не существовало ничего. Но что это такое - "ничего"? Пробовали ли вы когда-нибудь задуматься о том, что такое "ничто"? Где можно найти ничто? Очевидно, нигде. Почему? Потому что это ничто, а ничто не существует. Оно не может существовать, потому что, если бы оно существовало, это было бы уже что-то, а не ничто. Была ли у вас головная боль, похожая на мою? Задумайтесь об этом на минуту. Ничего не выйдет! Я не могу сказать вам задуматься об "этом", потому что "ничто" - не "это". Единственное, что я могу сказать: ничто - ни это, ни то, оно ничто.

Так каким же образом мы можем думать о том, что представляет собой "ничто"? Мы не можем о нем думать. Это просто невозможно. Если мы попытаемся избрать предметом своих раздумий "ничто", то неизбежно придем к тому, что будем думать о "чем-то". Стоит мне задуматься о том, что такое "ничто", и я начинаю представлять себе большое количество "пустого" воздуха. Но воздух - это уже "что-то", это вещество, обладающее весом и целым рядом других свойств. Я знаю это, потому что видел, что происходит, когда шина моего автомобиля попадает на гвоздь.

Джонатан Эдвардс как-то сказал, что ничто - это то, что видят во сне спящие скалы. Это не сильно проясняет вопрос. Мой сын предложил мне лучшее определение "ничто". Когда он учился в старших классах, то по возвращении его из школы я всегда задавал ему вопрос: "Что ты сегодня делал, сынок?" Ответ был каждый день один и тот же: "Ничего". Так что лучшее определение "ничего", имеющееся в моем распоряжении, таково: "Ничто" - это то, чем мой сын занимался в старших классах".

Наше представление о творчестве связано с созданием новых форм с помощью красок, глины, нот на бумаге или каких-либо других средств. Нам никогда не случалось встретить художника, рисующего без красок, или писателя, пишущего без помощи слов, или композитора, сочиняющего музыку без нот. Художник должен начать с чего-то. Что делает художник? Формирует и переделывает, материал. Но он никогда не работает с пустыми руками.

Святой Августин учил, что Бог сотворил мир из ничего. Во время творения Он был похож на волшебника, вынимающего кролика из шляпы. С той только разницей, что у Бога не было кролика и не было даже шляпы.

Мой ближайший сосед - искусный мастер по изготовлению шкафов. Он конструирует также шкафы и ящики для профессиональных фокусников. Как-то он устроил мне тур по своей мастерской и показал, как делаются эти шкафы для фокусников. Секрет здесь состоял в умелом использовании зеркал. Когда фокусник выходит на сцену и показывает вам пустой ящик или пустую шляпу, то на самом деле вы видите только половину ящика или половину шляпы. Возьмем, к примеру, "пустую" шляпу. Зеркало устанавливается точно посередине шляпы. Оно отражает пустую ее половину, создавая абсолютную иллюзию пустой шляпы. Вам кажется, что вы видите обе ее стороны. На самом деле вы видите только одну. В другой половине остается достаточно места, чтобы там можно было спрятать снежно-белых голубей или пушистого кролика. Не много тут волшебства, не правда ли?

Бог создавал мир без помощи зеркал. Иначе ему потребовались бы для начала полмира и гигантское зеркало, чтобы скрыть другую половину. Творение - это вызов к существованию всего, включая зеркала. Бог сотворил мир из ничего. Сначала было ничто, и затем, по повелению Бога, возникло мироздание.

Мы снова задаемся вопросом: "Как Он это сделал?" Библия дает нам единственную подсказку, в ней говорится, что Бог вызвал Вселенную к бытию. Августин выражает это оригинальной фразой. Он называет это "Божественным повелением" или "Божественным указом". Мы все знаем, что такое повеление. Это просто приказ. Так же, как и указ. Толковый словарь дает такое определение слова "указ" - приказ или акт воли, в результате которого что-то создается.

В данный момент я пишу эту книгу на компьютере, выпущенном компанией IBM. Компьютер - поразительный, сложно устроенный механизм. Это машина,

сконструированная так, чтобы откликаться на определенные команды. Если во время набора текста я нажму по ошибке не на ту клавишу, то мне не нужно тянуться за ластиком. Для исправления ошибки достаточно вызвать определенную команду, и компьютер устранил ее за меня. Компьютер выполняет указ. Но сила моего указа ограничена. Действуют только те указы, которые предварительно уже введены в программу компьютера. Я бы хотел иметь возможность просто сказать компьютеру: "Напиши за меня, пожалуйста, всю эту книгу, а я пока пойду поиграю в гольф". Моя машина не может сделать этого. Я могу орать на экран каким угодно "командным" голосом, но эта штука слишком упряма, чтобы подчиниться.

Сила Божьих указов, в отличие от наших, не ограничена. Он может создавать все, что пожелает, силой исключительно Своего божественного повеления. Он может из ничего создать что-то, из смерти сотворить жизнь. Одним звуком Своего голоса Он может сделать это,

Первый звук, раздавшийся в мироздании, был голосом Бога, который повелел: "Да будет!" Неправильным было бы сказать, что это был первый звук "в" мироздании, поскольку до тех пор, пока этот звук ни раздался, не было мироздания, "в" котором что-то могло прозвучать. Бог воскликнул в пустоту. Наверное, это было что-то вроде изначального крика, полетевшего в пустой мрак.

Повеление создало молекулы самого себя, и звуковые волны понесли Божий голос в космос, все дальше и дальше. Но звуковым волнам потребовалось бы слишком много времени, чтобы разнести повеление по всей Вселенной. Скорость распространения повеления превышала скорость света. Как только слова слетели с уст Творца, колеса Вселенной начали свое вращение. Там, где отдавался Его голос, зажигались звезды, невыразимо прекрасные, и их сияние вспыхивало в такт ангельским песням. Сила божественной энергии расплескалась по небосклону, подобно калейдоскопу красок с палитры художника. Кометы с блестящими хвостами перечеркивали небо, как звезды салюта в День независимости.

Акт творения был первым событием в истории, затмившим все остальные. Верховный Архитектор взглянул на Свой сложный "черновик" и воскликнул еще раз. Это было повеление о том, чтобы у всего в мире появились границы. Он сказал, и моря оказались заперты берегами, а облака наполнились влагой. Он положил границы Плеядам и застегнул пояс Ориона. Он сказал еще раз, и Земля наполнилась садами в полном цвету. Бутоны распускались, как весной в Миссисипи. Все буйно зеленело, розы и азалии цвели пышным цветом, оттеняемые лавандовой дымкой сливовых деревьев.

Бог сказал еще раз, и воды наполнились живыми существами. Змея заскользила под тенистыми сводами подводной скалы, а над волнами показалась голова дельфина. Бог сказал еще раз, и раздалось рыканье льва и блеяние овец. Появились четырехногие животные, восьминогие пауки и крылатые насекомые.

И Бог сказал: "Это хорошо".

Затем Бог склонился над Землей и из земного праха сформировал существо. Он нежно поднес его к губам и вдохнул в него жизнь. Это существо стало двигаться. Оно начало чувствовать. Оно начало поклоняться Богу Оно было живым и неело в себе образ своего Создателя.

Задумайтесь о воскресении Лазаря из мертвых. Как Иисус это сделал? Он не входил в гробницу, где лежал разлагающийся труп Лазаря. Ему не надо было осуществлять никаких реанимационных мероприятий, вроде дыхания изо рта в рот или массажа сердца. Он стоял вне гробницы, на расстоянии. Он воскликнул громким голосом: "Лазарь, выйди вон!" В жилах Лазаря заструилась кровь, запульсировали мозговые волны. Жизнь вернулась к нему, Лазарь оставил могилу и вышел наружу. Это произошло силой божественного повеления, по указу Творца.

В наше время есть теоретики, утверждающие, что мир не был сотворен никем и ничем. Заметьте разницу между этими утверждениями: первое - что мир был сотворен из ничего, и второе - что он был сотворен ничем. Согласно этим современным теориям кролик выходит из шляпы, в которой нет кролика, и ему для этого даже не нужен фокусник. Такое предположение гораздо более невероятно и требует несравненно большего чуда, чем мы видим в библейском рассказе о сотворении. Предполагается, что ничто создает что-то. Более того, предполагается, что ничто создало все. Однако!

В ответ на это вы можете сказать: "Уж конечно, в наш ученый век не найдется человека, всерьез утверждающего, что Вселенная была сотворена ничем". Их целые толпы! Вернее, обычно они не выражают это в точности такими словами, какими это сделал здесь я. И

мой способ формулирования их взглядов, скорее всего, вызовет у них негодование. Они, безусловно, выразят протест, скажут, что я даю карикатуру на их утонченную позицию. Хорошо. Что правда, то правда - они не говорят, что мироздание было сотворено ничем. Они говорят, что Вселенная возникла благодаря случайности.

Благодаря случайности? Но это ни о чем не говорит. Случайность нельзя взвесить или измерить, она не обладает творческой силой. Случайность - это просто слово, к которому мы прибегаем для описания математической возможности. Случайность не может ничего сделать. Она не может ничего сделать, поскольку ничего из себя не представляет. Она - ничто. Утверждать, что Вселенная возникла благодаря случайности, - то же самое, что утверждать, что Вселенная была сотворена "ничем".

Это интеллектуальное безумие. Какова степень случайной вероятности, что Вселенная возникла благодаря случайности?

Святой Августин понимал, что мир не мог возникнуть благодаря случайности. Он знал, что для акта творения требуется что-то или Кто-то, обладающий силой - творческой силой. Он знал, что нечто не может возникнуть из ничего. Он понимал, что где-то, как-то, что-то или кто-то должен обладать этой самой силой - силой, способной вызвать к бытию ив небытия. А если не так, то ничего бы не существовало сейчас.

Библия говорит: "В начале сотворил Бог..." Бог, Которому мы поклоняемся, - тот самый Бог, Который был всегда. Только Он один может создавать существа, потому что Он один обладает силой бытия. Он - не ничто. Он - не случайность. Он - чистое Бытие, Он - единственный, Кто способен существовать Сам по Себе. Только Он вечен. Только Он властен над смертью. Он один может вызывать миры из небытия к бытию Своим указом, силой Своего повеления. Такая сила заставляет нас благоговейно склониться перед ней. Она заслуживает уважения, заслуживает смиренного восхищения.

Именно эти слова Августина - о том, что Бог сотворил мир из ничего, только силой Своего голоса, - заставили меня пойти в ту ночь в часовню.

Я знаю, что значит обратиться. Я знаю, что значит родиться заново. Я также знаю, что родиться заново можно лишь однажды. Только однажды Святой Дух пробуждает наши души к новой жизни во Христе. И Он не прекращает Своей работы. Он продолжает действовать в нас. Он продолжает менять нас.

То, что я испытал в тот день в аудитории, размышляя о сотворении мира, было подобно второму рождению заново. Словно бы я опять обратился, но на этот раз не в Бога-Сына, а в Бога-Отца. Внезапно во мне загорелось страстное желание узнать Бога-Отца. Я хотел узнать Его в Его величии, в Его силе, в зените Его святости.

Мое "обращение" в Бога-Отца не обошлось без сопутствующих трудностей. Хотя образ Бога, сотворившего все мироздание из ничего, произвел на меня глубокое впечатление, меня беспокоил факт, что мир, в котором мы живем, - место, полное скорби и страданий. Это мир, сверху донизу пронизанный злом и изуродованный им. Тогда у меня возник вопрос: "Как мог благой и святой Бог сотворить мир, находящийся в таком беспорядке?" Когда я изучал Ветхий Завет, то меня также тревожили рассказы о том, как Бог приказывал убивать женщин и детей, как Он поразил мгновенной смертью Озу за то, что тот дерзнул прикоснуться к ковчегу завета, и другие рассказы, на первый взгляд, казалось бы, открывавшие жестокую сторону характера Бога. Разве мог я полюбить такого Бога?

Одна центральная идея, с которой я вновь и вновь сталкивался в Священном Писании, состоит в том, что Бог свят. Это слова было мне чуждым. Я не был уверен, что понимаю его смысл. Я сделал этот вопрос предметом тщательного и упорного исследования.

Сегодня я по-прежнему поглощен вопросом святости Бога. Я убежден, что для христианина эта идея - одна из важнейших. Ему обязательно нужно вникнуть в ее смысл. Она лежит в основе нашего представления о Боге и о христианстве.

Идея святости настолько существенна для библейского учения, что о Боге говорится: "Свято имя Его". Его имя свято, потому что Он свят. Но по отношению к Нему не всегда проявляется священное благоговение. Его имя втоптывается в грязь этого мира. Оно используется в качестве ругательства, повода для непристойностей. То, что у мира не много уважения к Богу, видно по тому, как мир обращается с Его именем. Никакого почтения. Никакого благоговения. Никакого священного ужаса перед Ним.

Если бы мне пришлось задать группе христиан вопрос, в чем состоит основной приоритет церкви, я уверен, что получил бы весьма широкий спектр ответов. Одни ответили бы: "Евангелизация", другие: "Общественная деятельность", третьи: "Духовное воспитание". Но мне хотелось бы от кого-нибудь услышать о том, каковы были приоритеты Иисуса.

С чего начинается "Отче наш"? Иисус сказал: "Когда молитесь, молитесь так: "Отче наш, сущий на небесах..." Первая строка молитвы - не просьба. Это форма личного обращения. Далее молитва продолжается: "...Да святится имя Твое. Да при-идет Царствие Твое..." Мы часто ошибочно воспринимаем слова "Да святится имя Твое", как если бы они были частью обращения. Внутренне мы придаем им смысл "Свято имя Твое". Если бы их смысл был именно таков, то они были бы просто вознесением хвалы Богу. Но Иисус сказал по-другому. У Него -это первое обращение, первая просьба в молитве. Нам надо молиться за то, чтобы имя Бога свяtilось, чтобы с Богом обращались как со святым.

В молитве соблюдена определенная последовательность. Божье Царство никогда не придет туда, где Его имя не святится. Его воля не будет на земле, как на небе, если Его имя на земле попирается. На небесах имя Бога свято. Ангелы произносят его в священной тишине. На небесах благоговение перед Богом всеобщее. Нелепо искать Царства Божьего там, где Его имя не почитается.

Наше восприятие личности Бога-Отца оказывает влияние на все аспекты нашей жизни. Это влияние распространяется несравненно дальше того, что принято называть "религиозной стороной жизни". Если Бог - Творец всего мироздания, то отсюда автоматически следует, что Он - Господь всего мироздания. Нет в мире такого места, на которое Его господство не распространялось бы. Это значит, что и в моей жизни не должно быть такого места. Где бы мы ни были и чем бы мы ни занимались - святой Бог обо всем может сказать Свое слово: об экономике, политике, спорте, любви.

От Бога убежать нельзя. Нет такого места, где мы могли бы скрыться от Него. Он не только пронизывает все аспекты нашей жизни, но Он пронизывает их с присущей Ему несравненной святостью. Следовательно, мы должны стремиться к пониманию этой святости. Мы не смеем избегать ее. Без этого не может быть ни поклонения, ни духовного роста, ни истинного послушания, а ведь именно в этом состоит наша цель как христиан Бог провозгласил: "Будьте святы, ибо Я свят".

Чтобы достигнуть нашей цели, нам нужно понять, что такое святость.

Глава вторая. Свят, свят, свят

Трижды обведи Его,
И закрой глаза в священном ужасе.
Ибо Он питался медвяной росой
И пил молоко рая.

Самюэль Тэйлор Кольридж

В ветхозаветном Израиле жил пророк, который был очень одиноким человеком. Этот яростный индивидуалист был выбран Богом для тяжелой и мучительной задачи. Он стал своего рода представителем обвинения, представителем Верховного Судьи неба и земли. Он должен был предъявлять иск согрешившим против Бога.

Этот пророк не был земным философом, мнения которого могли бы послужить "пищей" для обсуждения. Он не был автором модных пьес, сочиняющим драмы для публичного развлечения. Он был посланником, вестником космического Царя. Его заявлениям предшествовали слова: "Так говорит Господь".

Летопись жизни пророков выглядит как история мучеников. Она подобна докладу о человеческих жертвах времен второй мировой войны. Предполагаемая продолжительность жизни пророка равнялась предполагаемой продолжительности жизни лейтенанта флота на поле битвы.

Когда об Иисусе говорится, что Он был презрен и отвергнут людьми, был мужем скорбей, изведавшим болезни, то становится ясно, что Он стоял в длинном ряду людей, назначенных Богом для такого страдания. Проклятием пророка была отверженность. Его домом часто была пещера. Пустыня была традиционным местом его встречи с Богом. Одеждой пророка иногда была нагота, а галстуком - деревянные колодки. Его песни были полны пронзительной тоски.

Таким человеком был Исаия Бен Амос.

В галерее героев Ветхого Завета Исаия выделяется как мощная скала. Он был пророком пророков, первым из первых. Его называют "большим пророком" из-за колоссального количества письменных материалов, которые носят его имя.

Как пророк Исаия был необычен. Большинство пророков имело скромное происхождение: крестьяне, пастухи, земледельцы. Исаия принадлежал к знати. Он был признанным государственным мужем, имевшим доступ к царскому двору. Он общался с князьями и царями. Через него Бог говорил, обращаясь к нескольким монархам Иудеи, включая Озию, Иоафама, Ахаза и Езекию.

Что отделяло израильских пророков от всех остальных людей? Их осенял покров священного призвания. Зов, на который они откликались, исходил не от людей. Избранный не обращался с просьбой назначить его на эту должность. Он должен был быть именно избран - прямо и непосредственно Богом. И Его избрание и призыв нельзя было отклонить. (Иеремия пытался отказаться, но Бог недвусмысленно напомнил ему, что освятил его еще от чрева матери. Когда через некоторое время Иеремия захотел "удалиться от дел", Бог отказался принять его просьбу об этом.) Пророческое предназначение было пожизненным. Этот труд нельзя было бросить или уйти на пенсию. Рассказ о призыве Исаии, вероятно, самый драматичный из всех подобных рассказов, которые мы находим в Ветхом Завете. Нам сказано, что зов пришел в тот год, когда умер царь Озия.

Царь Озия умер в восьмом веке до Рождества Христова. Время его царствования оказало существенное влияние на ход развития иудейской истории. Он был одним из самых лучших царей в Иудее. Он, конечно, был не Давид, но не отличался и растленностью, характерной для северных царей, таких, например, как Ахав. Озия занял престол в шестнадцатилетнем возрасте. Он царствовал над Иерусалимом в течение сорока двух лет. Только подумайте, сорок два года! За последние пятьдесят два года Соединенные Штаты были свидетелями администраций Рузвельта, Трумэна, Эйзенхауэра, Кеннеди, Джонсона, Никсона, Форда, Картера и Рейгана. Но многие люди в Иерусалиме всю свою жизнь прожили при правлении царя Озии.

Библия говорит нам, что Озия начал свое царствование в благочестии, делая "угодное в очах Господних". Он искал Бога, и Бог благословил его. Из битв с филистимлянами и другими народами он выходил победителем. Он построил башни в Иерусалиме и укрепил городские стены. Он выкопал водоемы в пустыне, что способствовало расцвету земледелия. Он восстановил военную мощь Иудеи, доведя ее почти до такого уровня,

какой она была при Давиде. Большую часть своего царствования Озия был великим и любимым народом царем.

Однако история Озии заканчивается на печальной ноте. В последние годы жизни его судьба напоминала судьбу шекспировского трагического героя. После того как он приобрел большое богатство и власть, он впал в грех гордыни. Озия попытался "поиграть" с Богом. Он дерзко вошел в храм и надменно взял на себя права, которые Бог дал только священникам. Когда священники храма сделали попытку остановить его, чтобы предотвратить акт святотатства, Озия пришел в ярость. Охваченный яростью, он закричал на священников, и на лбу у него появились пятна проказы. Библия говорит о нем: "И был царь Озия прокаженным до дня смерти своей, и жил в отдельном доме, и отлучен был от дома Господня" (2 Пар. 26:21).

Несмотря на это печальное и постыдное событие, случившееся в последние годы жизни Озии, день его смерти стал днем национального траура. Исаия направился в храм, очевидно, желая найти там утешение в народной и личной скорби. Он получил нечто большее: "В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм" (Ис. 6:1).

Царь был мертв. Но когда Исаия вступил в храм, то он увидел там другого царя, Верховного Царя, Того, Кто навеки воссел на престоле Иудеи. Он увидел Господа.

Обратите внимание на то, как в Ис. 6:1 напечатано слово "Господь". Оно начинается с заглавной буквы, а далее идут строчные буквы. Это написание контрастирует с "ГОСПОДЬ", которое появляется позже в этом тексте и часто - в Священном Писании. Иногда слово "Господь" полностью пишется заглавными буквами - "ГОСПОДЬ". Это не ошибка в печати или результат непоследовательности переводчика. Мы сталкиваемся с этим в большинстве английских переводов. Иногда слово "Господь" пишется строчными буквами, с заглавной только первая, а иногда полностью заглавными. Дело в том, что в еврейском первоисточнике используются два различных слова, которые оба переводятся как "Господь".

Когда слово "Господь" пишется строчными буквами, то переводчик этим дает нам знать, что в еврейской Библии в этом месте написано "Адонай". "Адонай" означает "верховный, наивысший". Это не имя Бога. Это титул Бога, воистину титул наивысшего достоинства, данный Богу в Ветхом Завете. Когда появляется написанное прописными буквами слово "ГОСПОДЬ", это означает, что в первоисточнике использовано имя Яхве. Яхве - это священное имя Бога. Под этим именем Бог открыл Себя Моисею в пламени горящего куста. Это имя произносимое, неизреченное, святое имя, огражденное от святотатства со стороны израильского народа, его запрещалось произносить всуе. Как правило, писались только согласные буквы. Поэтому это слово называют священной "тетраграммой", произносимыми четырьмя буквами.

Эту разницу в написании мы видим, например, в Псалмах. (В данном случае довод автора основан на английском тексте. - *Прим. перев.*) В Псалме 8 сказано: "ГОСПОДИ, Боже наш! Как величественно имя Твое по всей земле!" В еврейском первоисточнике это звучало как: "О Яхве, Адонай! Как величественно имя Твое по всей земле!" Или это можно было бы прочесть так: "О Боже, Наивысший! Как величественно..." В Псалме 109 мы снова читаем: "Сказал ГОСПОДЬ Господу моему: седи одесную Меня". Псалмопевец здесь говорит: "Сказал Бог моему Наивысшему: седи одесную Меня".

"ГОСПОДЬ" - имя Бога. "Господь" - Его титул. Мы говорим о президенте Рональде Рейгане. Рональд - его имя. Президент - его титул. Если самая высокая должность в нашей стране - должность президента, то самая высокая должность и самое высокое звание в Израиле было звание Наивысшего. Титул "адонай" сохранялся для Бога. Этот титул в Новом Завете сохранялся для Иисуса. Когда Иисуса называли "Господь", то это означало новозаветный эквивалент слова "адонай". Иисуса называют Господом всех господ, Царем царей. Тем самым Ему давалось звание, которое прежде давалось только Богу, - Наивысшего владыки неба и земли. Когда Исаия пришел в храм, то в стране был кризис верховной власти. Озия умер. Глаза Исаии открылись, и он увидел настоящего Царя народа. Он увидел Бога, сидящего на престоле, Наивысшего Владыку.

Нам не позволено видеть лицо Бога. Писание предупреждает нас, что ни один человек не может увидеть Бога и остаться в живых. Мы помним просьбу Моисея, когда он поднялся на святую гору Божью. Моисей стал очевидцем поразительных чудес. Он слышал голос Божий - Бог говорил с ним из горящего куста. Он был свидетелем того, как река Нил превратилась в кровь. Он вкусил манны небесной и смотрел на столб облачный и на столб огненный. Он видел, как колесницы фараона были затоплены волнами

Черного моря. И по-прежнему это его не удовлетворяло. Он хотел большего. Он жаждал наивысшего духовного опыта. Будучи на горе, он просил Господа: "Позволь мне увидеть Твое лицо. Покажи мне Твою славу". В ответ на эту просьбу он получил отказ: "И сказал Господь: Я проведу пред тобою всю славу Мою, и провозглашу имя Иеговы пред тобою и, кого помиловать, помилую, кого пожалеть, пожалею. И потом сказал Он: лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых. И сказал Господь: вот место у меня: стань на этой скале; когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расселине скалы, и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду. И когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лице Мое не будет видимо" (Исх. 33:19-23).

Бог позволил Моисею увидеть Себя сзади, но так и не позволил увидеть Свое лицо. Когда Моисей спустился с горы, его лицо сияло. Люди, охваченные ужасом, шарахались от него в стороны. Его лицо было слишком ослепительным, чтобы на него можно было смотреть. Поэтому, чтобы люди могли приближаться к Моисею, он закрывал себе лицо покрывалом. Ужас, который испытывали люди, был вызван тем, что они смотрели в лицо человеку, настолько приблизившемуся к Богу, что Божья слава отразилась на нем. И эта сверкающая слава исходила не от Божьего лица, Моисей видел Бога только сзади. Если люди приходят в ужас даже от такого отражения славы, то как может человек вынести прямой взгляд в Его святое лицо?

Тем не менее наивысшей целью любого христианина является стремление быть допущенным к созерцанию того, в чем было отказано Моисею. Мы хотим увидеть Его лицом к лицу Мы хотим греться в лучезарной славе Его божественного присутствия. Это было заветным упованием всякого иудея, упованием, которое было самым драгоценным благословением Израиля: "Да благословит тебя Господь и сохранит тебя! Да призрит на тебя Господь светлым лицом Своим и помилует тебя! Да обратит Господь лице Свое на тебя и даст тебе мир!" (Чис. 6:24-26).

Эта надежда, заключенная в благословении, данном Израилю, для христианина становится больше чем надеждой - она становится обещанием. Святой Иоанн говорит в своем 1 Послании: "Возлюбленные! мы теперь дети Божии, но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть" (1 Ин. 3:2).

Вот оно - обещание Бога: мы увидим Его, как Он есть. Это зрелище, ожидающее нас в будущем, богословы называют Блаженным Видением. Мы увидим Бога, как Он есть. Это означает, что когда-нибудь мы увидим Бога лицом к лицу. Мы увидим не отраженную славу горящего куста или облачного столба. Мы увидим Его, как Он есть, какой Он есть в Своей чистой божественной сущности.

Сейчас для нас невозможно видеть Бога в Его чистой божественной сущности. Для того чтобы это произошло, нам нужно прежде очиститься. Когда Иисус произносил Свои Заповеди блаженства, то это Он пообещал только определенной группе людей: "Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят". Ни один из живущих в этом мире не чист сердцем. Именно наша нечистота мешает нам увидеть Бога. Проблема тут не в наших глазах, а в наших сердцах. Только после того, как на небесах мы будем полностью очищены и освящены, в нас появится способность смотреть на Него лицом к лицу.

"Вокруг Его стояли серафимы; у каждого из них по шести крыл; двумя закрывал каждый лицо свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал" (Ис. 6:2).

Серафимы - это не грешные люди, обремененные нечистыми сердцами. Однако и эти ангельские существа являются творением, и даже в своем возвышенном положении, как спутники Бога, они должны закрывать свое лицо от Его прямого взгляда. Они сотворены удивительно, они полны благоговения, у них есть пара крыльев, чтобы ими закрывать лицо в величественном присутствии Бога.

У серафимов есть и вторая пара крыльев. Этой второй парой они закрывают ноги. Эти крылья им нужны не для защиты подошв и не для облегчения ходьбы по небесам. Они закрывают ноги по другой причине. Это напоминает нам происшедшее с Моисеем у горящего куста: "И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает. Моисей сказал: пойду и посмотрю на сие великое явление, отчего куст не сгорает. Господь увидел, что он идет смотреть, и воззвал к нему Бог из среды куста, и сказал: Моисей! Моисей! Он сказал: вот я! И сказал Бог: не подходи сюда, сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая" (Исх. 3:2-5).

Бог повелел Моисею снять обувь. Моисей стоял на святой земле. Земля стала святой благодаря присутствию Бога. Обувь была символом признания Моисеем того факта, что он на земле, что он земной человек. Ноги человека, иногда называемые "сделанными из праха", символизируют нашу тварность. Наши ноги связывают нас с землей.

Серафимы - не земные создания. Их ноги сделаны не из праха. Как и ангелы, они духовные существа. Тем не менее они по-прежнему остаются существами сотворенными, и символика видения Исаии предполагает, что они также должны закрывать ноги, признавая свою тварность в высоком присутствии Божьем.

"И зывали они друг к другу, и говорили: свят, свят, свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!" (Ис. 6:3).

Здесь мы сталкиваемся с одним трудно понимаемым моментом в видении Исаии. В песне серафимов заключается сокровенный и главный смысл данного отрывка. Эта песня - повторение одного-единственного слова: "свят". Это слово поется три раза подряд, и это самый величественный гимн, который только может петься в церкви. Это песня называется "трисвятой", что просто означает "трижды свят".

Важность повторения слова "свят" можно легко упустить. Это особый прием, характерный для еврейской литературы и особенно поэзии. Такое повторение - это один из способов акцентирования внимания. В большинстве современных языков есть несколько таких способов. Мы можем подчеркнуть слова, на которых хотим сделать упор, можем выделить их или напечатать курсивом. Мы можем поставить эти слова в кавычки или закончить предложение восклицательным знаком. Все эти приемы предназначены для того, чтобы привлечь внимание читателя к чему-то особенно важному.

Ветхозаветный иудей также пользовался различными методами акцентирования. Один из таких методов - повторение. Мы видим, как приемом повторения пользуется Иисус, когда говорит: "Истинно, истинно говорю вам..." Здесь двойное "истинно" означает, что то, что за ним последует, - крайне важно. Слово, переведенное как "истинно", - это древнее слово "аминь". Мы, как правило, считаем, что это слово предназначено для завершения проповеди или молитвы. Оно означает: "это истина". Иисус использовал его не для окончания, а для предисловия.

В 14 главе Бытия мы сталкиваемся с забавным случаем использования приема повторения. В истории о битве царей в долине Сиддим говорится о людях, которые упали в смоляные ямы. Одни переводчики называют их асфальтовыми ямами, другие - битумными или просто большими. В чем причина этой разногласия в переводах? Что же это все-таки были за ямы? Из еврейского текста это не вполне ясно. В первоисточнике используется еврейское слово, обозначающее "яма", и затем оно просто повторяется. В этой истории буквально говорится о "ямных" ямах. Иудей - автор текста - подразумевал, что есть ямы и есть ямы. Одни ямы "ямнее" других. А эти ямы - ямные ямы - были самыми ямными ямами на свете. Одно дело упасть в простую яму. А вот если вы свалились в ямную яму, тогда уж вам действительно не позавидуешь.

Буквально в нескольких случаях Библия повторяет что-то "в третьей степени". Упомянуть что-то трижды означает возвести это в превосходную степень, придать этому значение чего-то сверхважного. Например, в книге Откровение Страшный суд Божий возвещается реющим в воздухе орлом. Он громко восклицает: "Горе! Горе! Горе живущим на земле..." То же самое мы видим в полной горького сарказма речи Иеремии, произнесенной им в храме, где он упрекает людей в лицемерии, с которым они восклицают: "Это храм Господень, храм Господень, храм Господень".

Только в одном случае мы видим в Священном Писании, как какой-то атрибут Бога возводится в третью степень. Только один Божий атрибут называется три раза подряд. Библия говорит, что Бог свят, свят, свят. Не то чтобы Он был просто свят, или даже свят, свят. В Библии ни разу не говорится, что Бог есть любовь, любовь, любовь, или милосердие, милосердие, милосердие, или гнев, гнев, гнев, или справедливость, справедливость, справедливость. Однако говорится, что Он свят, свят, свят, вся земля полна славы Его.

"И поколебались верхи врат от гласа восклицающих, и дом наполнился курениями" (Ис. 6:4).

Недавно проводился опрос среди людей, ранее принадлежавших к церкви. Опрос показал, что основной причиной, по которой они перестали ходить в церковь, является скука. Многие люди с трудом могут воспринимать богослужение как что-то волнующее и трогательное. Здесь мы видим, что когда Бог появился в храме, то порог и ворота храма поколебались. Неподвижная материя дверных косяков, бездушный порог, дерево и

металл, которые не могут ни слышать, ни говорить, были достаточно восприимчивы, чтобы поколебаться от присутствия Бога. В тексте буквально сказано, что они поколебались. Они начали дрожать на том месте, где стояли.

"И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, - и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа" (Ис. 6:5).

Поколебались не только двери храма. Сильнее всего колеблющегося в храме поколебалось тело самого Исаии. Когда он увидел живого Бога, когда царствующий Монарх мироздания появился перед его глазами во всей Своей святости, Исаия воскликнул: "Горе мне!"

Для уха современного человека восклицание Исаии звучит странно. Редко сегодня можно услышать, чтобы кто-нибудь говорил горе. Так как это слово старомодно и архаично (в английском тексте. - *Прим. перев.*), некоторые современные переводчики предпочитают заменить его другим. Это серьезная ошибка. Слово "горе" - одно из важнейших в библейском языке, и мы не можем себе позволить его игнорировать. В него вкладывается особый смысл.

Когда мы думаем о горе, то представляем себе беды, сваливающиеся на головы героев старинных мелодрам. В "Ожерелье Полины" героиня ломает себе руки от горя, когда бессердечный хозяин отказывает ей в праве выкупа закладной. Или мы представляем себе Майти Маус, прыгающую с облака на железнодорожное полотно, чтобы выручить свою подружку, которую Масленка привязал к рельсам. Она восклицает: "Горе мне!" Или мы думаем о любимом выражении потерявшего от горя рассудок Царя рыб из шоу "Амос и Энди", который говорит: "Горе мне, Энди, я не знаю, что делать!"

Фраза "горе мне" прошла путь других старинных выражений, типа "увы" или "поистине". Единственный язык, который сохранил это выражение до сих пор, - это идиш. Современный еврей по-прежнему выплескивает свое огорчение, восклицая "Ой, вэй!", что является сокращенной формой выражения "Ой, вэй ист мер". "Ой, вэй" на идише означает "О, горе", сокращенное от "О, горе мне!"

В полной мере оценить силу восклицания Исаии можно, если рассматривать его в свете особой формы речи, используемой в Библии. Когда пророки провозглашали послания, внушенные им Богом, то чаще всего они это делали в форме прорицаний. Эти прорицания исходили от Бога, и в них могли содержаться как хорошие новости, так и плохие. Прорицаниям, несущим положительный заряд, предшествовало слово "блаженны". Иисус прибежал к форме прорицаний в Своей Нагорной проповеди, говоря: "Блаженны нищие духом", "Блаженны плачущие", "Блаженны алчущие и жаждущие правды". Его слушатели понимали, что Он использовал форму речи, к которой прибегали пророки. Это было прорицание, несущее добрую весть.

Иисус также использовал и негативную форму прорицаний. Гневно обличая фарисеев, Он провозгласил суд Божий на их головы. Он сказал им: "Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры!" Он повторял это так часто, что выражение стало своего рода рефреном. В устах пророка слово "горе" превращается в вынесение приговора, провозглашение горькой участи. В Библии на горькую участь обрекаются города, народы, отдельные люди - одним лишь прорицанием.

Использование этого слова Исаией носило экстраординарный характер. Увидев Господа, он провозгласил суд Божий над самим собой. "Горе мне!" - воскликнул он, призывая проклятие Божье, анафему и суд на свою собственную голову. Одно дело, когда пророк проклинал другого человека во имя Бога; и совсем другое - когда он проклинал самого себя.

Сразу после произнесения проклятия и провозглашения своей горькой участи, Исаия восклицает: "Погиб я". Я предпочитаю более старый перевод, в котором говорится: "Я распался". Легко можно понять, почему в более современные переводы внесено это изменение. Никто сегодня не говорит: "Я распался". Но эта фраза глубже и ярче передает смысл, чем фраза "Я погиб".

"Распадаться" означает разойтись по швам, утратить цельность. Этими словами Исаия выражал состояние, которое современные психологи квалифицируют как дезинтеграцию личности. Смысл слова "дезинтеграция" прочитывается в его написании: "дез" - отрицательная частица и "интеграция". Интегрировать что-то - значит собрать вместе отдельные части, сделать из них единое целое. Когда интегрируются школы, то дети разных национальностей учатся вместе, образуя одну цельную организацию учащихся. Интегрированный - значит цельный, в применении к человеку это означает, что он

нравственно здоров, живет гармоничной и полноценной жизнью. На современном сленге мы говорим: "Все при нем".

Если жил когда-то на земле цельный человек, то таким человеком был Исаия Бен Амос. Он был цельной личностью, "единым куском". Современники считали его самым праведным человеком среди всего Израиля. Он был чистым алмазом добродетели, без единого изъяна. Затем внезапно он увидел святого Бога. И в этот краткий момент его самооценка разбилась, как чашка. В долю секунды он оказался открытым, обнаженным перед абсолютной святостью. До тех пор пока Исаия мог сравнивать себя с другими смертными, он имел основания ставить себя довольно высоко. В тот момент, когда он сравнил себя с наивысшим стандартом, он был уничтожен - морально и духовно истреблен. С ним было покончено. Он распался. Его ощущение собственной цельности рухнуло.

Внезапное осознание распада, уничтожения было связано с устами Исаии. Он восклицает: "Я человек с нечистыми устами". Мы могли бы ожидать от него, что он скажет: "Я человек с нечистыми привычками" или: "Я человек с нечистыми мыслями". Вместо этого он сразу привлекает внимание к своим устам. По сути он говорит: "У меня грязные уста". Почему внимание так настойчиво привлекается именно к устам?

Вероятно, ключ к разгадке глубинного смысла изречения Исаии можно найти в словах Иисуса, когда Он говорил: "Еще ли не понимаете, что все, входящее в уста, проходит в чрево и извергается вон? А исходящее из уст - из сердца исходит, сие оскверняет человека, ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления". Или мы можем обратиться к Посланию Иакова, брата Господа. Большая часть его Послания посвящена языку: "И язык. - огонь, прикраса неправды. Язык. в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело и воспаляет круг жизни, будучи сам воспаляем от геенны, ибо всякое естество зверей и птиц, пресмыкающихся и морских животных укрощается и укрощено естеством человеческим, а язык укротить никто из людей не может: это - неудержимое зло, он исполнен смертоносного яда. Им благословляем Бога и Отца, и им проклинаем человека, сотворенных по подобию Божию: из тех же уст исходит благословение и проклятие. Не должно, братия мои, сему так быть. Течет ли из одного отверстия источника сладкая и горькая вода? Не может, братия мои, смоковница приносить маслины, или виноградная лоза смоквы: также и один источник не может изливать соленую и сладкую воду" (Иак. 3:6-12).

Язык - неугомонное и неудержимое зло, исполненное смертоносного яда. Именно это осознал Исаия. Он понял, что является не единственным человеком, перед которым стоит эта проблема. Он понял, что весь народ заражен нечистотой языка. "Я живу среди народа с нечистыми устами". В мгновение ока у Исаии появилось новое и радикально отличающееся от прежнего понимание греха. Он увидел, что грех просочился повсюду, он пропитал насквозь и его самого, и всех остальных.

В одном отношении нам повезло: Бог не является нам так, как Он явился Исаии. Кто из нас смог бы вынести это? Нам Бог обычно помогает осознать свою греховность постепенно. Медленно, шаг за шагом, мы начинаем осознавать свою растленность. Исаии Бог открыл его растленность сразу. Нет ничего удивительного, что тот был сражен и уничтожен.

Исаия объясняет это таким образом: "Глаза мои видели Царя, Господа Саваофа". Он увидел святость Бога. Первый раз в своей жизни он по-настоящему понял, кто такой Бог. И в то же самое мгновение Исаия впервые глубоко осознал, кто такой он сам.

"Тогда прилетел ко мне один из серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих, и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен" (Ис. 6:6,7).

Исаия лежал ничком на полу Он трепетал каждой клеточкой, каждым нервным волокном своего тела. Он искал, где бы укрыться, молился, чтобы кто-нибудь на земле прикрыл его или чтобы крыша храма рухнула на него, чтобы произошло что-то, что защитило бы его от пронзающего насквозь святого взгляда Бога. Но нигде было укрыться. Перед Богом он был наг и одинок. Не было рядом Евы, чтобы утешить его, не было фиговых листьев, чтобы прикрыть его наготу. Беспредельная скорбь охватила его, такая скорбь, которая разбивает сердце человеку, оставляя в его душе одни развалины. Виновен, виновен, виновен. Вся его душа кричала, страдая от неослабевающего ни на мгновение безжалостного чувства вины.

Святой Бог также и Бог милосердия. Он не хотел оставлять Своего слугу без утешения. Он немедленно предпринял меры, чтобы очистить этого человека и восстановить его душу. Он повелел одному из серафимов срочно сделать это. Ангел двигался быстро, в руках у него были клещи с жертвенника. Из горящего пламени он взял ими пылающий уголь, слишком горячий, чтобы даже ангел мог к нему прикоснуться. Затем он подлетел к Исаии. Серафим прижал раскаленный добела уголь к губам пророка и опалил их. Губы - одна из самых чувствительных частей человеческого тела. Они предназначены для поцелуев. И вот Исаия ощутил, как святое пламя сжигает его уста. Едкий запах горячей плоти наполнил его ноздри, но это ощущение заглушалось невыносимой болью от ожога. Это было суровое милосердие, мучительный акт очищения. Рана Исаии прижигалась, скверна его уст уничтожалась пламенем. Это святое пламя очистило его.

Но божественный акт очищения не заканчивался на этом. Очищение и прощение простирались дальше. Он стал чистым насквозь, до самого дна души, прощен полностью, но заплатить за это пришлось мучительной болью раскаяния. Он пошел дальше поверхностного раскаяния, когда говорят, не вкладывая в слова особого смысла: "Мне очень жаль". Он скорбел о своем грехе, эта скорбь захватила его целиком, и затем Бог послал ангела, чтобы исцелить его. Его грех был устранен. Его достоинство осталось незадетым. Боли больше не было, но человеческая его сторона при этом не была оскорблена. Осознание им своего греха было конструктивным. Наказание не было жестоким. Одна секунда, в течение которой плоть его губ горела, принесла ему исцеление навсегда. В следующее мгновение человеческая развалина, в которую превратился пророк, опять стала цельной личностью. Его уста были очищены от скверны. Он был чист. "И у слышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня" (Ис. 6:8).

Теперь видение Исаии приняло новое измерение. До этого мгновения он видел славу Божью. Он слышал песню серафимов. Он чувствовал раскаленный уголь на своих устах. А теперь он впервые услышал голос Бога. Внезапно ангелы умолкли, и голос, гулким эхом прокатившийся по храму, голос, который во многих местах Священного Писания описывается как шум многих вод, этот голос прогремел: "Кого Мне послать? И кто пойдет для Нас?"

Здесь мы видим определенный образец, по которому события повторяются снова и снова. Бог является, человек трепещет, охваченный ужасом, Бог прощает и исцеляет, Бог посылает исполнить Свой замысел. Для человека события развиваются по определенной схеме: от сломленности - к миссии. Когда Бог спросил: "Кого Мне послать?", Исаия понял, какая мощь заключается в этом слове. Быть "посланным" означает быть эмиссаром Бога, выступать от имени божества. В Новом Завете слово "апостол" означает "посланный". Ветхозаветным двойником апостола являлся пророк. Богу был нужен доброволец, чтобы приняться за изнурительное ремесло пророка. "Кого Мне послать?"

Обратите внимание на ответ Исаии. Он откликнулся: "Вот я, пошли меня". Этими словами он сделал больше, чем просто сообщил о своем местонахождении. Произнеся их, он добровольно вызвался служить Богу. Он как бы сказал: "Я пойду. Не ищи больше. Пошли меня".

В ответе Исаии можно заметить две существенные детали. Первое - это то, что он не был Шалтаем-Болтаем. Падение Болтая из известного детского стишка трагично, потому что во всем королевстве не нашлось никого, кто мог бы снова его собрать. Но ведь он был ничуть не более хрупким, чем Исаия. Исаия разбился на такое же множество осколков, как и упавшее яйцо. Но Бог заново его собрал. Бог в состоянии взять разбитого человека и послать его на служение. Он взял грешного человека и сделал его пророком. Он взял человека с нечистыми устами и сделал его Своим представителем.

Второй важный момент, который мы наблюдаем в этом событии, - это то, что действие Божьей благодати на душу Исаии не уничтожало его человеческой личности. Исаия сказал: "Вот я". Исаия по-прежнему мог говорить "я". Он сохранил свое лицо. Он не утратил личность. Как бы ни старались хулители христианства приписать Богу стремление к уничтожению "я", Он от этого далек - напротив, Бог спасает личность. Он исцеляет "я", чтобы оно стало полезным и могло исполнить миссию, к которой Бог его призвал. Личность Исаии была перестроена, но не стерта. Покидая храм, он по-прежнему оставался Исаией Бен Амосом. Он был тем же самым человеком, но уста его были чисты.

Ни один служитель Божий не соответствует своей миссии. Любого проповедника можно обвинить в лицемерии. На практике получается, что чем тверже пастор в своей проповеди придерживается Слова Божьего, тем более уязвимым он становится для такого обвинения.

Почему? Потому что чем больше человек верен Слову Божьему, тем более высокую миссию он будет выполнять. А чем выше миссия, тем дальше от нее в практической жизни будет он сам.

Я внутренне съеживаюсь, когда говорю в церквях о святости Бога. Я могу предвидеть реакцию людей. Они покидают святилище, убежденные, что только что находились в присутствии святого. Из-за того, что они слышат меня, проповедующего о святости, они делают вывод, что я сам так же свят, как и весть, которую я несу. В такой момент мне хочется воскликнуть: "Горе мне!"

Опасно предполагать, что само по себе изучение святости делает человека святым. В этом есть своя ирония. Я убежден, что причиной моей глубокой жажды к познанию святости Божьей является именно то, что я сам не свят. Я мирской человек, проводящий больше времени вне храма, чем в нем. Но я вкусил достаточно ощущения Божьего величия, чтобы хотеть этого еще больше. Я знаю, что значит быть прощенным и что значит, когда Бог возлагает на тебя миссию. Моя душа жаждет большего. Моя душа нуждается в большем.

Глава третья. Тайна, внушающая трепет

Что это за ослепительный луч,
Пронзающий меня, но не ранящий?
Я трепещу и пылаю.

Трепет не утихает, как бы мне этого не хотелось.

И пламя продолжает пылать, наполняя меня восторгом.

Святой Августин

Итак, мы добрались уже до третьей главы этой книги, а я все еще не определил, что значит - быть святым.

Жаль, но больше этого откладывать нельзя. При определении святости сталкиваешься с колоссальными трудностями. Святость включает в себя так много и она настолько чужда нам, что определить ее кажется почти невозможно. Слово "святой" в реальном смысле - чужое и "иностранное" для нас слово. Но обычно, когда мы сталкиваемся с иностранными словами, всегда есть надежда, что на выручку может прийти словарь, предоставив нам четкий перевод. Однако проблема, стоящая перед нами сейчас, состоит в том, что слово "святой" - иностранное для всех языков. Тут не может помочь ни один словарь.

Проблема усложняется еще и тем, что в Библии слово "святой" используется в нескольких разных смыслах. В некоторых случаях слово "святой" в Библии используется в смысле, близко связанном с понятием благодати Божьей. В то же время обычное определение этого слова таково: "Чистый, без единого пятна, полностью совершенный и безупречный во всем".

Когда мы слышим слово "святой", то первое, что приходит в голову, это чистота. Если быть до конца точным, то в Библии это слово в таком смысле также используется. Но идея чистоты или морального совершенства является, в лучшем случае, вторичным значением этого слова применительно к Библии. Когда серафимы пели свою песню, то в ней содержалось нечто большее, чем просто "чистый, чистый, чистый".

Основное, исходное значение слова "святой" - "совершенный". Оно происходит от древнего слова, означающего "резать" или "отделять". Если перевести это исходное значение на современный язык, то получится фраза "резать или кроить отдельно". Вероятно, более точно смысл будет передавать фраза "кроить лучше всего остального". Когда мы видим одежду или другой какой-то товар превосходного качества, то мы говорим, что они "прекрасно скроены".

Каждому писателю нужен редактор. Редакторы - чудесные люди. В своем деле они подобны волшебникам и обладают даже большим могуществом. Они могут превратить корявую рукопись во что-то приличное. Они могут взять кусок текста, смысл которого туманен, и сделать его кристально ясным. Благодаря их усилиям читатель не видит грамматических и стилистических ошибок автора -они исправляют их, прежде чем книга предстанет перед глазами читателя. Они остаются скромными героями издательского дела, с редкостной доблестью делающими свою работу. Но - взглянем в лицо правде - порой они бывают ужасно несносными.

Мой редактор становится несносным, когда видит длинные слова. Он вытянул из меня обещание, что я постараюсь написать эту книгу, не прибегая к длинным словам или наукообразному языку. Это все равно что поставить короля в положение, когда он остается голым. С помощью длинных слов я скрываю собственное невежество. Длинные слова прекрасно годятся для этого. Если я могу использовать слово, которое никто не понимает, то есть надежда, что люди подумают, что, по крайней мере, я сам понимаю, о чем говорю, если уж им это не под силу.

Я завяз. Я должен использовать длинные слова. Забудем о редакторе. Готовьтесь к длинному, абстрактному, богословскому слову. Готовы?

Трансцендентность.

Ну вот. Я только что подсчитал. В слове "трансцендентность" семнадцать букв. Но и слово "вероломность" тоже достаточно длинное - двенадцать букв, однако все понимают, что оно значит (по правде сказать, в моем написании оно состояло из тринадцати букв, но мой редактор исправил ошибку).

Слово "трансцендентный" в буквальном переводе означает "такой, через который надо перелезть". Сегодня ему придается значение "выходящий за обычные пределы". "Трансцендентный" означает возвышающийся над чем-то, переходящий определенные границы. Когда мы говорим о трансцендентности Бога, то имеем в виду, что Бог выше нас и что наши пределы для Него вовсе не пределы. В этом слове передается Его абсолютное

и превосходящее все величие, а также раскрываются взаимоотношения между Богом и миром. Он выше мира. Он обладает абсолютной властью над миром. Мир не имеет никакой власти над Ним. Слово "трансцендентный" передает сокрушительное величие Бога, Его вознесенность над миром. Оно указывает на бесконечную дистанцию, лежащую между Ним и любым Его творением. Он беспредельно лучше и выше всего остального.

Когда в Библии Бога называют святым, то, в основном, это значит, что Он трансцендентно отделен. Он настолько выше нас и находится настолько за пределами всех наших границ, что кажется нам почти абсолютно чуждым. Быть святым означает быть "другим", отличаться совершенно особым образом. Когда слово "святой" применяется по отношению к земным вещам, то, как правило, используется в этом же основном значении. Внимательно рассмотрите следующий список того, о чем в Библии говорится как о святом: святая земля, святой собор, святая суббота, святой народ, святое место, святое помазание, святое одеяние, святой юбилей, святой дом, святое поле, святая десятина, святая вода, святая кадилница, святой ковчег, святой хлеб, святой город, святое семя, святое слово, святой завет, святые, святое место, святая святых.

Этот список ни в коей мере не исчерпывающий. Его цель - показать, что слово "святой" применяется ко многому другому, кроме Бога. Во всех случаях слово "святой" используется для выражения чего-то иного, чем просто моральное или этическое качество. Все то, что свято - отделено от всего остального, отделено от мира. Эти люди, или вещи, или понятия - освящены, отделены от общеупотребительного, предназначены для Господа и Его служения.

Ничто из упомянутого в этом списке не является святым само по себе. Чтобы стать святым, все это должно быть освящено Богом. Только один Бог свят Сам по Себе. Только один Бог может освятить что-то еще. Только Бог может, прикоснувшись к чему-то, изменить его, превратить из обычного или общеупотребительного во что-то особое, иное, отделенное.

Обратите внимание на то, как относятся в Ветхом Завете к тому, что было освящено. Что бы это ни было, оно несет на себе совершенно особую печать. Освященными предметами не пользуются каждый день. К ним могли вообще не прикасаться. Освященную пищу могли не есть. Короче говоря, освященное исключается из употребления в обиходе. Оно особое.

Почему на сцену выходит понятие о чистоте? Мы привыкли уравнивать святость с чистотой, или моральным совершенством. Когда что-то освящается, делается святым, то оно отделяется в область чистоты. В них должна быть видна чистота, так же, как и простая отделенность. Святость не исключает чистоты. Понятие о святости содержит в себе понятие о чистоте. Но нам никогда не следует забывать, что идея святости ни в коем случае не исчерпывается идеей чистоты. Святость включает в себя чистоту, но сама она при этом - нечто несравненно большее, чем просто чистота. Это чистота и трансцендентность. Это трансцендентная чистота.

Когда мы для описания Бога прибегаем к слову "святой", мы сталкиваемся с еще одной проблемой. Часто, говоря о Боге, мы составляем список качеств или характеристик, которые называем атрибутами Бога. Мы говорим, что Бог есть дух, что Он знает все, что Он любящий, что Он справедлив, милосерден, милостив и так далее. Существует тенденция добавлять идею святости к этому длинному списку атрибутов, то есть Делать святость одним из многих атрибутов Бога. Но когда слово "святой" применяется по отношению к Богу, оно не означает какого-то отдельного атрибута. Напротив, применительно к Богу это слово имеет общий смысл. Оно используется в качестве синонима Его божественности. То есть, слово "святой" привлекает внимание ко всему, что есть Бог Оно напоминает нам, что Его любовь - святая любовь, Его справедливость - святая справедливость, Его милосердие - святое милосердие, знание - святое знание, а Дух - Святой Дух.

Мы убедились, что термин "святой" привлекает внимание к трансцендентности Бога, к тому факту, что Он выше мира. Мы также убедились, что Бог может "протянуть руку" и освятить то, что Он избрал в Своем мире. Своим прикосновением Он внезапно обычное делает необычным. Надо повторить еще раз: нет ничего в этом мире, что было бы святым само по себе. Только Бог может сделать что-то святым. Только Бог может освятить.

Когда мы называем святым то, что не свято, то тем самым совершаем грех идолопоклонства. Идолопоклонство - тяжкое заблуждение, когда по отношению к обычным вещам проявляется уважение, благоговение, поклонение и восхищение, принадлежащие только Богу. Суть идолопоклонства - поклонение твари вместо Творца.

В древние времена ремесло изготовления идолов было прибыльным. Иногда идола изготавливали из дерева, иногда - из камня, а иногда - из драгоценных металлов. Изготовитель идолов отправлялся на рыночную площадь и приобретал там самые лучшие материалы, а затем шел в свою мастерскую, где искусно их обрабатывал. Долгие часы с помощью хороших инструментов он придавал материалу нужную форму. Закончив работу, он подметал в мастерской и аккуратно складывал инструменты в шкаф. Затем он опускался на колени и начинал говорить, обращаясь к идолу, которого сам только что сделал. Представьте себе, что вы разговариваете со слепым и безгласным куском дерева или камня. Этот кусок не слышит слов, с которыми к нему обращаются. Он не может ответить. Он не может оказать помощи. Он слеп, глух, нем и беспомощен. И тем не менее люди приписывали таким предметам священную силу и поклонялись им.

Иногда идолопоклонство принимало несколько более утонченные формы. Люди не поклонялись образам, высеченным из камня, или тотемам. Вместо этого они начинали поклоняться Солнцу, или Луне, или даже абстрактной идее. Но ведь Солнце - тоже творение. И нет ничего святого или трансцендентного в Луне. Все эти вещи - часть природы. Все они сотворены. Они могут производить глубокое впечатление, но при этом они не выходят за рамки всего творения и ничем не выше его. Они не святы.

Когда поклоняются идолам, то называют святым несвятое. Помните, освятить может только Бог. (Когда церковнослужитель "освящает" брак или хлеб для причастия, то при этом подразумевается, что он просто констатирует уже совершившийся факт - "освящаемое" уже освящено Богом. На такое "человеческое" освящение Бог дал Свое разрешение.) Когда человеческое существо пытается освятить то, чего Бог никогда не освящал то это не подлинный акт освящения. Это акт святотатства, осквернения. Это акт идолопоклонства.

В начале нашего века один немецкий ученый провел необычную и интересную работу. Он изучал значение святости. Имя этого человека Рудольф Отто. Отто попытался посмотреть на святость с научной точки зрения. Он рассмотрел, как люди, принадлежащие к различным культурам и народам, ведут себя, когда сталкиваются с чем-то, что считают святым. Он исследовал чувства, испытываемые людьми при встрече со святым.

Первое важное открытие, сделанное Отто, заключается в том, что люди с трудом могут описать святое. Он заметил, что хотя какие-то определенные вещи могли быть сказаны, но всегда оставался и элемент недосказанности, нечто, не поддающееся объяснению. И дело не в иррациональности этого "нечто". Скорее, оно сверхрационально. Оно лежит за границами того, что способно охватить наше сознание. В опыте столкновения человека со святым было нечто, что невозможно выразить словами. Это Отто назвал "плюс". "Плюс" - эта та часть человеческого переживания при столкновении со святым, для выражения которой человек отчаянно пытается и не может подобрать слова. Это духовный элемент, бросающий вызов возможности адекватного объяснения.

Для святого Отто создал специальный термин. Он назвал его *mysterium tremendum*. В простом переводе это звучит как "тайна, внушающая трепет". Отто так описал это: "Иногда ощущение это может накатить мягкой волной, подобной волне прибое, проникнуть во все уголки сознания, наполнить его миром и глубочайшим желанием поклоняться. Порой оно длится дольше, чувство радостного волнения долго вибрирует, отдается эхом, меняя настрой души, пока наконец не стихнет и душа ни вернется в свое обычное "мирское" состояние нерелигиозных переживаний. Ощущение святого может быть подобно извержению вулкана, оно способно внезапно вырваться из глубины души со спазмами и конвульсиями или привести к самым странным формам возбуждения, неистовству, напоминающему пьяное состояние, к восторгу или экстазу. Оно может принимать безумные и демонические формы, может закончиться погружением в почти суеверный ужас, в состояние трепета и содрогания. Ощущение святого может принимать жестокие и варварские формы, но, опять же, оно способно развиться во что-то прекрасное, и чистое, и полное славы. Оно может обратиться смирением потерявшего дар речи и трепещущего человеческого существа в присутствии - кого или чего? В присутствии того, что есть тайна невыразимая и превышающая все сотворенное". (Рудольф Отто, "Понятие святости", с. 12, 13. - Rudolph Otto, *The Idea of the Holy* [Oxford University Press, 1950, pp. 12,13].)

Отто говорил о *tremendum* (внушающий трепет), о страхе, который вызывает в нас святое. Святое наполняет нас ужасом особого рода. Для описания этого мы прибегаем к выражениям типа: "У меня кровь застыла в жилах", "По коже мороз пошел".

Как в негритянской духовной песне "Был ли ты там, когда они распинали моего Господа?" Припев у этой песни такой: "Порой я от этого трепещу... трепещу.. трепещу".

Мы склонны питать смешанные чувства по отношению к святому В каком-то смысле, оно нас одновременно и привлекает, и отталкивает. Неведомая сила тянет нас к нему и вместе с тем хочется от него бежать. Мы словно стоим на развилке, не зная, куда пойти. Одной частью нашего сердца мы жаждем святого, а другой - отталкиваем его. Мы не можем жить ни с ним, ни без него.

Наше отношение к святому похоже на наше отношение к историям о призраках и к фильмам ужасов. Дети упрашивают родителей рассказать им историю о привидениях, а когда те соглашаются, то рассказ пугает их настолько, что они начинают умолять родителей остановиться. Я терпеть не могу водить жену на фильмы ужасов. Она любит их - до тех пор, пока не начнет смотреть, - точнее, мне следовало бы сказать - до тех пор, пока она не закончит смотреть. Каждый раз повторяется одно и то же. Сначала она стискивает мою руку и впивается в нее ногтями. Единственные моменты облегчения для меня наступают, когда она отпускает ее, чтобы обеими руками закрыть глаза. Следующий шаг - она покидает свое место, идет к самому заднему ряду и стоит, прислонившись к стене. Там она может быть уверена, что никто не набросится на нее из-за спины и не сцапает. И последняя стадия - она вообще уходит из зрительного зала, ища убежища в фойе. Тем не менее она твердит, что любит ходить на такие фильмы. (Где-то среди всего этого содержится иллюстрация к богословской идее.)

Вероятно, самый наглядный пример этого странного феномена смешанных чувств, испытываемых людьми по отношению к святому, мы находим в мире радио. До прихода телевидения зенитом домашних развлечений были радиопрограммы. Нас ежедневно пичкали "мыльными операми", которые спонсировались "мыльными" же компаниями. Вечернее время было отдано постановкам и приключениям "Одинокого рэйнджера", "Супермэна", "Тэннеси Джеда", "Хопа Хэригана", и так далее, и так далее. Моими любимыми программами были мистические. "Гангбастеры", "Мистер Кин находит потерянных", "Джонни Доллар - страховой следователь" и "Неведомое".

Самая ужасная программа из всех ужасных программ начиналась странным звуком тягучего скрипа открывающейся двери, как будто кто-то царапал ногтями по стеклу Это пробуждало в моем сознании образ древнего, затхлого склепа с мучительно медленно открывающейся, затканной вековой паутиной дверью. Вслед за дверным скрипом вступал диктор, произносящий звучным голосом: "Иннер санктум!"

Что такого ужасного в словах "иннер санктум"? Что они значат? "Иннер санктум" означает просто "внутри святилища" или "внутри святого". Нет ничего более пугающего для человека, ничего, приводящего его сознание в большее смятение, чем состояние внутри святого. Мы начинаем трепетать, оказавшись в присутствии *mysterium tremendum*.

Таинственность святого Бога выражается латинским словом "августус". Первые христиане не хотели воздавать почеть Цезарю и отказывались называть его таким титулом. Для христиан ни один человек не был достоин титула август. Эту почать по праву можно было воздавать только Богу Быть "августус" означает пробуждать благоговение и священный ужас. В наивысшем смысле этого слова таков только Бог.

Исследуя переживания, испытываемые людьми при встрече со святым, Отто обнаружил, что самым ярким чувством, переживаемым человеческим существом, когда оно оказывается со святым лицом к лицу, является переполняющее его ощущение собственной тварности. То есть, когда мы осознаем присутствие Бога, мы осознаем себя как творения. Встретившись с Абсолютом, мы немедленно понимаем, что сами им не являемся. Столкнувшись с Безграничным, мы остро ощущаем свою собственную ограниченность. Встретившись с Вечным, мы понимаем, что сами - преходящи, временны. Встреча с Богом - яркий пример контрастов.

Контраст между нами и "Другим" поразителен и безграничен. Вспоминается пророк Иеремия и то, как он жаловался Богу: "Ты влек меня, Господи, - и я увлечен, Ты сильнее меня - и превозмог" (Иер. 20:7).

Это звучит так, как будто Иеремию поразил тяжелый случай заикания. Обычно библейские выражения отличаются сжатостью, "экономностью" языка. Иеремия нарушает правило, тратя время на изложение совершенно очевидного. Он говорит: "Ты влек меня. Господи, - и я увлечен". Вторая половина фразы - пустая трата слов. Разумеется, Иеремия был увлечен. Если Бог его влек, то как он мог не увлечься? Если Бог сильнее его, то могло ли быть так, чтобы Он не превозмог Иеремию?

Может быть, Иеремия просто хотел быть уверенным, что Бог понял его жалобу. Возможно, он прибегнул к приему повторения, свойственному еврейской литературе, чтобы подчеркнуть желаемое. Иеремия был увлечен. Бог превозмог его. Он ощущал себя беспомощным и бессильным перед абсолютным могуществом Бога. Это был момент наивысшего осознания Иеремией своей тварности.

Напоминание о нашей тварности не всегда приятно. Трудно вытеснить из сознания слова, которые говорил сатана, искушая Еву: "Вы будете, как боги". Если бы только было можно, то мы бы с величайшей готовностью поверили этой ужасающей сатанинской лжи. Если бы мы могли стать как боги, то были бы бессмертными, безупречными, никто не мог бы нам противиться.

Мы обладали бы множеством других способностей, которыми на данный момент не обладаем и не можем обладать.

Мысль о смерти часто вызывает в нас страх. Когда мы сталкиваемся со смертью другого человека, то это напоминает нам о собственной смертности, о том, что настанет и наш смертный час. Мысль о смерти мы стараемся вытеснить из сознания. Мы чувствуем себя неуютно, испытываем тревогу и беспокойство, когда смерть другого человека грубо вторгается в нашу жизнь и напоминает о том, что предстоит нам в будущем, в день и час, который нам неведом. Смерть напоминает нам, что все мы - творения. Но как ни страшна смерть, она - ничто по сравнению со встречей со святым Богом. Когда мы сталкиваемся с Ним, то в это мгновение на нас обрушивается абсолютное осознание своей тварности. Оно разбивает в осколки миф о нас самих, в который мы привыкли верить, - миф о том, что мы полубоги, "младшие" божества, что мы можем жить вечно, если только постараемся.

Будучи смертными, мы подвержены всевозможным страхам. Мы полны тревог, навязчивых страхов - фобий. Некоторые люди боятся кошек, другие - змей, третьи - больших скоплений людей или высоты. Эти фобии гложут нас и нарушают душевный покой.

Есть особый вид фобии, от которой страдают все без исключения. Она называется ксенофобия. Ксенофобия - это страх (иногда переходящий в ненависть) перед незнакомыми или чужими людьми, а также вообще перед всем незнакомым и чуждым нам. Бог - идеальный объект для ксенофобии. Есть аспекты Его личности, с которыми мы абсолютно незнакомы. Он для нас совершенно чужой. Он свят, а мы - нет.

Мы боимся Бога, потому что Он свят. Наш страх - это не страх библейского Бога. Это рабский страх, животный ужас. Бог слишком велик для нас. Он вызывает чересчур сильное чувство благоговейного ужаса. Он предъявляет нам суровые требования. Он - таинственный Незнакомец, представляющий угрозу нашей безопасности. В Его присутствии мы дрожим и трепещем. Личная встреча с Ним может нанести нам колоссальную травму, величайшую травму в нашей жизни.

Глава четвертая. Травма, нанесенная святостью

"В этом - источник ужаса и изумления, о которых нам неизменно повествует Писание, рассказывая о встречах святых людей с Богом. Каждый раз, когда они видели Его, то Его присутствие поражало их, повергало в ужас, полностью подавляло..."

Нам не удастся должным образом осознать незначительность людей до тех пор, пока это с беспощадной ясностью не проявляется при сопоставлении с величием Божиим."

Жан Кальвин

Была беспросветно темная и ветреная ночь... Мне долго пришлось дожидаться, чтобы начать рассказ с этой классической фразы. Это предложение настолько затаскано, что некоторые из моих друзей-литераторов основали клуб под названием "Клуб темной и ветреной ночи". Они ежегодно представляют к награде авторов за самые худшие начальные строки книг, очерков или статей.

Вероятно, в то время, когда святой Марк писал свое Евангелие, уже существовал свой "Клуб темной и ветреной ночи". Обратите внимание на то, как он начинает свой рассказ об Иисусе, умирившем бурю: "Вечером того дня сказал им: переправимся на ту сторону" (Мк. 4:35).

Иисус с учениками были в Галилее. Он учил большую толпу людей, собравшихся на берегу огромного озера, называвшегося Галилейским морем. Этот резервуар воды - одно из величайших произведений природы. Водой наполнено ложе, окруженное горами. Озеро является важным источником пресной воды для безводной Палестины.

Ученики были профессиональными рыбаками. Они были испытанными и закаленными ветеранами этого озера. Они знали внутренние течения озера, его настроение, его красоту. Галилейское море подобно очаровательной женщине, чье настроение беспрестанно меняется. Любого рыбака, промышляющего своим ремеслом в этом районе, предупреждают о переменчивости озера. По причине своего совершенно особого расположения - в горах, между Средиземным морем и пустыней, - озеро постоянно подвергается странным причудам природы. Порой по его поверхности проносятся дикие ветры, закручивающие воду воронкой, воющие, как в дымовой трубе. Эти ветры налетают без малейших предвестников и могут в считанные секунды превратить безмятежно-спокойное озеро в завывающий шквал воды. Даже при современном оснащении есть люди в Палестине, которые не хотят плавать по Галилейскому морю из страха стать жертвой его изменчивых настроений.

У учеников было два преимущества: они были ветеранами и они были со своим Учителем. Когда Иисус вечером предложил им переправиться на другой берег, никто из них не испугался. Они подготовили лодки, и сами приготвили к переправе. Затем озеро неожиданно вспыхнуло гневом. Госпожа Озеро впала в неистовство: "И поднялась великая буря, волны били в лодку, так что она уже наполнялась водою" (Мк. 4:37).

Случилось то, чего любой галилейский рыбак больше всего боялся. Налетел ураган, бешеные волны грозили опрокинуть лодку. Даже самый сильный пловец не смог бы выжить, если бы они закрутили его. Рыбаки вцепились руками в борта лодки с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Это была прочная рыбацкая лодка, не шхуна и не океанский лайнер. Ее крутило и мотало, волны били в борта, но она выдерживала. Рыбаки бешено боролись с разбушевавшимся морем, стараясь держать нос лодки по ветру. Возможно, именно тогда впервые была произнесена молитва моряка: "Господи, Твое море так велико, а моя лодка так мала".

Иисус крепко спал на корме. Он отдыхал. Мне приходилось наблюдать подобное поведение. У меня в жизни был случай, когда во время полета самолет попал в воздушную бурю. Я испытал чувство внезапной потери высоты, когда самолет падает, подобно камню, летящему вниз, падает примерно футов на тысячу, а мой желудок остается на потолке. Я слышал, как пассажиры кричат от ужаса, видел стюардесс на грани паники - и все это время пассажир в соседнем кресле спал сном младенца. Мне хотелось схватить его и трясти, пока он ни проснется, хотелось сказать: "Что с вами? Разве здравый смысл не подсказывает вам, что тут есть от чего прийти в ужас?"

Библия говорит, что Иисус спал "на возгавии". В то время как все остальные паниковали, Иисус мирно спал. Учеников это раздражало. Они испытывали смешанные чувства страха и гнева. Они решили разбудить Иисуса. Я не знаю, что, по их мнению, Он мог сделать в этой ситуации. Из дальнейшего текста становится ясно, что они, определенно, не ожидали от Него того, что Он сделал. Куда ни посмотри - их ситуация выглядела безнадежной. С каждой секундой волны становились все больше и налетали яростнее. Ученики понятия не

имели, что может сделать Иисус. Они были похожи на всех остальных людей. Когда людям угрожает какая-то опасность и они не знают, что делать, то немедленно обращаются к своему лидеру. Дело лидера - знать, какой следующий шаг предпринять, даже если следующего шага может и не быть. "Его будят и говорят Ему: Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем?" (Мк. 4:38).

Их вопрос на самом деле не был вопросом. На самом деле он был обвинением. Смысл сказанного лежал на поверхности, лишь слегка прикрытый вопросительной формой. По сути, они говорили: "Тебе будет все равно, если мы утонем". Они обвиняли Сына Божьего в недостатке сострадания. Эта яростная атака на Иисуса вполне соответствует обычному отношению к Богу. Богу приходится выслушивать подобные жалобы от неблагодарного человечества каждый день. Небеса снова и снова бомбардируются гневными обвинениями. Бога называют "нелюбящим", "жестоким", "далеким" и "равнодушным", как будто Он не сделал достаточно, чтобы доказать нам Свое сострадание.

В тексте нет никаких указаний на то, что Иисус каким-либо образом ответил на "вопрос" учеников. Его ответ перешел в действие, миновав стадию слов. Слова Он приберег для моря и бури: "И встав Он запретил ветру и сказал морю: умолкни, перестань. И ветер утих, и сделалась великая тишина. И сказал им: что вы так боязливы? как у вас нет веры?" (Мк. 4:39,40).

Жизнь Иисуса была сияющей вспышкой чудес. Он совершил их так много, что легко пресытиться рассказами о них. Начав чтение рассказа о каком-нибудь чуде, мы с легкостью перепрыгиваем на следующую страницу, не испытав никаких чувств. Но здесь мы сталкиваемся с одним из самых поразительных из сотворенных Иисусом чудес. Мы здесь имеем дело с событием, которое произвело особое впечатление на учеников. Это чудо потрясло даже их сознание.

Оказалось, что Иисус способен управлять разбушевавшимися природными стихиями одним только звуком Своего голоса. Он не молился. Он не просил Отца избавить их от урагана. Он произнес повеление, божественный указ. Природа мгновенно повиновалась. Ветер услышал голос своего Создателя. Море узнало повеление своего Господа. Ветер мгновенно стих. В воздухе больше не было ни малейшего дуновения ветерка. Море уподобилось стеклу, на его поверхности больше не было ни морщинки.

Обратите внимание на реакцию учеников. Теперь море было уже спокойным, но их волнение не утихло: "И убоялись страхом великим и говорили между собою: кто же это, что и ветер и море повинуются Ему?" (Мк. 4:41).

Здесь мы наблюдаем странную вещь. То, что буря и разбушевавшееся море испугали учеников, - не удивительно. Но, казалось бы, раз опасность миновала и море успокоилось, их страхи должны были бы рассеяться так же быстро, как быстро успокоилось море. Однако этого не произошло. Теперь, при спокойном море, страх учеников усилился. Какое объяснение этому можно найти?

Отец современной психиатрии Зигмунд Фрейд как-то выдвинул идею, что человек изобретает религию от страха перед природой. Человек ощущает себя беспомощным перед лицом землетрясения, наводнения или болезни. Бог - личность. С Ним можно говорить. Мы можем попытаться поторговаться с Ним. Мы можем умолять Его спасти нас от разрушительных сил природы. Нет смысла умолять землетрясения, мы не можем вести переговоры с наводнением или торговаться с болезнью. Поэтому, по теории Фрейда, мы придумываем Бога, который помог бы нам справиться с этими ужасными вещами.

Примечательным моментом в этом евангельском рассказе является то, что страх учеников возрос, после того как угроза, исходящая от бури, была устранена. Буря испугала их. Поступок Иисуса, утихомиривший стихию, испугал их еще больше. В могуществе Христа они увидели что-то несравненно более пугающее, чем любое природное явление. Они находились в присутствии святого. Интересно, что сказал бы об этом Фрейд? Зачем люди стали бы придумывать Бога, Чья святость более ужасающа, чем силы природы, изначально побудившие их придумать Его? Можно понять, когда человек придумывает несвятого бога, бога, несущего только утешение. Но с какой стати придумывать Бога, повергающего человека в более сильный страх, чем тот, в который его повергает землетрясение, наводнение или болезнь? Одно дело - стать жертвой наводнения или рака; и совсем другое - попасть в руки живого Бога.

Слова, произнесенные учениками после того, как Иисус успокоил море, очень многозначительны. Они воскликнули: "Кто же это, что и ветер и море повинуются Ему?" Они не знали, в какую категорию поместить Иисуса, к какому типу людей, с которыми они знакомы, Его отнести. Если нам удастся классифицировать людей по типу, мы уже знаем,

как к ним подходить. Мы по-разному ведем себя с враждебно настроенными людьми и с дружески настроенными. На интеллектуальные типы у нас одна реакция, а на общественные - другая. Ученики не могли найти категорию, которая могла бы вместить в себя личность Иисуса. Он был выше типов, выше любых ярлыков. Он был sui generis - класс сам по себе.

Ученики никогда не встречали человека, подобного Ему. Он не был похож ни на одного человека, с которыми им приходилось встречаться. Он был единственным в своем роде, совершенно незнакомый им. Раньше они встречались со всевозможными людьми - высокими, низкими, толстыми, тощими, умными и глупыми. Они видели греков, римлян, сирийцев, египтян, самаритян и таких же, как они сами, евреев. Но им ни разу не встречался святой человек - человек, который может говорить с ветрами и волнами и заставить их повиноваться себе.

Было достаточно странным, что Иисус способен спать во время шторма на море. Но не это было уникальным. Мне опять вспоминается мой сосед по креслу в самолете, который мирно дремал, пока я был охвачен паникой. Может быть, люди, способные дремать во время кризиса, - достаточно редкое явление в жизни. Редкое, но не беспрецедентное. Мой друг в самолете произвел на меня впечатление. Но он не проснулся, и не высунулся в окно, и не закричал на ветер, и не утихомирил его своим повелением. Сделай он это, я бы стал оглядываться в поисках парашюта.

Иисус был другим. И это поражало воображение. Он был абсолютно таинственным незнакомцем. Люди в Его присутствии чувствовали себя неуютно.

Случай с бурей имеет свою как бы уменьшенную копию в служении Иисуса. Рассказ об этом содержится в Евангелии от Луки. Место действия на этот раз - Геннисаретское озеро. (Похоже, что иногда евреи с трудом могли решить, как назвать большой водный массив, расположенный среди галилейских холмов. Геннисаретское озеро - то же самое озеро, которое в других местах называется Галилейским морем.)

"Однажды, когда народ теснился к Нему, чтобы слышать слово Божие, а Он стоял у озера Геннисаретского, увидел Он две лодки, стоящие на озере, а рыболовы, вышедшие из них, вымывали сети. Вошед в одну лодку, которая была Симонова, Он просил его отплыть несколько от берега, и сев учил народ из лодки. Когда же перестал учить, сказал Симону: отплыви на глубину, и закиньте сети свои для лова. Симон сказал Ему в ответ: Наставник! мы трудились всю ночь и ничего не поймали; но по слову Твоему закину сеть. Сделавши это, они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась, и дали знак товарищам, находившимся в другой лодке, чтобы пришли помочь им; и пришли, и наполнили обе лодки, так что они начинали тонуть" (Лк. 5:1-7).

Если когда-нибудь было такое, что ученики выказывали раздражение и досаду в отношении Иисуса, то это был именно такой случай. Петр устал. Он провел всю ночь на ногах. Он был расстроен безуспешной ловлей. Улов был ничтожным. Одного этого было бы достаточно, чтобы у профессионального рыбака настроение стало скверным. К его усталости и огорчению надо добавить еще и толпы народа, все утро теснившиеся вокруг него, пока Иисус учил. Когда проповедь Иисуса закончилась, Симон был готов идти домой и лечь спать. Вместо этого Иисус захотел опять отправиться ловить рыбу У Него появилась прекрасная идея - забросить сеть на глубине.

Не требуется буйного воображения, чтобы прочесть между строк и понять, что Симон весь кипел, когда сказал с сарказмом: "Наставник! мы трудились всю ночь и ничего не поймали; но по слову Твоему закину сеть". Если бы у Симона было настоящее уважение к мудрости Иисуса, то в таких обстоятельствах он бы просто сказал: "Я закину сети". Вместо этого он счел нужным выразить свое недовольство. Своими словами он как будто бы сказал: "Слушай, Иисус, Ты прекрасный учитель. Мы все околдованы Твоими проповедями. Нет более великого богослова, чем Ты. Но, пожалуйста, поверь и нам немного. Мы профессионалы. Мы знаем свое ремесло. Мы провели всю ночь на озере и ничего не поймали - пустые сети. Рыба просто не клюет. Давай пойдем домой, ляжем спать и испытаем нашу удачу еще раз позже. Но если Ты настаиваешь, если мы должны потакать Твоим прихотям, то, конечно, мы забросим сети".

Я могу себе представить, как Симон Петр и Андрей обмениваются понимающими взглядами и как Симон бормочет сквозь зубы какую-то непристойность, вытаскивая только что вычищенные сети и забрасывая их в воду Он, должно быть, думал: "Будь прокляты эти проповедники! Все они одинаковы. Они думают, что знают все".

Мы знаем, как все обернулось. Как только Петр забросил сети в том месте, которое указал ему Иисус, они наполнились рыбой, словно вся рыба Галилейского моря кинулась в них. Как будто бы у рыб был конкурс, кто быстрее прыгнет в сети: "Последняя - гнилой угорь!" Сети наполнились таким большим количеством рыбы, что напряжение стало слишком сильным. Сети стали прорываться. Когда другие ученики кинулись на своей лодке на подмогу, этого все еще было не достаточно. Обе лодки наполнились рыбой до краев, так что весла начали увязать. Это был самый выдающийся улов, свидетелями которого когда-либо были рыбаки.

Как реагировал Петр? Как бы вы реагировали? Я знаю, что бы сделал я. Я бы тут же на месте оформил бы договор. Я бы попросил Иисуса появляться на доке раз в месяц на пять минут. Я был бы обладателем самого шикарного рыболовного бизнеса во всей истории.

Бизнес, выгода - об этом Петр думал меньше всего. Когда сети прорывались, Петр вряд ли даже видел рыбу. Все, что он в состоянии был видеть, - это Иисуса. Прислушайтесь к словам Петра: "Увидев это, Симон Петр припал к коленям Иисуса и сказал: выйди от меня. Господи/потому что я человек грешный" (Лк. 5:8).

В этот момент Петр осознал, что он находится в присутствии Воплощенной Святости. Ему было ужасно не по себе. Его первой реакцией было поклонение: он пал на колени перед Христом. Вместо того чтобы сказать что-нибудь вроде: "Господи, я восхищаюсь Тобой, я возвеличиваю Тебя", он произнес: "Пожалуйста, уйди. Пожалуйста, оставь меня. Я не могу это выдержать".

История жизни Христа - это история многих людей, отчаянно пробивающихся сквозь толпу, лишь бы только приблизиться к Нему. Это прокаженный, кричащий: "Помилуй меня". Это женщина, страдающая кровотечением, пытающаяся дотянуться рукой до края Его одежды. Это разбойник на кресте, напрягающий последние силы, чтобы услышать предсмертные слова Иисуса. Это многочисленные люди, говорящие: "Приблизься ко мне. Взгляни на меня. Прикоснись ко мне".

Не так было с Петром. Его мольба, с которой он обращался к Господу в такой мучительной тоске, была другой: он просил Иисуса уйти, дать ему место, оставить его одного.

Почему? Нет нужды погружаться в длительные размышления. Нет нужды читать между строк, потому что строки с предельной ясностью сами говорят, почему Петр хотел, чтобы Иисус ушел: "Я человек грешный". Грешный человек чувствует себя неуютно в присутствии святого. Ничтожество любит общество таких же ничтожеств. Существует товарищество среди воров. Но воры не ищут утешительного общения с офицерами полиции. Грешное ничтожество не любит водить компанию с чистотой.

Мы видим, что Иисус не упрекает Петра за его грехи. Не прозвучало ни одного укора, ни одного слова осуждения. Все, что сделал Иисус, - это показал Петру, как ловить рыбу. Но когда святое проявляется, то уже не нужны никакие слова. Петр понял то, что не понять невозможно. Превосходящий все земные мерки образ праведности и чистоты сверкнул перед его глазами и ослепил его. Подобно Исаии, Петр распался.

Есть один странный исторический факт. Даже среди неверующих Иисус неизменно пользовался хорошей репутацией. Редкий случай - чтобы неверующий плохо или недоброжелательно говорил об Иисусе. Люди, относящиеся к церкви с открытой враждебностью и презирающие христиан, часто щедро расточают хвалу Иисусу. Даже Фридрих Ницше, провозгласивший смерть Бога и упадок церкви, говорил об Иисусе как об образце героизма. В последние годы своей жизни, которые Ницше провел в сумасшедшем доме, он выражал свое безумие, подписываясь в письмах - "Распятый".

Свидетельства мира в пользу несравненного совершенства Иисуса несметны. Даже Джордж Бернارد Шоу, при всем своем критическом отношении к Иисусу, не мог себе представить более высокого стандарта, чем сам Христос. Он сказал об Иисусе: "Бывали случаи, когда Он вел себя не как христианин". Нельзя не заметить горькую иронию в этих словах Шоу.

Даже те, кто отказываются признавать божественность Христа или Его спасительную миссию, аплодируют Ему как человеку, достигшему морального превосходства. Они восклицают, подобно Понтию Пилату: "Се, Человек!", "Я не нахожу в Нем вины".

Принимая во внимание ту дань восхищения, которую человек нашего времени воздает Иисусу, приходится задаться вопросом, на который трудно найти ответ: почему Его современники убили Его? Почему толпа кричала и вопила, требуя Его крови? Почему фарисеи питали к Нему такое отвращение? Почему религиозный суд высочайшего ранга приговорил к смертной казни такого хорошего, честного человека?

Разгадать эту загадку нам поможет взгляд на современную Палестину. Посещающих Иерусалим паломников поражает величие города - место их поклонения. По ночам древние стены освещаются светом прожекторов, что придает Святому Городу волшебный вид. Если подходить к городу со стороны Елеонской горы, проходя выходящей дорогой по долине Кедрон, то можно увидеть памятник "Гробнице пророков", величественно возвышающийся около восточной стены, вблизи храма. Памятник стоял здесь веками, с самых времен Христа. На нем - барельефные изображения великих пророков Ветхого Завета, словно в миниатюрном еврейском Пантеоне.

Во времена Иисуса ветхозаветные пророки были предметом поклонения. Они были великими народными героями прошлого. Тем не менее при жизни современники их ненавидели, насмехались над ними, отвергали их, презирали, гнали и убивали.

Святой Стефан был первым христианским мучеником. Он был убит разъяренной толпой, потому что напомнил своим слушателям о крови, которой были осквернены их руки: "Жестоководные! люди с необрезанным сердцем и ушами! вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы: кого из пророков не гнали отцы ваши? они убили предвозвестивших пришествие Праведника, Которого предателями и убийцами сделали ныне вы, вы, которые приняли закон при служении Ангелов и не сохранили" (Деян. 7:51-53).

Можно было бы предположить, что эти разящие слова Стефана пронзят сердца его слушателей и приведут их к покаянию. Но этого не произошло: "Слушая сие, они рвались сердцами своими и скрежетали на него зубами... они, закричавши громким голосом, затыкали уши свои, и единодушно устремились на него, и выведши за город, стали побивать его камнями" (Деян. 7:54-58).

Люди ценят моральное превосходство до тех пор, пока его обладатель находится на безопасном расстоянии от них. Мир почитает Христа, но на расстоянии.

Петр хотел быть с Иисусом до тех пор, пока Он ни приблизился к нему слишком близко, и тогда Петр воскликнул: "Пожалуйста, уйди".

Несколько лет назад книга "Принцип Петра" заняла первое место в списке бестселлеров. Фундаментальный принцип, изложенный в этой книге, стал с тех пор аксиомой в деловом мире: в корпоративных структурах люди двигаются по служебной лестнице до тех пор, пока не достигнут уровня некомпетентности. "Принцип Петра" не имеет ничего общего с Симоном Петром, за исключением того, что он дает частичное объяснение, почему Петру было не по себе в присутствии Иисуса.

В книге "Принцип Петра" рассматривается вопрос компетентности и некомпетентности. Выводы, сделанные в этой книге, основаны на изучении вопроса о служебном росте в деловом мире. Когда человек успешно работает, его выдвигают, и он повышает свой уровень. В определенный момент его рост прекращается, и он перестает успешно работать. Когда он перестает успешно работать, его перестают продвигать, и он обречен провести остаток своих дней, работая на уровне, на один шаг превышающем уровень его компетентности. Люди оказываются в ловушке. Они вынуждены оставаться на уровне, где они некомпетентны, - это трагедия и для них лично, и для компаний, в которых они работают.

Не всякий попадает в капкан, описанный в этой книге. Автор упоминает две категории людей, которым удастся избежать этого. Это сверхнекомпетентные и сверхкомпетентные люди. Сверхнекомпетентный человек не имеет возможности двигаться вверх, потому что он уже некомпетентен. Нет такого уровня, на котором он был бы компетентным. Он некомпетентен на самом низком уровне организации. Такого человека довольно быстро "выдергивают" из организации, как сорняк.

Иронична судьба другой группы, избегающей капкана. Это группа сверхкомпетентных. Как такой человек двигается вверх по ступеням служебной лестницы, чтобы достигнуть вершины? Никак. Автор указывает на причину, по которой сверхкомпетентному человеку чрезвычайно трудно продвигаться по служебной лестнице. Причина в том, что он представляет собой мощную угрозу тем, кто находится выше него. Боссы боятся его, опасаются, что он сместит их. Он представляет для них явную опасность, они боятся потерять место, дающее им власть и почет. Сверхкомпетентный человек достигает успеха не путем продвижения по служебной лестнице в одной организации, а посредством "прыжков" из одной организации в другую, при этом он каждый раз оказывается выше, чем был до сих пор.

Легко отбросить эту теорию, назвав ее цинизмом чистой воды. Можно привести бесчисленное количество примеров, когда люди взлетали, подобно метеорам, в своих

собственных компаниях и достигали самой высшей точки. Есть множество исполнительных директоров, которые начинали посыльными. Автор, конечно, ответит, что все эти впечатляющие истории - всего лишь исключения, которые подтверждают правило.

Какова бы ни была истинная статистика, но существует неопровержимый факт, что во многих случаях сверхкомпетентный человек "замораживается" на низком уровне, потому что представляет собой угрозу вышестоящим. Вовсе не всякий аплодирует успеху. Когда я работал преподавателем в колледже, у меня была одна студентка-старшекурсница. Она была моей самой лучшей студенткой. Ее средней оценкой была твердая четверка. То, как она работала, было чем-то экстраординарным.

Однажды, принимая у нее один из выпускных экзаменов, я был шокирован. Это был полный провал. Ее ответы настолько разительно отличались от характерного для нее уровня, что я понял - произошло что-то серьезное. Я вызвал ее к себе и спросил, в чем дело. Она тут же разразилась слезами и между всхлипываниями призналась, что провалила экзамен намеренно. На вопрос "почему?" она объяснила, что испытывает все более растущий страх, она боится, что никогда не найдет себе мужа. "Ни один парень не хочет встречаться со мной, - сказала она. - Они все считают меня слишком умной, думают, что у меня, кроме мозгов, ничего нет". Она изложила мне щемящую сердце историю своего одиночества. Она испытывала чувство, как будто ее подвергают остракизму - отрезают от общественной жизни студенческого городка, как парию.

Эта студентка совершала непростительный с точки зрения общества грех. Она "ломала кривую". Я знаю, что это значит - сдавать экзамен "по кривой". Мне эта ситуация знакома и с выгодной позиции студента, и с точки зрения преподавателя. Я помню ужасное чувство, с которым в студенческие годы выходил из аудитории, плохо сдав экзамен или провалив тест. Я помню, какой музыкой в моих ушах звучали слова преподавателя, обещавшего, что он будет оценивать экзамен или тест "по кривой". Это означало, что если я отвечу правильно только лишь на 60% вопросов в тесте, то благодаря "кривой" смогу продвинуться от "Г" на "В", или даже на "Б", если достаточное количество народу сдаст тест плохо. Я попадал в положение, когда меня радовал провал другого.

Но всегда находился в толпе один, не такой, как все. Когда все остальные отвечали правильно на 20-30%, что неопровержимо доказывало несправедливость теста и давало преподавателю моральное право оценивать "по кривой", неминуемо находился один умник, тошнотворный "маменькин сынок", сдававший тест на 100%. Я не помню, чтобы класс когда-нибудь стоя аплодировал такой личности. Никому не нравится, когда "ломают кривую". Из-за такого человека все мы выглядим плохо.

Иисус Христос тоже "ломал кривую". В этом Он был непревзойденным мастером. Он был "сверхкомпетентным" высшего класса. Люди, отверженные обществом, любили Его, потому что Он обращал на них внимание. Но те, в чьих руках была власть, кто занимал почетные места, Христа не выносили.

Фарисеи считали себя смертельными врагами Иисуса.

Партия фарисеев возникла на переломе истории между завершением ветхозаветного периода и началом новозаветного. Эта секта была основана людьми, с большим рвением относившимися к Закону. Слово фарисей буквально означает "отделившийся". Фарисеи отделялись в область святости. Основным занятием их жизни было стремление к святости. Они были специалистами в этой области. Если существовали когда-либо на свете люди, которые при появлении святого стали бы бросать шляпы в воздух, то это были именно фарисеи.

Своим исключительным рвением, с которым фарисеи добивались святости, они завоевали совершенно беспрецедентное уважение народа за набожность и праведность. Им не было равных. Люди превозносили их. На праздниках и пирах им предоставлялись привилегированные места. Ими восхищались как экспертами в религиозных вопросах. Их одеяния украшались кисточками, которые подчеркивали их высокий ранг. Свои высокие моральные качества они демонстрировали в общественных местах. Когда они постились, то все окружающие были в курсе этого. Они склоняли головы в торжественной молитве на углах улиц и в харчевнях. Когда фарисей подавал милостыню, то это делалось с такой помпой, что звон монеты, падающей в шляпу нищего, можно было услышать с другого конца улицы. Их "святость" выставлялась на всеобщее обозрение.

Иисус называл их лицемерами.

Есть пророческое изречение Иисуса, изречение-приговор, констатация участи фарисеев: "Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного, и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас". Иисус вынес

фарисеям суровый приговор. Он обвинял их в лицемерии нескольких видов. Давайте рассмотрим некоторые из обвинений, которые Иисус выдвигал против фарисеев: "На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак, все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают; связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их; все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди; расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих; также любят предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: "учитель! учитель!" (Мф. 23:2-7).

Не было в фарисеях никакого благородства. Не было в их святости никакой подлинной красоты. Все, что они делали, было нарочитой демонстрацией. Их святость была притворством от начала до конца. Фарисей-лицемер был актером, исполняющим роль праведника: "Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы, по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония" (Мф. 23:25-28).

Образы, использованные Иисусом, разят в самое сердце. Он уподобляет фарисеев чашам, чистым только снаружи. Представьте себе, что в ресторане вы заказали кофе и официант принес вам чашку, снаружи сияющую чистотой, а внутри полную остатков вчерашнего кофе. Это не сильно бы способствовало улучшению вашего аппетита. Такими же были и фарисеи. Так же, как за побеленными стенами гробниц скрывается ужасная истина о телесном разложении и гниющей плоти, так же и за разряженным фарисейским фасадом скрывалось разложение их душ.

Задумайтесь на минуту о нескольких кратких эпитетах, которые Иисус приберег для фарисеев. "Вы змеи!" "Вы порождения ехиднины!" "Слепые поводыри!" "Сыны геенны!" "Слепые глупцы!" Вряд ли эти формы обращения можно считать за комплименты. Обличая этих людей, Иисус не пожалел сильных выражений. Его слова были суровы. Это не характерно для Него, но оправдано. Стиль Его обращений к фарисеям отличался от обычного для Него стиля речи. При обычных условиях Он укорял грешников в мягкой форме. С женщиной, захваченной в прелюбодеянии, так же, как и с женщиной у колодца, Он разговаривал мягко, но твердо. Похоже на то, что жесткие комментарии Иисус приберег для "больших ребят", важных людей, богословов-профессионалов. У них Он пощады не просил, и Сам их не щадил.

Иногда приводят такое соображение - что фарисеи ненавидели Иисуса за то, что Он так сурово их критиковал. Никому не нравится, когда его критикуют, особенно людям, привыкшим к похвале. Но корни фарисейской злобы гораздо глубже. Можно с полной уверенностью утверждать, что не скажи Иисус им ни слова, они все равно ненавидели бы Его и презирали. Достаточно было одного Его присутствия, чтобы заставить их отпрянуть от Него.

Есть старая истина: ничто не рассеивает ложь быстрее, чем правда. Ничто не обнаруживает поддельность драгоценности быстрее, чем наличие подлинной драгоценности. Умело сделанный поддельный доллар для нетренированного глаза может быть неотличим от подлинного. Чего боится каждый фальшивомонетчик? Что кто-нибудь сравнит его поддельную банкноту с настоящей. Иисус был подлинный, а фарисеи - подделками, и Он находился среди них. Его подлинная святость была явной. Тем, кто подделывался под святость, это не нравилось.

У саддукеев с Иисусом была та же самая проблема. Саддукеи были людьми, принадлежащими к высокопоставленному клану священников своего времени. Свое название они взяли от ветхозаветного священника Садока. Его имя произошло от еврейского слова "праведный". Если фарисеи считали себя святыми, то саддукеи приписывали себе праведность. С появлением Иисуса их праведность перестала отличаться от неправедности. Кривая опять ломалась.

Негодование фарисеев и саддукеев по отношению к Иисусу начиналось как простая досада, затем достигло уровня тлеющей ярости и в конце концов взорвалось неистовыми требованиями Его смерти. Они просто не могли выносить Его. На Галилейском море ученики терялись в догадках, размышляя, к какой категории отнести Иисуса. Они не сумели ответить на свой собственный вопрос: "Так кто же этот человек?" У фарисеев и

саддукеев ответ был готов. Они создали для Иисуса специальные категории: для них Он был "богохульник" и "дьявол". Он должен был уйти. Сверхкомпетентного необходимо было уничтожить.

Христос больше не ходит по земле во плоти. Он вознесся на небеса. Сегодня никто уже не видит Его в телесном облике и не разговаривает с Ним, как с человеком. Тем не менее угрожающее могущество Его святости по-прежнему ощущается. Иногда оно передается Его людям. Когда-то, у подножия горы Синай, иудеи бежали в ужасе от сиявшего ослепительным светом лица Моисея, так же и сегодня людям становится неуютно от одного только присутствия христиан.

Одним из самых трудных аспектов моего образования было изучение голландского языка, превратившееся в настоящую борьбу с ним. Отправившись в Голландию для его освоения, я испытал полную растерянность перед этим языком, звучащим так музыкально - словно веселая песня ручья. Я сломал себе язык, пытаюсь произнести согласные звуки, а многочисленные странные идиомы, казалось, и вовсе никогда не запомнить. В тот самый момент, когда у меня возникало ощущение, что я, наконец, "победил" этот язык, я слышал выражение, смысл которого был окутан для меня непроницаемым покровом тайны.

Именно такое выражение я однажды услышал за ужином у одного моего друга в Амстердаме. Шел оживленный разговор, который затем внезапно прервался, возникла неловкая пауза. Чтобы прервать молчание, один из моих голландских друзей сказал: "Er gaat een Domine voorbij!" Я сразу откликнулся: "Что вы сказали?" Странная фраза была повторена. Я знал значения слов, но выражение в целом было лишено для меня смысла. Опять возникла неловкость. Чтобы сгладить ее, он перевел: "Церковнослужитель прошел мимо".

Я опять попросил моих друзей растолковать мне, о чем тут говорится. Они объяснили, что в Голландии существует обычай произносить эту фразу, когда в ходе оживленного и приятного разговора возникает неловкая пауза, грозящая разрушить общее настроение. Сказать, что мимо прошел церковнослужитель, - это значит объяснить причину внезапного молчания. Идея состоит в том, что никто не способен испортить веселого настроения на дружеской вечеринке и заморозить атмосферу быстрее, чем это может сделать духовное лицо. Как только появляется церковнослужитель - веселью конец. Больше не может быть никакого смеха, никакого приятного разговора, только напряженное молчание. И когда возникает такая молчаливая неловкая пауза, ее объясняют тем, что мимо прошел церковнослужитель.

Я часто сталкиваюсь с тем же самым феноменом во время игры в гольф. Если я оказываюсь в паре с незнакомыми людьми, то все идет отлично до тех пор, пока меня не спрашивают, чем я занимаюсь. Стоит моему напарнику узнать, что я работаю в церкви, как вся атмосфера немедленно меняется. Во время разговора он старается держаться от меня подальше, давая мне больше пространства. Это выглядит так, как будто он внезапно узнал, что я страдаю какой-то заразной болезнью в тяжелой форме. Затем обычно следуют обильные извинения по поводу языка. "Простите меня, что я ругался. Я не знал, что вы пастор". Как будто пастор никогда раньше этих слов не слышал, а уж вероятность того, что за всю жизнь с его собственных уст соскользнуло хотя бы одно такое выражение, и вовсе равна нулю. Комплекс Исаии, комплекс нечистых уст, по-прежнему с нами.

В Священном Писании говорится, что беззаконник бежит, когда за ним никто не гонится. Лютер выразил это таким образом: "Язычник трепещет при малейшем дуновении ветерка". Ощущение неловкости, вызываемое присутствием духовного лица, исходит от идентификации церкви с Христом, и это оказывает странное воздействие на людей.

Несколько лет назад одного из ведущих профессиональных игроков в гольф пригласили участвовать в борьбе между двумя парами. Трое других игроков были Джеральд Форд, президент Соединенных Штатов, Джен Никлз и проповедник Билли Грэм. Игрок в гольф испытывал, конечно, почтение к этим людям. Особенный трепет у него вызывали Форд и Билли Грэм (с Никлзом ему часто доводилось играть раньше).

После того, как один раунд закончился, к нему подошел другой профессионал и спросил: "Ну, как это было - играть с президентом и Билли Грэмом?"

Изрыгнув поток проклятий, первый игрок ответил с отвращением: "Мне не нужно, чтобы Билли Грэм запихивал мне в глотку религию". С этими словами он развернулся и ринулся прочь в направлении тренировочной метки.

Его друг последовал за ним. Тот выхватил свою битку и начал яростно бросать ее. Его шея была красной, как у рака, а из ушей, казалось, идет пар. Его друг ничего не говорил. Он сидел на скамейке и наблюдал. Через несколько минут гнев профессионала прошел. Он успокоился. Его друг тихо спросил: "Билли вел себя грубо?" Тот понурился, глубоко вздохнул и ответил: "Нет, просто у меня был неудачный раунд".

Поразительно. Билли не произнес ни единого слова о Боге, Иисусе или религии, однако после игры этот профессионал кинулся прочь, обвиняя Билли в попытках затолкать ему религию в глотку. Как можно это объяснить? Объяснение лежит на поверхности: Билли Грэму вовсе не нужно было что-либо говорить. Ему не нужно было даже смотреть в сторону спортсмена, чтобы тот почувствовал себя неловко. Образ Билли Грэма настолько идентифицируется с религией, настолько связан с идеей Бога, что одного его присутствия достаточно, чтобы заставить "беззаконника бежать", когда никто за ним не гонится. Лютер был прав, язычник действительно трепещет при малейшем дуновении ветерка. Он чувствует у себя за спиной дыхание неба, и ему кажется, что оно преследует его. Святость подавляет его, даже если она явлена в несовершенном, лишь частично освященном человеческом сосуде.

Реакция этого профессионального игрока в гольф на Билли Грэма была аналогична реакции Петра на Христа. "Отойди от меня, я человек грешный". Им обоим присутствие святого нанесло травму. Святость провоцировала чувство неприязни. Чем больше проявляется святость, тем сильнее становится направленная на нее человеческая враждебность. Это звучит как безумие. Не было на свете человека, исполненного любви больше, чем Иисус Христос. Тем не менее, даже Его любовь вызывала людской гнев. Его любовь была совершенной любовью, трансцендентной и святой любовью, но эта же самая любовь травмировала людей. Любовь такого рода настолько величественна, что мы не в состоянии ее вынести.

В американской литературе есть один широко известный рассказ. В нем говорится о разрушительной силе любви. Это странная любовь, любовь настолько интенсивная, что она сокрушает объект своей нежности. Те, кто изучают творчество Джона Стейнбека, сделали предположение, что прообразом одного из самых знаменитых персонажей его произведений, Линни из романа "О мышах и людях", фактически является Христос.

Линни - Христос? Многих христиан такое предположение оскорбило бы. Линни - "тупая скотина". Он убийца. Как такого человека можно сравнивать с Христом? История "О мышах и людях" - история о двух рабочих, Линни и Джордже, которые путешествуют по сельской местности, работая то там, то здесь и мечтая о тех временах, когда они смогут приобрести свою собственную ферму. Стейнбек так описывает их:

"Оба были одеты в брюки и куртки из грубого бумажного полотна, с медными пуговицами. Оба носили черные бесформенные шляпы, у обоих на плече висело туго скатанное одеяло. Первый мужчина был маленьким, подвижным, со смуглым лицом, беспокойными глазами и резкими чертами лица, выражающими сильный характер. Все в нем было четко очерчено: маленькие сильные руки, тонкие запястья, тонкий костистый нос. Вслед за ним шел человек, являющийся его полной противоположностью: огромный мужчина с бесформенным лицом, большими бесцветными глазами и широкими покатыми плечами. Его походка была тяжелой, он слегка подволакивал ноги, подобно медведю, тяжело переставляющему лапы. При ходьбе он не размахивал руками, а шел, расслаблено свесив их".

Обратите внимание на контраст между этими двумя персонажами. Черты лица Джорджа ясно обозначены, у Линни лицо бесформенное. Есть что-то непостижимое в этом большом неуклюжем человеке. Он ступает, подобно медведю, но у него разум наивного ребенка. Линни - умственно отсталый. Без Джорджа он фактически беспомощен. Джорджу приходится заботиться о нем и, разговаривая с ним, использовать простейшие слова.

У Линни есть странная причуда. Он любит маленьких пушистых зверюшек - мышей, кроликов и тому подобных. Он мечтает о дне, когда Джордж купит им ферму и он сможет держать кроликов и мышей у себя. Но у Линни есть одна проблема. Он не отдает себе отчета в своей собственной силе. Когда он подбирает на поле мышку или кролика, то все, чего он хочет, - это любить их, проявлять свою нежность к ним. Но пушистые создания этого не понимают. Они пугаются и норовят вырваться из рук Линни. Чтобы удержать их, Линни сжимает ладонь все сильнее и сильнее, чтобы они по-прежнему могли ощущать его любовь. Ненамеренно он убивает их, выжимая из них жизнь своими тяжелыми руками.

Озабоченность Линни маленькими пушистыми созданиями - источник постоянного раздражения Джорджа. Он возмущается, когда видит Линни, разгуливающего с дохлой

мышью в кармане куртки. Это вызывает у него отвращение. Но Джордж любит Линни, как сына, и терпеливо сносит его маленькие недостатки. Решающий момент наступает, когда Линни оказывается наедине с женой одного из рабочих:

"Глядя на него, жена Кэрли засмеялась.

- Ты чудак, - сказала она. - Но ты вроде неплохой парень. Точь-в-точь большой ребенок. Но если захотеть, то тебя можно понять... Иногда, когда я причесываюсь, то взбиваю волосы, потому что они у меня слишком мягкие. - Она пробежалась пальцами по макушке, показывая, как она это делает. - У некоторых людей волосы вроде как жесткие, - произнесла она благодушно-самодовольно. - Возьми хоть моего Кэрли. У него волосы, точно проволока. Но мои - мягкие и красивые. Конечно, я часто причесываюсь. От этого они делаются красивыми. Вот - потрогай здесь. - Взяв руку Линни, она погрузила ее в свои волосы: - Дотронься до этого места - чувствуешь, какие мягкие? Большим пальцем Линни захотелось погладить ее по волосам.

- Эй, смотри не разлохмать! - сказала она. Линни произнес:

- О! Это приятно, - и стал гладить сильнее. - О, это приятно.

- Осторожнее, ты мне всю прическу испортишь. - Затем она рассерженно закричала. - Перестань сейчас же, ты все разлохматишь. - Она дернула головой в сторону, но пальцы Линни вцепились ей в волосы и крепко держали их. - Отпусти! - закричала она. - Эй, отпусти меня! Линни был в панике. Его лицо исказилось. Тогда она завизжала и Линни второй рукой зажал ей рот и нос.

- Пожалуйста, не надо, - умолял он. - О, пожалуйста, не надо этого делать. Джордж будет злиться.

Она бешено вырывалась из его рук. Колотя ногами в стену, она извивалась, стремясь освободиться. Из-под руки Линни раздался сдавленный вопль. Линни заплакал от страха.

- О, пожалуйста, не делай ничего такого, - молил он. - Джордж будет говорить, что я поступил плохо. Он не разрешит мне держать кроликов.

Его рука слегка сдвинулась и наружу вырвался ее хриплый вопль. Тогда Линни рассердился.

- Ну-ка, перестань, - произнес он. - Я не хочу, чтобы ты орала. Джордж верно говорит - я из-за тебя наживу неприятности. Сейчас же прекрати.

А она все продолжала вырываться и глаза ее расширились от ужаса. Потом он тряс ее, он был сердит на нее.

- Кончай вопить, - говорил он, встряхивая ее, а ее тело билось, как тело рыбы, выброшенной на берег. А затем она затихла, потому что Линни сломал ей шею".

Одно дело - убивать мышей, и совсем другое - убивать людей. На этот раз странная причуда зашла слишком далеко. Джордж увел Линни, они бежали вглубь страны, скрываясь от преследующего их отряда шерифа. Они достигли края глубокой зеленой заводи Соленой Реки, присели, чтобы отдохнуть, и начали разговор. Линни ждал, что Джордж начнет ругать его за плохой поступок. Потом Линни попросил Джорджа рассказать ему еще раз о ферме, которая однажды станет их собственной.

"Линни сказал:

- Расскажи, как это будет.

Джордж прислушивался к звукам в отдалении. В этот момент у него был очень озабоченный вид.

- Посмотри на тот берег, Линни, и я тебе расскажу так, что ты увидишь это.

Линни повернул голову и посмотрел на другую сторону заводи, где темнели склоны Габилланов.

- Мы купим небольшое местечко... - начал Джордж.

Пока Линни, погруженный в мечты, смотрел на другой берег, видя там долгожданную ферму, Джордж достал из кармана револьвер. Внимание Линни было приковано к воображаемым кроликам и цыплятам, плясавшим перед его глазами. Когда отряд шерифа был уже совсем рядом, Джордж прицелился и спустил курок.

Слим, начальник отряда, показался первым.

Он подошел, посмотрел на лежащего Линни, затем опять на Джорджа.

- Точно в затылок, - тихо произнес он.

Слим направился прямо к Джорджу и сел рядом с ним, сел очень близко к нему.

- Не бери в голову, - сказал Слим, - иногда приходится это делать".

"Иногда приходится это делать". Иногда людей приходится казнить, если они несут разрушение. Людей, крушащих судьбы других, терпеть нельзя. Неважно, что силой, стоявшей за разрушительными поступками Линни, была детская, невинная любовь. В его

любви не содержалось никаких скрытых мотивов. Он никого не обманывал, никого не соблазнял. Его любовь была чистой любовью. Любовью такой силы, что она душила всех, кто противился ей. У Джорджа не было альтернативы. Он знал, что Линни не выжить в этом мире. Линни должен был умереть. Линни травмировал всех и все, к чему прикасался. Также было и с Христом. Он был непереносим для мира. Люди могли любить Его, но только на расстоянии. Христос не опасен для нас теперь, Он крепко связан временем и пространством. Но Христос не выжил бы и в нашем мире - в мире враждебных людей. Каиафа рассудил, что для блага народа Иисусу надо умереть. Так уж у нас повелось. "Иногда приходится это делать".

Глава пятая. Безумие Лютера

"Позвольте Богу быть Богом."

Мартин Лютер

Если мы сосредоточим свой ум на святости Бога, то результат может быть тревожным. Мартин Лютер был одним из тех людей, чей дух был глубоко потрясен проникновенным ощущением личности Бога. Собственный необычный характер Лютера, безусловно, отчасти сформировался под влиянием изучения Бога. Развилось это его личностью или исказило? Очистился его дух под влиянием встречи с Богом или эта встреча покалечила его?

"Люблю ли я Бога? Иногда я ненавижу Его!" Странно слышать подобные слова из уст человека, пользующегося таким уважением за свое религиозное рвение, как Лютер. Но он сказал это. Он прославился "возмутительными" высказываниями. "Порой мне кажется, что Христос - это не более чем грозный судья, который приходит, держа в руке меч". И: "Повеситься можно с этим Моисеем!"

Был ли этот человек сумасшедшим? Прежде чем пытаться ответить на этот вопрос, давайте рассмотрим те черты личности и особенности поведения Лютера, которые способствовали возникновению представления о нем, как о безумном.

Первая черта характера Лютера - присущие ему бурные вспышки гнева и невоздержанность на язык. Ему нравилось называть своих критиков "собаками". "Собаки подняли лай", - говаривал он, когда до его ушей доходила реакция критиков на его произведения. Его речь временами была грубой, сдобренной откровенными непристойностями.

В качестве примера давайте обратимся к ответу Лютера на "Обличение" Эразма Роттердамского:

"... Создается впечатление, что отвечать на ваши доводы - совершенно напрасная трата времени. Я сам уже многократно опровергал их, а Филипп Меланхтон в своем непревзойденном труде, посвященном доктринам теологии, втоптал их в грязь. Эта его книга, по моему мнению, заслуживает того, чтобы ее читали, пока существует чтение, она должна занять достойное место в церковном каноне. В сравнении с ней ваше "произведение" настолько поражает своей никчемностью, что мое сердце обливается кровью за вас, за то, что вы осквернили свою чудную, блистательную речь такой мерзостью. Мне кажется возмутительным рядить эту бульварщину в одеяния такого редкостного красноречия - все равно как таскать садовый мусор или навоз на золотых и серебряных блюдах". (Мартин Лютер, "В плену у воли", перев. Дж. И. Пакера и О. Р. Джонсона, Ревелл, 1970. - Martin Luther, *The Bondage of the Will*, trans. J.I. Packer and O.R. Johnson [Revell, 1970].)

Буйный нрав Лютера проявился во время важной встречи в Марбурге. Руководители молодого протестантского движения собрались, чтобы уладить разногласия относительно Вечери Господней. Посреди диалога Лютер начал колотить кулаком по столу, повторяя раз за разом: "Hoc est corpus meum, hoc est corpus meum". ("Это мое тело".) Его выходка напоминает нам вспышку Никиты Хрущева в Организации Объединенных Наций, когда он стучал башмаком по трибуне, чем стяжал себе неувядаемую славу.

Без сомнения, Лютер временами бывал несдержан. Он терпеть не мог напыщенности. Он часто глубоко оскорблял людей (называя их, например, собаками). Но все это, хотя и заставляет сомневаться в благопристойности поведения Лютера, еще не дает оснований считать его безумным.

Но есть тут нечто большее, чем просто манера разговора. Временами его поведение было откровенно странным.

Он страдал целым набором фобий. Широко известна история, в которой говорится о том, как Лютер попал в сильную грозу. Молния ударила совсем рядом с ним с такой силой, что его бросило на землю. Вот как об этом повествует великий историк церкви и биограф Лютера Роланд Бейнтон:

"Дело было на окраине одной из саксонских деревушек Стоттернхейма. В знойный июльский день 1505 года одинокий путник брел по растрескавшейся от жары дороге. Это был молодой человек, невысокого роста, но крепкого сложения, одетый так, как обычно одевались студенты университета. Внезапно пошел ливень, перешедший в настоящую бурю. Вспышка молнии прорезала мрак и пригвоздила человека к земле. Силясь подняться, охваченный ужасом, он воскликнул: "Святая Мария, помоги мне! Я стану монахом". Человек, призывавший святыню, позже отречется от культа святых. Давший обет

стать монахом превратится затем в яростного противника монашества. Тому, кто был верным сыном католической церкви, предстояло расшатать структуру средневекового католичества. Преданный слуга папы, он в будущем станет идентифицировать пап с антихристом. Ибо этим человеком был Мартин Лютер". (Роланд Бейнтон, "На том стою", 1978. - Roland Bainton, Here I Stand [NAL, 1978].)

Вскоре после этого происшествия Лютер исполнил свой обет. Он оставил занятия юриспруденцией и ушел в монастырь, чем чрезвычайно напугал своего отца Ганса.

Лютера преследовал страх насильственной смерти. Он считал ее выражением божественного суда и наказания. На протяжении всей жизни Лютер страдал от желудочных недомоганий и почечнокаменной болезни, мучительнейшего из всех недугов. Не однажды он письменно предсказывал свою смерть. Было много случаев, когда он был уверен, что всего лишь дни или недели отделяют его от могилы. Вспышка молнии выжгла рубец в его сознании, который так никогда и не исчез.

Далеко не всякий будет реагировать таким образом, даже оказавшись на волосок от смерти при ударе молнии. Несколько лет назад молния ударила рядом с тремя профессиональными игроками в гольф во время чемпионата "Открытый запад", недалеко от Чикаго. Молния буквально вбила их в землю. Одному из них, Ли Тревино, сильно повредило спину, что серьезно затормозило его карьеру. Позже у него брали интервью на телевизионном ток-шоу. Когда ведущий задал Тревино вопрос "Чему вас научил этот случай?", тот ответил в типичной для себя шутливой манере: "Этот случай научил меня, что если Всемогущий решил забить во все лунки, то лучше убраться с Его пути". Затем он добавил: "Во время грозы мне нужно было держать над головой металлическую клюшку". Ведущий был озадачен этим загадочным высказыванием. "Зачем?" - заинтригованно спросил он. Глаза Тревино сверкнули: "Потому что в нее даже Богу не попасть!" - сострил он.

Из опыта столкновения с молнией Тревино вынес несколько новых шуток для своего репертуара. Лютер - новый путь в жизни: путь монаха и богослова.

Вероятно, природа хронических желудочных недомоганий Лютера была психосоматической. Создается впечатление, что невротические фобии прямой наводкой направлялись к нему в желудок. Метеоризм, которым он страдал, вошел в легенду, частично благодаря его собственной преувеличенной рекламе. Его произведения пестрят постоянными ссылками на отрыжку и выпускание газов. Он говорил: "Если я пукну в Виттенберге, то слышно будет в Лейпциге".

К счастью, Лютер сумел найти в некотором роде "освященное" применение своему метеоризму. Он стал учить своих студентов, что пуканье - самый эффективный способ отбивать атаку дьявола. Лютер повсюду говорил о бросании в сатану чернильницей как о другом способе сопротивления ему. Свою битву с сатаной Лютер описывал в военных терминах, применяемых для описания осадного положения. Он был уверен, что является персональной мишенью Князя геенны.

Истории с сатаной дают богатую пищу для практикующих психологов. В этих рассказах они усматривают два признака душевной неуравновешенности. Считается, что Лютер страдал, с одной стороны, галлюцинациями, а с другой - манией величия, заключавшейся в том, что Князь тьмы якобы выбрал его в качестве своей любимой мишени.

Сейчас мы находимся в положении, которое дает нам известное преимущество, потому что мы можем рассмотреть ситуацию сквозь призму церковной истории. Поэтому предположение о том, что в шестнадцатом веке сатанинская энергия сильнее всего могла быть направлена именно на Мартина Лютера, нас удивлять не должно.

Еще один эпизод из жизни Лютера заставляет психиатров поднимать брови - празднование его первой мессы. К тому времени Лютер уже был известен как молодой и чрезвычайно многообещающий богослов. Однако его будущее как яркого проповедника и искусного оратора было пока еще скрыто для его современников.

Празднование последовавшей за рукоположением первой мессы Лютера стало его публичным дебютом, отметив начало его активной деятельности в качестве духовного лица. Старый Ганс Лютер почти примирился с решением сына оставить карьеру юриста, сулящую роскошную жизнь, ради монашеской рясы. Он даже стал гордиться им - "Мой сын, священник". На приближающуюся первую мессу смотрели как на день семейного торжества, и родственники Мартина были в числе собравшихся, чтобы стать свидетелями его праздника.

Никто среди публики не ожидал того, что произошло. Лютер начал проповедь очень спокойно и торжественно. Он, казалось, излучал величественное благолепие священника.

Дойдя до молитвы Освящения, до того момента в мессе, когда ему предстояло впервые вступить в свои полномочия как священника и призвать силу Божию совершить великое чудо Евхаристии (превращение хлеба и вина в тело и кровь Христа) - когда настал этот момент, Лютер остановился.

Он застыл у алтаря. Какая-то сила, казалось, приковала его к месту. Его глаза остеклялись, на лбу заблестели капли пота. Воцарилась напряженная тишина, все взгляды были устремлены на Мартина. Собрание молчаливо призывало молодого священника продолжать. Гансу Лютеру стало не по себе, он чувствовал, как его захлестывает волна родительской неловкости. Нижняя губа его сына задергалась. Он попытался произнести слова мессы, но из его уст не исходило ни звука. Он захромал и вернулся к столу, за которым сидел отец и гости - члены семьи. Он провалился. Он испортил мессу, опозорил себя и своего отца. Ганс был в ярости. Он только что щедро пожертвовал на монастырь, а теперь чувствовал себя униженным в том самом месте, куда пришел, чтобы стать свидетелем почестей, воздаваемых его сыну. Он разразился потоком брани в адрес Мартина и поднял вопрос о его пригодности к карьере священника. Мартин защищался, говорил, что быть священником - его призвание, ссылаясь на призыв свыше, который он ощутил во время происшествия с молнией. Ганс возражал: "Моли Бога, чтобы это не было дьявольским видением".

Что же происходило у алтаря? Как объяснил сам Лютер, его поразила паралич в тот самый миг, когда он должен был произнести слова: "Мы приносим это Тебе, живому, истинному, вечному Богу". Вот что он говорит:

"Когда пришло время произнести эти слова, я почувствовал себя совершенно ошеломленным. Меня охватил ужас. Я подумал про себя: "На каком языке разговаривать мне с таким величием, когда все люди должны трепетать в присутствии даже земного властителя? Кто я такой, чтобы поднимать глаза или возносить руки к божественному Величию? Ангелы окружают Его. Когда Он кивает головой, земля трепещет. И смею ли я, жалкий маленький пигмей, говорить: "Я хочу этого, я прошу этого?" Ибо я прах и пепел и полон греха, и я говорю с живым, вечным, истинным Богом". (Рональд Бейнтон, "На том стою", 1978.)

Но эти эпизоды не имеют большого значения при решении вопроса о здравом уме Лютера. Нам нужно сосредоточить внимание на одном из самых драматических моментов его жизни. Этот момент драматичен для всего христианского мира. Самое тяжелое испытание в жизни Лютера наступило, когда собрался императорский суд в Вормсе в 1521 году. Перед правителями церкви и государства, в присутствии Чарлза, императора священной Римской империи, сына рудокопа судили за ересь.

События вышли из-под контроля, когда профессор богословия прибил табличку с написанными на ней девяносто пятью тезисами к двери церкви в Виттенберге. Эти тезисы Лютер выдвинул в качестве предмета для обсуждения богословов. У него не было никакого желания раздувать это обсуждение в национальный или международный пожар. Нашлись люди, вероятно, это были студенты, которым попали в руки эти тезисы и которые затем воспользовались чудесным изобретением Гутенберга. Через две недели тезисы стали темой разговора всей Германии. Чтобы объяснить происшедшее, Бейнтон воспользовался образом, возникшим у Карла Барта:

"Лютер был подобен человеку, который в полной темноте карабкается по вьющейся лестнице внутри колокольни древнего собора. Во мраке он протянул руку, ища опоры, и его рука легла на веревку. Он остолбенел, услышав колокольный звон". (Рональд Бейнтон, "На том стою", 1978.)

Закрутился водоворот споров. Тезисы доставили в Рим. Папой в то время был Лев X. Существует легенда, согласно которой по прочтении тезисов он сказал: "Лютер - пьяный немец. Он изменит свое мнение, когда протрезвеет". Шла борьба между монашескими орденами и богословами. Лютер вмешался в эту войну в самых горячих ее точках - в Аугсбурге и Лейпциге. В этих двух городах шли самые ожесточенные дебаты. В конце концов был обнародован официальный папский указ, осуждающий Лютера. Заглавие документа, "Ersurge Domine", происходит от его начальных слов: "Встань, Господь, и рассуди мое дело. Дикий кабан забрался в мой виноградник".

После публикации указа в Риме сожгли книги Лютера. Лютер обратился с апелляцией к императору. В конце концов в Вормсе собрался суд, который выдал Лютеру документ, дававший ему возможность безопасного перемещения (чтобы Лютер мог явиться на суд).

Именно такие события, подобные имевшим место в Вормсе, дают почву для легенд. Фактически эти события породили легенды. Голливуд прикоснулся своей волшебной

палочкой к этой сцене. Наиболее широко распространенное представление о Лютере в Вормсе воплощено в образе доблестного героя, бросающего вызов властным структурам. Лютеру задают вопрос: "Отречешься ли ты от своих произведений?" Мы представляем себе Лютера, возвышающегося над своими врагами, потрясающего кулаками и бестрепетно бросающего им в лицо: "На том стою!" Затем, представляем мы, он поворачивается на каблуках и смело выходит из зала под одобрительные восклицания публики. Он садится на белого коня и едет галопом на фоне заката, чтобы начать протестантскую Реформацию.

А теперь - как это было на самом деле.

Первое слушание состоялось 17 апреля. Атмосфера в зале была накалена до предела, все были возбуждены в связи с предстоящим откровенным обменом мнениями. Еще до своего прибытия в суд Лютер сделал следующее дерзкое заявление:

"Таким будет мое отречение в Вормсе: "Раньше я говорил, что папа - заместитель Христа. Я отрекаюсь от этого. Теперь я говорю, что папа - противник Христу и апостол дьявола"". (Рональд Бейнтон, "На том стою", 1978.)

Толпа с нетерпением ждала новых дерзостей. Не дыша, люди ждали момента, когда дикий кабан начнет неистовствовать.

Когда заседание императорского суда открылось, Лютер стоял в центре огромного зала. Рядом с ним на столе лежали его книги, вызвавшие столько споров. Служащий спросил Лютера, его ли это книги. Он ответил едва слышным шепотом: "Все эти книги мои, и я написал еще больше". Затем наступила очередь решительного вопроса - готов ли Лютер отречься. Не было никакого потрясения кулаками, никакого дерзкого вызова. Опять Лютер ответил почти неслышно: "Я прошу вас, дайте мне время на обдумывание". Как и на своей первой мессе, Лютер споткнулся. Уверенность покинула его. Дикий кабан внезапно превратился в жалобно скулящего щенка. Император был шокирован этой просьбой и гадал, не является ли она просто ловким тактическим ходом, попыткой поднаторевшего в ученых спорах богослова завести дело в тупик, затормозить его. Тем не менее, он милосердно даровал отсрочку до завтрашнего дня, дав Лютеру двадцать четыре часа на обдумывание.

Этой ночью в уединении своей комнаты Лютер написал одну из самых трогательных молитв, которые когда-либо были созданы. В этой молитве открывается душа смиренного человека, падающего ниц перед своим Богом и отчаянно стремящегося обрести мужество, чтобы выдержать одинокую борьбу с враждебными людьми. Для Лютера это был его личный Гефсиманский сад:

"О Боже, Всемогущий, вечный Бог! Как ужасен мир! Смотри, как он открывает рот, чтобы проглотить меня, и как слаба моя вера в Тебя!.. О! Нemoшь плоти и сила сатаны! Если я буду полагаться на силу этого мира, то все кончено... Раздался похоронный звон... Приговор произнесен... О Боже! О Боже! О Ты, Боже мой! Помоги мне устоять против всей мудрости этого мира. Сделай это, молю Тебя. Ты должен это сделать... сделай это Своей могучей силой... Это дело не мое, а Твое. Мне тут нечего делать... Мне нечего делить с этими великими людьми мира сего! Я бы с радостью провел свои дни в мире и покое. Но это дело - Твое. И оно праведно и вечно! О Господи! Помоги мне! О верный и неизменный Боже! Я не полагаюсь на человека. Это всегда было напрасно! Все человеческое непрочно, все исходящее от человека обречено на провал. Боже мой! Боже мой! Разве Ты не слышишь? Боже мой! Разве Ты больше не живой? Нет, Ты не можешь умереть. Ты только скрываешься. Ты выбрал меня для этой работы. Я знаю это!.. Значит, Боже, исполни Твою собственную волю! Не покинь меня, ради Твоего возлюбленного Сына, Иисуса Христа, моего щита, моей опоры, моей крепости. Господи - где Ты?.. Боже мой, где Ты?.. Приди! Я молю Тебя, я готов... Смотри, я готов положить свою жизнь за Твою правду... страдая, как агнец. Ибо это дело свято. Оно - Твое собственное! Я не отпущу Тебя! Нет, никогда! И хотя этот мир должен быть заполнен дьяволами, а это тело, работа Твоих рук, должно быть выброшено вон, затоптано под ногами, разрезано на куски, ... сожжено и превращено в угли, но моя душа принадлежит Тебе. Да, у меня есть Твое собственное слово, которое говорит, что это так. Моя душа принадлежит Тебе и пребудет с Тобой вечно! Аминь! О Боже, пошли мне помощь!.. Аминь!"

На следующий день Лютер вернулся в зал заседаний. На этот раз его голос не колебался и не дрожал. В ответ на заданный вопрос он попытался произнести речь. В конце концов инквизитор потребовал прямого ответа:

"Я спрашиваю тебя, Мартин - спрашиваю прямо и без околичностей - отрекаешься ты или не отрекаешься от своих книг и от содержащихся в них заблуждений?"

Лютер ответил:

"Так как Ваше Величество и ваша светлость желают простого ответа, то я отвечу прямо и без околичностей. Если меня не убедят в обратном Священное Писание и неопровержимые доводы разума, я не признаю авторитета пап и церковных советов. Последние противоречат первым, а моя совесть в плену у Слова Божьего. Я не могу ни от чего отречься и не сделаю этого, поскольку идти против совести и неправильно, и небезопасно. На том стою и не могу иначе. Боже, помоги мне. Аминь".

Слова безумного? Возможно. Встает вопрос, как человек осмелился в одиночку пойти против папы и императора, советов и указов, против всей организованной власти христианского мира? Какой самоуверенностью и даже надменностью надо было обладать, чтобы противоречить самым блестящим ученым умам и самым высоким представителям церковной власти, чтобы пойти со своим собственным умом и своим собственным толкованием Библии против целого мира! Это что - эгоизм? Или мания величия? Проявления ли это библейского гения, мужества святого или бред маньяка? Каков бы ни был ответ, против чего бы он ни шел - против зла или добра, это сопротивление одиночки раскололо христианский мир.

Каким бы важным ни было это событие для церкви и для личной истории Мартина Лютера, не оно все-таки послужило причиной, по которой ученые сочли Лютера безумным. В этом человеке было нечто еще более экстраординарное, болезненное, патологическое, воистину ужасающее. Это впечатление связано с поведением Лютера в его бытность монахом.

Став монахом, он пошел по пути сурового аскетизма. Он поставил перед собой цель стать идеальным монахом и упорно шел к этой цели. Он постился по нескольку дней и предавался жестоким формам самобичевания. В вопросах самоограничения он пошел дальше правил, установленных в монастыре. Его молитвенные бдения длились дольше, чем у всех остальных. Он отказывался от положенных ему по уставу одеял и однажды почти замерз до смерти. Он подвергал свое тело настолько суровым наказаниям, что позже сам говорил, будто именно в монашеской келье нанес непоправимый вред своей пищеварительной системе. Он писал об этом периоде своей жизни:

"Я был хорошим монахом, и я соблюдал правила ордена настолько строго, что могу сказать: если есть такой монах, который отправится на небеса благодаря своим монашеским подвигам, то этот монах - я. Все мои братья по монастырю подтвердят мои слова. Если бы я продолжал в том же духе еще хоть немного, то я бы убил себя бодрствованиями, молитвами, чтением и другими делами". (Рональд Бейнтон, "На том стою", 1978.)

Одной из самых больших странностей в поведении Лютера была его привычка к ежедневной исповеди. Исповедь требовалась от монахов, но не ежедневная. Требование состояло в том, что монах должен был исповедоваться во всех грехах. Лютер не мог провести ни одного дня, не согрешив, поэтому он считал необходимым каждый день ходить в исповедальню за отпущением грехов.

Исповедь была частью ежедневной монашеской жизни. Другие братья регулярно приходили к своим духовникам и говорили: "Отец, я согрешил. Прошлой ночью я не спал после "отбоя" и читал Библию при свече". Или: "Вчера во время обеда я возжелал картофельного салата брата Филиппа". (Много ли дел можно наделать в монастыре?) Духовный отец выслушивал исповедь, отпускал грехи и налагал небольшую епитимию. На этом все кончалось. Вся операция занимала лишь несколько минут.

Не так было с братом Лютером. Он доводил своего духовника до безумия. Лютера не удовлетворяло краткое перечисление грехов. Он хотел быть уверенным, что в его жизни не осталось ни одного неисповеданного греха. Он входил в исповедальню и оставался там каждый день часами. Был случай, когда Лютер провел шесть часов, исповедуясь в грехах, совершенных им накануне!

Настоятели монастыря начали беспокоиться за Лютера. Они предположили, что он - "белоручка", предпочитающий проводить часы бодрствования в исповедальне, вместо того чтобы изучать Библию или работать. Было выдвинуто предположение, что Лютер - душевно неуравновешенный человек, быстро продвигающийся к серьезному психозу. Наставник Лютера, Стаупитц, в конце концов рассердился и отчитал его:

"Задумайся, - сказал он. - Если ты хочешь, чтобы Христос простил тебя, так приди к Нему с чем-нибудь, что надо прощать, - с отцеубийством, богохульством, прелюбодеянием, - вместо того чтобы приходиться со всеми этими пустячными грешками... Послушай, Бог не

сердится на тебя. Ты сердисься на Бога. Разве ты не знаешь, что Бог повелел тебе надеяться?" (Рональд Бейнтон, "На том стою", 1978.)

Вот оно! Вот тот аспект личности Лютера, на основании которого был вынесен приговор о его безумии. Этот человек был чрезвычайно ненормальным. Его комплекс вины переходил все рамки. Его вина приняла такие патологические размеры, а эмоциональная жизнь настолько расстроилась, что он уже не мог функционировать как нормальное человеческое существо. Он не мог даже функционировать как нормальный монах. Он по-прежнему убежал от молнии. Бейнтон резюмирует его состояние таким образом:

"Вслед за тем его охватило чувство ужасающей тревоги. В его душу вторгся панический страх. Его совесть стала настолько беспокойной, что откликнулась на малейшее дуновение ветерка. Мартин начинал мучиться из-за всякой мелочи. Его дух был охвачен ужасом из ночного кошмара, ужасом, испытываемым человеком, который проснулся во мраке и смотрит в глаза того, кто пришел, чтобы отнять у него жизнь. Небесные воины удалились. Демон подает злобные знаки, призывает немощную душу. Эти муки, о которых Лютер многократно свидетельствовал, были хуже любого физического недуга, когда-либо его терзавшего. Его описание настолько соответствует описанию переживаний человека, страдающего душевным расстройством, что снова возникает соблазн задаться вопросом: нужно ли рассматривать его расстроенное состояние как результат трудностей духовного роста или правильнее будет счесть его последствием недостаточной функции желез внутренней секреции?" (Рональд Бейнтон, "На том стою", 1978.)

Чем объясняется такое поведение Лютера? Одно можно сказать с уверенностью: Лютеру не доставало тех защитных механизмов, которыми пользуются нормальные люди для заглушения обвиняющего голоса совести.

Некоторые теоретики утверждают, что сумасшедшие могут видеть реальность более ясно и иметь более соответствующее истине представление о ней, чем люди, находящиеся в здравом уме. Например, человек, который не находит себе места от тревоги, обращается к психиатру с жалобой, что он, парализованный страхом, не может заставить себя пойти на церковный пикник. Когда психиатр начинает задавать вопросы, то выясняется, что по дороге можно попасть в автомобильную аварию, на пикнике может ужалить ядовитая змея и, если начнется гроза, можно попасть под удар молнии, а во время еды - насмерть подавиться "хот-догом".

Этот человек боится таких вещей, которые действительно могут произойти. Жизнь - штука опасная. Нет такого места, где можно было бы считать себя огражденным от множества опасностей. Говард Хафс, со всеми своими миллионами, не мог найти для себя такой среды обитания, где ему ни грозило бы нападение враждебных микроорганизмов. Психиатр не в состоянии доказать, что все пикники безопасны. Этот человек совершенно прав, предполагая все то плохое, что может произойти, но он все равно ненормален, потому что утратил защитные механизмы, которыми пользуемся мы во всех жизненных обстоятельствах, механизмы, благодаря которым мы способны игнорировать явные и насущные опасности, угрожающие нам отовсюду.

Один аспект биографии и личности Лютера часто ускользает от аналитиков. Они упускают тот момент, что прежде чем пойти в монастырь, Лютер уже был известен как один из самых блестящих молодых умов Европы в области юриспруденции. Лютер был одареннейшим человеком. Его мозг работал отлично. Он отличался выдающейся способностью схватывать наиболее тонкие и трудные места закона. Некоторые предвещали ему будущность юридического гения.

Давно известно, что гений и безумие разделяет тонкая граница и что некоторые люди многократно пересекают эту границу в обоих направлениях. Возможно, так происходило и с Лютером.

Он не был сумасшедшим. Он был гением. Он обладал превосходным, не знающим себе равных пониманием закона. Когда он применял свой проницательный юридический ум к закону Божьему, он видел то, что большинство смертных упускает.

Лютер исследовал величайшую заповедь: "Люби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя". Затем он задался вопросом: "А каково величайшее прегрешение?" Некоторые отвечают на этот вопрос, говоря, что великие грехи - это убийство, прелюбодеяние, богохульство или неверие. Лютер не соглашался с этим утверждением. Он сделал заключение, что если Величайшая Заповедь - любить Бога всем сердцем, то Величайшее Преступление - не любить Бога всем сердцем. Он усматривал равновесие между главными обязанностями и главными грехами.

Большинство людей так не думают. Ни один из нас не способен соблюсти Величайшую Заповедь даже в течении пяти минут. На первый взгляд нам может показаться, что мы соблюдаем ее, но стоит задуматься на минуту, и становится ясно, что никто из нас не любит Бога всем сердцем, или всем разумением, или всей крепостью. Ни один из нас не любит ближнего так, как любит себя. Мы можем прибегать к всевозможным уловкам, лишь бы только не задумываться об этом на глубинном уровне, но где-то в самой сердцевине нашего "я" всегда тлеет это досадное знание и звучит обвиняющий голос. Он говорит нам, что, если смотреть правде в глаза, мы преступаем Величайшую Заповедь каждый день. Подобно Исаии, мы также знаем, что и никто другой ее не соблюдает. Это нас и утешает: никто не совершенен. Мы все лишены совершенной любви к Богу, так какой смысл об этом беспокоиться? Это понимание не заставляет находящихся в здравом уме и трезвом рассудке людей проводить в исповедальне ежедневно по шесть часов. Если бы Бог наказывал всякого, кто не может соблюсти Величайшую Заповедь, то Ему пришлось бы наказать всех живущих в этом мире. От нас требовалось бы слишком много, испытание оказалось бы слишком трудным. Это было бы несправедливо. Богу придется всех нас судить "по кривой".

Лютер смотрел на это не так. Он ясно осознавал, что если Бог будет судить нас "по кривой", то Ему придется поступиться Своей собственной святостью. Рассчитывать на то, что Бог это сделает, чрезвычайно самоуверенно и вместе с тем чрезвычайно глупо. Бог не снижает Своих стандартов, чтобы мы могли им соответствовать. Он остается полностью святым, полностью праведным и полностью справедливым. Но мы несправедливы и в этом заключается наша дилемма. Юридический ум Лютера преследовал вопрос: как может несправедливый человек выжить в присутствии справедливого Бога? В то время как все остальные находили легкий и удобный ответ на этот вопрос, Лютер сгорал на медленном огне:

"Разве вы не знаете, что Бог обитает в свете недоступном? Мы, слабые и невежественные существа, хотим исследовать и понять непостижимое величие безмерного сияния этого дива - Бога. Мы приближаемся. Мы готовимся к приближению. Что же удивительного, когда Его величие подавляет нас и разбивает!" (Рональд Бейнтон, "На том стою", 1978.)

Лютер был прямой противоположностью одному библейскому персонажу - богатому высокопоставленному юноше, который пришел к Иисусу с вопросом о спасении:

"И спросил Его некто из начальствующих: Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Иисус сказал ему: "что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Знаешь заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй и, почитай отца твоего и мать твою" (Лк. 18:18-20).

В этом широкоизвестном разговоре Иисуса с молодым начальником часто упускают один значительный момент. А именно - то, как молодой человек приветствовал Иисуса. Он назвал Его "благим учителем". От Иисуса не ускользнула многозначительность этого. Иисус сразу понял, что беседует с человеком, который лишь поверхностно понимает слово благой. Этот человек хотел поговорить с Иисусом о спасении. Вместо этого Иисус тонко повернул разговор в сторону обсуждения благодати и ответа на вопрос: что значит быть благим? Он воспользовался возможностью преподать этому человеку незабываемый урок, объяснив ему смысл благодати.

Свой ответ Иисус начинает, отталкиваясь от его приветствия: "Что ты называешь Меня благим?" Следующей фразой Он еще более акцентирует внимание на этом моменте, уточняет его: "Никто не благ, как только один Бог". Некоторые люди, и среди них даже ученые богословы, становятся в тупик перед некоторыми замечаниями Иисуса. Одни эту фразу понимают так: "Почему ты называешь Меня благим? Я не благ. Только Бог благ. Я не Бог. Я не благ".

Иисус ни в коей мере не отказывался здесь ни от Своей божественности, ни от Своей благодати. Если бы богатый юноша отдавал себе отчет в том, с Кем он говорит, то было бы уместным для него называть Иисуса благим. Иисус был благим. Он был воплощением Бога. Этот человек говорил с Богом во плоти. Дело в том, однако, что юноша не отдавал себе в этом отчета. Он почитал Иисуса за великого учителя, но это было все, что он в Нем видел. Он понятия не имел о том, что разговаривает с Богом во плоти. Ему и в голову не приходило, что он обсуждает благодать с Воплощением Бога.

Богатый молодой начальник, очевидно, не знал Библии. Он не понимал смысла 13 Псалма: "Сказал безумец в сердце своем: "Нет Бога". Они развратились, совершили гнусные дела, нет делающего добро. Господь с небес призрел на сынов человеческих,

чтобы видеть, есть ли разумеющий, ищущий Бога. Все уклонились, сделались равно непотребными, нет делающего добро, нет ни одного" (Пс. 13:1-3).

Апостол Павел в Новом Завете цитирует этот отрывок и усиливает его значение. Смысл сказанного упустить невозможно. Нет делающего добро, нет ни одного. Добавленное "нет ни одного" устраняет всякую возможность недопонимания. Обвинительный приговор не делает исключения ни для кого, кроме Сына Божьего, единственного, достигающего благодати.

Человеческий дух в ужасе отшатывается перед таким приговором, охватывающим все мироздание. Священное Писание, конечно, преувеличивает. Мы все знаем людей, делающих добро. Мы часто видим, как люди совершают добрые дела. Мы милостиво соглашаемся, что никто не совершенен. Мы все порой оступаемся. Но мы все-таки совершаем добрые дела время от времени, не правда ли? Именно так думал богатый молодой начальник. Он измерял благодать, исходя из неверного стандарта. Он оценивал добрые дела с удобной позиции стороннего наблюдателя.

Бог повелевает нам совершать определенные добрые поступки. Он велит нам подавать милостыню бедному. Мы подаем милостыню бедному. Это хорошее дело, ведь так? И да, и нет. Оно хорошее в том смысле, что внешне наш поступок соотносится с Божьей заповедью. В этом смысле мы часто делаем добро. Но Бог также смотрит в сердце. Его беспокоят наши самые сокровенные сердечные побуждения. Для того чтобы доброе дело соответствовало Божьим стандартам праведности, оно должно исходить из сердца, любящего Бога совершенной любовью и такой же совершенной любовью любящего ближнего. Так как никто из нас не достигает совершенства в любви как к Богу, так и к человеку, то все наши добрые дела тускнеют. Они несут на себе пятно несовершенства наших внутренних побудительных мотивов. Библейская логика такова: так как никто не обладает безупречным сердцем, никто не может совершать безупречные дела.

Зеркалом истинной праведности является Закон Божий. Когда мы ставим свои дела перед этим зеркалом, то в отражении мы ясно видим собственное несовершенство. Иисус держал это зеркало перед глазами богатого молодого начальника: "Знаешь заповеди: не прелюбодействуй..." Здесь важно отметить, что заповеди, которые Иисус перечислил молодому начальнику, - это заповеди, определяющие наши обязанности по отношению к другим человеческим существам. Это заповеди, запрещающие воровство, прелюбодеяния, убийства и так далее. Бросается в глаза, что в приведенном Иисусом перечне отсутствуют первые несколько заповедей, посвященные нашим обязанностям по отношению к Богу.

Как ответил молодой человек? Он ничуть не встревожился. Он спокойно взглянул в зеркало и не увидел никаких недостатков. В манере, которую можно охарактеризовать только как самодовольную, он ответил: "Все это сохранил я от юности моей".

Вообразите, насколько самонадеян или насколько невежествен был этот человек. Я с трудом могу понять терпение Иисуса по отношению к нему. Я бы не сдержался. Я бы тут же выразил свое негодование, сказал бы что-нибудь вроде: "Что ты говоришь! Ты, оказываешься, с юности соблюдаешь Десять заповедей! Да ты не одной не соблюдаешь в течение последних пяти минут! Ты что, не слышал Нагорной проповеди? Разве ты не понимаешь, что если несправедливо раз гневался на кого-то, то уже на более глубоком уровне пошел против закона, запрещающего убийство? Разве не знаешь, что если испытываешь похоть по отношению к женщине, то нарушил на более глубоком уровне закон, запрещающий прелюбодеяние? Ты никогда не жаждешь чужого? Ты всегда считаешь родителей? Ты или сумасшедший, или слепой. Твое послушание, в лучшем случае, было поверхностным. Ты повинешься только с виду".

Вот так бы я отреагировал. Но не так повел себя Иисус. Иисус поступил и более тонко, и более эффективно: "Услышав это, Иисус сказал ему: еще одного не достаёт тебе: все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за Мною" (Лк. 18:22).

Если Иисус когда-нибудь говорил шутя, то здесь именно тот случай. Если понимать слова Иисуса буквально, то придется сделать вывод, что этот разговор имел место между двумя самыми праведными людьми из всех когда-либо живших на земле: между Агнцем без пятна и порока и агнцем только с одним пороком. Я пришел бы в восторг, если бы услышал от Иисуса, что до морального совершенства мне не хватает всего одного качества.

Но нельзя воспринимать слова Иисуса буквально. Если мы поразмыслим и попытаемся заглянуть в потаенные уголки души Иисуса, то поймем, что ход Его мыслей был приблизительно таким: "Так ты, значит, с юности соблюдаешь Десять заповедей. Ну что

ж, посмотрим. Какая у нас первая заповедь? Ах, да: "Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим". Давай посмотрим, как у тебя обстоят дела с этой заповедью".

Иисус решил испытать его. Если в жизни этого богатого юноши было что-то, что стояло для него впереди Бога, то это были его деньги. Именно здесь Иисус и бросил ему вызов, проверяя, как он повинуется заповеди номер один: "Все, что имеешь, продай..."

Как отреагировал богатый молодой человек? Как справился он со своим единственным пороком? Он пошел прочь, опечалившись, потому что у него было большое богатство. Этот человек был подвергнут экзамену на исполнение Десяти заповедей и провалился после первого же вопроса.

Я рассказываю это не для того, чтобы выдвинуть закон, в согласии с которым все христиане должны избавляться от всей частной собственности. Цель этого повествования - помочь понять, что такое послушание и что на самом деле требуется для истинной благодати. Иисус потребовал от этого человека, чтобы тот доказал свое заявление, и тому это не удалось.

Когда, много веков спустя, произошла встреча Иисуса и другого молодого человека, ему не пришлось вдаваться в длительные объяснения, чтобы помочь тому осознать свой грех. Он никогда не говорил Лютеру: "Одного тебе не достает". Лютер уже знал, что ему много чего не достает. Он был юристом, "законником". Он изучал Закон Ветхого Завета. Он знал требования, предъявляемые чистым и святым Богом, и они сводили его с ума.

Гений Лютера натолкнулся на юридическую дилемму, которую он не мог разрешить. Выглядело это так, как будто решения вообще не существовало. День и ночь он размышлял над вопросом: как справедливый Бог может принять несправедливого человека? Он знал, что от ответа зависит его участь в вечности. Но он не мог найти ответа. Люди с умом меньшего масштаба, чем у него, весело шли своей дорогой. О, блаженство невежества! Их вполне устраивала мысль, что Бог вступит в компромисс со Своим собственным моральным превосходством и позволит им попасть на небеса. В конце концов, небеса не будут таким чудесным местом, каким его прославляют, если они не будут допущены в них. Бог должен оценивать "по кривой". Дети есть дети, а Бог - достаточно взрослый, чтобы не поднимать такого уж большого шума по поводу нескольких мелких пороков.

Две вещи отделяли Лютера от всех остальных людей: во-первых, он знал, кто такой Бог. Во-вторых, он понимал требования закона этого Бога. Он овладел законом. Если бы он не пришел к пониманию Евангелия, он умер бы в мучениях.

Затем это произошло: религиозный опыт Лютера достиг наивысшей точки. При этом не вспыхивали молнии, не летали чернильницы. Это случилось в тишине, во время его уединенных занятий. Так называемый "башенный опыт" Лютера изменил ход мировой истории. Эти его переживания включали в себя новое понимание Бога, новое понимание Его божественной справедливости. Он понял, как Бог может быть милосердным, не поступаясь Своей справедливостью. Он по-новому понял, каким образом святой Бог выражает святую любовь:

"Я всей душой жаждал понять Послание Павла к Римлянам, и ничто не стояло на пути понимания, кроме одного выражения: "Правда Божия", потому что я понимал его в том смысле, что это - праведность и справедливость, которые присущи Богу и исходя из которых Он наказывает неправедных и несправедливых. Моя ситуация была такова, что я, хотя и был безупречным монахом, стоял перед Богом как грешник с нечистой совестью, и у меня не было никакой уверенности, что мои заслуги смягчат Его гнев. Поэтому я не любил справедливого и разгневанного Бога, а ненавидел Его и роптал против Него. Но я все же тянулся к этому Посланию дорогого для меня Павла и жаждал знать, что он имел в виду. Я размышлял день и ночь, пока не увидел связь между праведностью Божьей и высказыванием "праведный верой жив будет". Тогда я, наконец, понял, что праведность, или правда Божья, - это праведность, исходя из которой через благодать и чистую милость Бог оправдывает нас по вере. Тогда я ощутил себя заново родившимся и так, словно через открытые двери я вошел прямо в рай. Все Священное Писание приобрело новый смысл, и если раньше слова "правда Божия" вызывали у меня ненависть, то теперь их звучание наполнилось невыразимой сладостью и величайшей любовью. Этот отрывок из Послания Павла послужил для меня воротами на небеса. Если вы действительно имеете веру в то, что Христос - ваш Спаситель, то в это же мгновение вы приобретаете милосердного Бога, поскольку вера открывает для вас сердце Бога и Его волю, чтобы вам увидеть чистую милость и бьющую через край любовь. Вот что значит - смотреть на Бога, веруя. Тогда вы увидите Его полное отцовской любви сердце, сердце друга, в котором нет

ни гнева, ни жестокости. Тот, кто видит Бога, как гневного Бога, смотрит на Него неправильно, но глядит только на одну завесу, как будто темное облако заволакивает ему лицо". (Рональд Бейнтон, там же.)

Как и Исаия до него, Лютер почувствовал на своих губах прикосновение раскаленного угля. Он знал, что значит распасться. В зеркале святого Бога он увидел себя распадающимся на осколки. Позже он говорил, что Бог, прежде чем позволить ему испытать вкус небес, должен был сначала позволить ему заглянуть в бездну ада. Бог не бросал его в эту бездну Он спас его от нее. Он доказал, что является одновременно и праведным, и оправдывающим Богом. Когда Лютер впервые понял Благоую весть, двери рая распахнулись и он прошел через них.

"Праведный верой жив будет". Это был боевой клич протестантской Реформации. Идея, что оправдание приходит только через веру, благодаря заслугам только одного Христа, является настолько основополагающей для Евангелия, что Лютер характеризовал ее как "фундамент, на котором церковь стоит или падает". Лютер знал, что это и для него фундамент, на котором он устоит или падет.

Как только Лютер уловил смысл того, чему Павел учил в Послании к Римлянам, он родился заново. Бремя вины было снято с его души. Безумная мука закончилась. Это так много для него значило, что он сумел выстоять против папы и церковного совета, князя и императора, а в случае надобности сумел бы выстоять и против целого мира. Он прошел через ворота рая, и никто не смог бы затащить его обратно. Лютер был протестантом, знающим, что означает его протест.

Был ли Лютер безумным? Возможно. Но если это и так, то надо молиться, чтобы Бог послал на эту землю эпидемию такого безумия, чтобы и мы тоже смогли вкусить праведности, приобретаемой только одной верой.

Глава шестая. Святая справедливость

"Справедливость по праву считается наивысшим из всех достоинств, вызывающим большее восхищение, чем утренняя звезда и вечерняя звезда..."

Аристотель

Мартин Лютер понимал, чем чревата для несправедливых людей жизнь в присутствии справедливого и святого Бога. Лютер был монахом из монахов также, как Павел вначале был фарисеем из фарисеев. Оба были высокообразованными и блестяще одаренными людьми. О Павле говорили, что в момент своего обращения он был самым образованным человеком во всей Палестине. К тому времени, когда ему исполнился двадцать один год, степень его образованности была эквивалентна двум степеням доктора философии. Он также глубоко изучал Закон и бился над проблемой справедливости Бога. Они оба - и Лютер-монах, и Павел-фарисей - были снедаемы проблемой святой справедливости. Они оба, прежде чем стать защитниками Евангелия, изучали Ветхий Завет.

Наверное, всякого, изучающего Ветхий Завет, ставит в тупик очевидная жестокость Божьего суда, которую мы там видим. Многие на этом и останавливаются. Их ставят в тупик места, содержащие описания зверств, отрывки, которые у нас принято называть "жесткими". Для некоторых людей такие "жесткие" отрывки становятся основанием для того, чтобы немедленно отвергнуть христианство. Они находят достаточно причин, чтобы презирать ветхозаветного Бога. Другие стараются смягчить удар. Для этого они превращают Ветхий Завет в религиозную притчу или применяют метод ножниц и ластика, сводя жесткие отрывки к примитивным мифам. Некоторые заходят даже настолько далеко, что утверждают, будто Бог Ветхого Завета отличается от Бога Нового Завета - что это вроде как бы теневой Бог с плохим характером, демоническое божество, испепеляющее своей яростью и стоящее ниже новозаветного Бога любви.

В этой главе я хочу взглянуть прямо в глаза ветхозаветному Богу. Я хочу рассмотреть самые трудные, самые оскорбительные отрывки, с которыми можно встретиться в Ветхом Завете. Может быть, удастся понять их смысл. Мы посмотрим на скорый и внезапный суд над Надавом и Авиудом, сынами Аарона. Мы задумаемся над тем, как Бог поразил смертью Озу за то, что тот осмелился прикоснуться к ковчегу завета. Мы взглянем в пространный список преступлений, которые Бог повелел карать смертной казнью. Мы посмотрим на убийства женщин и детей, кровавые бойни, якобы совершавшиеся по приказанию Бога. Внимание! Эта глава не для слабонервных. Если вы готовы читать вместе с нами, то мы заглянем в бездну Самого Ужасного.

"Надав и Авиуд, сыны Аароновы, взяли каждый свою кадильницу, и положили в них огня, и вложили в него курений, и принесли пред Господа огонь чуждый, которого Он не велел им. И вышел огонь от Господа, и сжег их, и умерли они пред лицом Господним" (Лев. 10:1,2).

Надав и Авиуд были священниками, сыновьями Аарона, первосвященника. Бог лично отобрал Аарона в качестве самого первого первосвященника. Вместе с Моисеем Аарон вел народ израильский через пустыню. Если кто-то в Израиле имел тесные взаимоотношения с Богом, то это были Моисей и Аарон. По человеческим меркам сыновьям Аарона Бог мог бы сделать и поблажку. Ничего подобного - никаких поблажек не было. На одно прегрешение, совершенное у жертвенника, последовала моментальная и свирепая реакция - Бог стер преступников с лица земли тут же, на месте. Нет, они не оскверняли жертвенника развратом с проститутками и не приносили человеческих жертв, как это делали в культе Молоха. Вся их вина состояла в принесении "чуждого огня". Нельзя сказать с уверенностью, что это был за "чуждый огонь". Выглядит это так, как будто молодые священники просто творчески экспериментировали с литургией. Вероятно, этот проступок был достоин наказания. Но смертная казнь? Без суда? С незамедлительным исполнением?

Один ученый, Эммануил Великовский, - друг Альберта Эйнштейна - шокировал геологическую науку своими теориями, доказывающими неверность идеи о постепенном преобразовании земной коры в результате медленной эрозии и движения гигантских ледников. Он также выдвинул теорию, объясняющую историю Надава и Авиуда.

Великовский придерживался мнения, что поверхность земли претерпела резкие и внезапные изменения в результате катастрофического сдвига. Причиной этого сдвига послужило приближение к земле какой-то планеты или гигантской кометы. Она настолько близко подошла к Земле, что изменила направленность магнитных полей на противоположное и заставила Землю вращаться в обратном направлении. Представьте

себе вращающийся на полной скорости волчок. Теперь представьте, что в мгновение ока какая-то сила заставляет его начать вращаться в обратном направлении. Если внутрь волчка налить воду, то что произойдет с ней? Она начнет двигаться в противоположном направлении, это движение будет типа приливного. Частично теория состоит в том, что метеоритный дождь бомбардировал землю, заключавшую внутри себя гигантские объемы нефти. В результате этого трещины в коре заполнились, а под земной поверхностью образовались колоссальные локальные скопления нефти (вспомните богатый нефтью регион Ближнего Востока). Хвост этой огромной кометы оставался в пределах видимости в течение многих лет, воспринимаясь людьми как знамение. Они шли туда, куда их вел этот след. Так делали иудеи, в течение сорока лет странствовавшие непонятным маршрутом по всей пустыне. По Великовскому, именно это было израильским огненным и облачным столбом.

Надав и Авиуд нашли нефть и заинтересовались, что это такое. Они решили посмотреть, что получится, если нефть смешать с горючими веществами на жертвеннике. Когда они подожгли смесь - ух! - она мгновенно воспламенилась и взорвалась, убив священников на месте. В примитивном обществе на это посмотрели бы как на внезапный акт суда со стороны богов.

Великовский предложил естественное объяснение этой истории. С его точки зрения смерть Надава и Авиуда объяснялась несчастным случаем, трагическим последствием детской игры с неведомым огнем.

Библия смотрит на это иначе. В ней об этом случае говорится как об акте сверхъестественного Божьего суда. Возможно, что приговор был приведен в исполнение с помощью естественных, природных сил, но совершенно ясно, что смерть Надава и Авиуда не была просто несчастным случаем. Ее следует приписать гневу и суду Бога.

Как Аарон отнесся к этому? Можно быть уверенным, что Аарон был взбешен. Всю свою жизнь он посвятил служению Богу. Сыновья пошли по его стопам. Он помнил день их посвящения и гордость, которую он испытал, когда они были выбраны для священнического служения. Служение Богу стало делом всей их семьи. Как же Бог, Которому он служил, отблагодарил его? Он покарал его сыновей мгновенной смертью за то, что на первый взгляд казалось лишь крошечным нарушением правил жертвоприношения.

Аарон кинулся к Моисею, чтобы рассказать ему об этом. Аарон словно говорил: "Ну ладно, Бог. Я все расскажу про Тебя. Я пойду прямо к Моисею. На этот раз Тебе придется иметь дело с нами обоими". Итак, Аарон отправился к Моисею и рассказал тому о случившемся.

"И сказал Моисей Аарону: "вот о чем говорил Господь, когда сказал: в приближающихся ко Мне освящусь и пред всем народом прославолюсь" (Лев. 10:3).

Моисей дал Аарону ответ ГОСПОДА. Он напомнил ему о первоначальном освящении священников. Они были выбраны для выполнения священной задачи. Им было торжественно вменено в обязанность исполнять свое служение совершенно определенным образом. Они обладали привилегией служить перед лицом святого Бога. Каждый сосуд в скинии был сделан в соответствии с точными требованиями Бога и каждый предмет был освящен через сложные, предписанные Им процедуры. Что касается жертвенника и воскурений, то Аарон и его сыновья получили конкретные инструкции, как с ними следует обращаться. Бог сказал: "Не приносите на нем никакого иного курения, ни всесожжения, ни приношения хлебного, и возлияния не возливайте на него. И будет совершать Аарон очищение над рогами его однажды в год, кровию очистительной жертвы за грех он будет очищать его однажды в год в роды ваши. Это святыня великая у Господа" (Исх. 30:9,10). Наставления были четкими. Бог назвал жертвенник для воскурений "великой святыней". Надав и Авиуд, принеся на нем чуждый или не предписанный Богом огонь, бросали тем самым открытый вызов Богу. Это был акт откровенного мятежа, неизвиняемое осквернение святого места. Они совершили грех высокомерия, акт измены Богу. Они осквернили великую святыню.

Божий суд не заставил себя ждать. Бог все ясно объяснил Моисею: "В приближающихся ко Мне освящусь и пред всем народом прославолюсь". Эти слова не были ни пророчеством, ни предсказанием. Когда Бог говорил: "Я сделаю то-то и то-то", то Он изрекал это как божественное повеление, повеление, которого ни один человек не смеет отменять или вместо которого издавать другое.

Краеугольный камень этого эпизода мы находим в завершающем предложении стиха 3: "Аарон молчал".

А что еще Аарону оставалось делать? Обсуждение закончилось. Свидетельства были налицо, и Бог вынес Свой вердикт. Сыновьям Аарона было строго наказано не приносить чуждого огня. Они совершили акт неповиновения, и опустил молот судьи - Бога, совершившего возмездие. Так что Аарон молчал. Ему нечего было сказать. Он не мог придумать никакого оправдания, не мог обратиться с протестом. Его уста были замкнуты, как они будут замкнуты у грешников в день Страшного суда.

Здесь мы видим пример карающей справедливости Бога, справедливости, исходя из которой, Он наказывает виновного. Является ли это наказание жестоким или необычным? Выходит ли оно за рамки справедливого возмездия, превращаясь тем самым во что-то несправедливое?

В наше понятие о справедливости глубоко внедрена идея, что наказание должно соответствовать тяжести преступления. Если наказание более тяжко, чем преступление, то совершается несправедливость. В Библии ясно показано, что Надав и Авиуд не могли сослаться на неведение, чтобы оправдать свой грех. Бог четко изложил им Свои требования. Они знали, что им не позволено воскурять на жертвеннике не предписанный Богом огонь. Для нас не представляет никакого труда понять, что они действительно согрешили. Но им никогда даже в голову не приходило, что этот грех настолько серьезен, что за него Бог тут же, на месте, их казнит. Здесь мы видим пример, когда событие свидетельствует о чрезмерной суровости карающей десницы Бога, о наказании, несравненно более тяжелом, чем само преступление, и совершенно необычном для такого преступления. Такая мера наказания не только озадачивает нас, она ошеломляет.

Как этот рассказ согласуется со сказанным ранее в Бытии о справедливости Бога? Бытие провозглашает: "Судия всей земли поступит ли неправосудно?" Основная предпосылка заключается в том, что Бог всегда судит праведно. Его суждения никогда не бывают несправедливыми, никогда не бывают результатом прихоти тирана. Для Бога невозможно быть несправедливым, потому что Его справедливость свята.

Если мы бьемся над историей Надава и Авиуда, то еще большие затруднения вызывает у нас рассказ об Озе. Когда Давид воссел на престол Израиля, он сразу стал принимать решительные меры к объединению своего царства. Посовещавшись с высокопоставленными советниками и военачальниками, он решил извлечь ковчег завета, самый священный сосуд Израиля, из "уединения" и вернуть его в центр государства. Ковчег был захвачен филистимлянами. Говорили, что в роковой день его захвата слава Божья покинула Израиль. Когда священный ковчег был захвачен, то Израиль лишился своего величайшего сокровища, которое теперь было в языческом храме, в Дагоне. Когда ковчег вернули, то поместили его в безопасное место, ожидая подходящего момента, чтобы публично восстановить в Израиле его исключительный статус. Теперь этот час настал. Давид хотел вернуть прежнюю славу. Он сказал: "И перенесем к себе ковчег Бога нашего, потому что в дни Саула мы не обращались к нему. И сказало все собрание: "да будет так", потому что это дело всему народу казалось справедливым" (1 Пар. 13:3,4).

Ковчег сплавивал весь народ. Это был престол Божий, священное вместилище Всевышнего. Его сделали и украсили строго в соответствии с замыслом Самого Бога. Ковчег полагалось держать в святой святых. Ковчег представлял собой ящик, выполненный из дерева ситтим (акации), изнутри и снаружи выложенный золотом. По периметру его украшала золотая лепнина. Четыре золотых кольца крепились к четырем нижним углам. В кольца вдевались шести и тогда ковчег можно было переносить с места на место. Шести также были изготовлены из древесины акации и выложены золотом.

Крышка ящика называлась "покрытием умилоствления". Она также была сделана из чистого золота. Два кованых золотых херувима прикреплялись к ковчегу с двух сторон, лицом друг к другу, с распростертыми крыльями, обращенными вверх. Вот каков был священный объект, который Давид приказал вернуть в Иерусалим.

"И повезли ковчег Божий на новой колеснице из дома Авинадава, и Оза и Ахия вели колесницу. Давид же и все Израильтяне играли пред Богом из всей силы, с пением, на цитрах и псалтирях, и тимпанах, и кимвалах и трубах. Когда дошли до гумна Хидона, Оза простер руку свою, чтобы придержать ковчег, ибо волы наклонили его. Но Господь разгневался на Озу, и поразил его за то, что он простер руку свою к ковчегу, и он умер тут же пред лицом Божиим. И опечалился Давид, что Господь поразил Озу..." (1 Пар. 13:7-11).

Давид был "мужем по сердцу Богу". Он не только был умелым царем, выдающимся музыкантом, непобедимым воином, он был также непревзойденным богословом. Если

Давид опечалился из-за этой дикой вспышки гнева, то насколько неуютнее должен чувствовать себя неискушенный в богословии читатель?

Казнь Озы, даже больше, чем случай с Надавом и Авиудом, вызывает чувство протеста у читателей, которых учили, что Бог есть Бог любви и доброты. В Библии говорится, что Бог долготерпелив и медлен на гнев. Очевидно, что в случае с Озой не потребовалось много времени, чтобы Его гнев достиг точки кипения. Оза прикоснулся к ковчегу - и все! Бог взорвался яростью.

Здесь, опять же, пытались найти естественное объяснение смерти Озы, чтобы сгладить жестокость этого рассказа. Выдвигалось предположение, что Оза испытывал такое глубокое уважение к священному ковчегу, настолько благоговел перед этим святым предметом, что прикосновение к нему переполнило его ужасом, и он умер на месте от сердечного приступа. Он просто-напросто испугался до смерти. Такое объяснение снимает с Бога всякую ответственность за происшедшее. Согласно этой же теории, толкование автора Библии - не что иное, как образец примитивного суеверия, которыми пестрит Ветхий Завет.

Люди тянутся к подобным объяснениям не только потому, что у современного человека неизлечимая аллергия на все сверхъестественное, но также и потому, что эта история глубоко оскорбляет наше чувство справедливости. Задумайтесь еще раз над происшедшим. В повозке, запряженной волами, ковчег везли в Иерусалим. Это был радостный день национального праздника. В Святой город возвращалась слава. У повозки теснились толпы народа. Процессия была праздничной, ее сопровождали звуки цитр, псалтирей, тимпанов, кимвалов и труб. Вообразите себе это зрелище: оно производило такое же впечатление, какое в наши дни производит парад с семьюдесятью шестью тромбонами. Люди танцевали на улицах.

Волеи внезапно споткнулись, и повозка угрожающе накренилась. Ящик соскользнул с удерживающих его на повозке креплений. Он вот-вот упадет и дорожная грязь запачкает его! Нельзя допустить, чтобы этот драгоценный предмет подвергся такому осквернению.

Оза отреагировал, безусловно, инстинктивно. Он сделал то, что сделал бы любой набожный иудей, чтобы предотвратить падение ковчегу в грязь.

Он протянул руку, чтобы придать равновесие ковчегу, чтобы не дать святому предмету упасть. Это не было заранее обдуманном актом вызова Богу. Это было рефлекторное действие. С нашей точки зрения это выглядит героизмом: Нам кажется, что было бы логичным, если бы в ответ на него Оза услышал Божий голос с неба, говорящий: "Спасибо тебе, Оза!" Бог не сказал этого.

Вместо этого Он убил его. Он прикончил его на месте. Опять приговор приводится в исполнение незамедлительно.

Мы знаем, как современные богословы подходят к этому событию. Теперь нам нужно задаться вопросом, какой взгляд на него дается в Священном Писании. В чем состоял грех Озы? Чтобы ответить на этот вопрос, нам надо вернуться назад, к самому началу иудейской истории, когда священническое сословие только формировалось. Бог издал тогда особые повеления для священников. Чтобы быть священником в Израиле, надо было происходить из колена Левия. Все священники были левитами, но не все левиты были священниками. В коленах Левиином была ветвь, клан потомков Каафы. Бог освятил потомков Каафы. Он возложил на них выполнение совершенно особой задачи. Основная работа, к которой их готовили - носить святая святых: "Вот служение сынов Каафовых в скинии собрания: носить Святое святых" (Чис. 4:4).

Важно помнить, что скиния представляла собой палатку. Она была складная. Когда колена Израиля трогались с места, они брали скинию с собой и несли ее, чтобы Бог был посреди них. Перед этим необходимо было прикрыть и защитить от повреждений священные сосуды. Мы читаем: "Когда, при отправлении в путь стана, Аарон и сыны его покроют все святилище и все вещи святилища, тогда сыны Каафа подойдут, чтобы нести, но не должны они касаться святилища, чтобы не умереть. Сии части скинии собрания должны носить сыны Каафовы" (Чис. 4:15).

Свое повеление Бог подкрепляет, добавляя следующие условия: "И сказал Господь Моисею и Аарону, говоря: не погубите колена племен Каафовых из среды левитов, но вот что сделайте им, чтобы они были живы и не умерли, когда приступают к Святому-святых: Аарон и сыны его пусть придут и поставят их каждого в служении его и у ноши его; но сами они не должны подходить, смотреть святыню, когда покрывают ее, чтобы не умереть" (Чис. 4:17-20).

Оза был из потомков Каафовых. Он в точности знал свои обязанности. Его тщательно обучили этому мастерству, в согласии с тем, что он был призван делать. Он знал, что Бог объявил - прикосновение к ковчегу Завета является преступлением, за которое полагается высшая мера наказания. Ни одному потомку Каафы ни при каких обстоятельствах не дозволялось прикасаться к ковчегу. Не было такого срочного случая, который мог бы послужить достаточным основанием для нарушения этого приказа. Сложная конструкция ковчега, оснащенного золотыми кольцами, в которые продевались длинные шесты, словно бы сама говорила: к ковчегу прикасаться нельзя! Человек мог дотрагиваться только до самих шестов, чтобы вдеть их в кольца с целью транспортировки. Далее это было уже дело потомков Каафы - нести ковчег на этих длинных шестах. Нигде не оговаривалось, что можно ускорить процедуру, перевозя ковчег в повозке, запряженной волами.

В первую очередь нам нужно задаться вопросом: с какой стати ковчег оказался в повозке? Бог был настолько строг в отношении святых предметов скинии, что потомкам Каафы не разрешалось даже смотреть на ковчег. За это преступление также полагалась смерть. Бог издал указ, что если кто-нибудь из потомков Каафы хотя бы на мгновение просто взглянет на святая святых, то умрет. Озе запрещалось не только прикасаться к ковчегу, ему запрещалось даже смотреть на него.

Он все равно прикоснулся к нему. Он протянул руку и положил ее непосредственно на ковчег, удерживая его на месте, чтобы не дать ему упасть. Акт святого героизма? Нет! Это был акт высокомерия, грех самонадеянности. Оза предположил, что его рука загрязнена меньше, чем земля. Но не земля и не грязь могли осквернить ковчег, а человеческое прикосновение. Земля - послушное создание. Она делает то, что Бог велит ей делать. Она приносит урожай, когда подходит срок. Она повинуется законам природы, установленным Богом. Когда температура падает ниже определенного уровня, земля замерзает. Когда в пыль попадает вода, пыль превращается в грязь, как Бог и задумал. Земля не совершает измены космического масштаба. Земля ничем не осквернена.

Бог не хотел, чтобы к Его святому престолу прикасалось существо, запятнанное злом, восставшее против Него, существо, в своем безбожном бунте порушившее все творение, заставившее землю, и небо, и воды морские стенать и мучиться, ожидая дня искупления. Человек. Именно человеческое прикосновение было запрещено.

Оза не был наказан без вины. Он не был наказан без предупреждения. Он вообще не был бы наказан, если бы не пошел против закона. Этот акт божественного суда ни в коей мере не был проявлением каприза. В том, как Бог поступил в этот момент, не было ни грамма произвола. Но присутствовало в этом нечто необычное. Внезапность наказания и его необратимость одновременно и захватывают нас врасплох, и оскорбляют.

Есть одна причина, по которой история Озы и история Надава и Авиуда оскорбляет нас, по которой мы чувствуем себя глубоко разгневанными. Нам трудно принять эти вещи, потому что мы не понимаем четыре жизненно важных библейских концепции: святость, справедливость, грех и благодать. Мы не понимаем, что значит быть святым. Мы не понимаем, что такое справедливость. Мы не понимаем, что такое грех. Мы не понимаем, что такое благодать.

История Озы - пример божественной справедливости. Она не является примером божественной милости. Но мы не сумеем даже приблизиться к пониманию божественной милости, пока не приобретем сначала какое-то понятие о божественной справедливости.

Когда в Библии говорится о справедливости Бога, то обычно Его справедливость связывается с Его праведностью. Бог судит праведно. Нет такого понятия, как справедливость без праведности. Нет такого понятия, как злая справедливость Бога. Справедливость Божья всегда и неизменно является выражением Его святого характера.

В Библии слово "справедливость" употребляется в смысле соответствия поступков правилам или нормам. Бог "играет" по правилам. Наивысшая норма справедливости определяется Его собственным святым характером. Его праведность бывает двух видов. Мы отличаем внутреннюю праведность Бога от Его внешней праведности. То, что Бог делает, всегда находится в полном соответствии с тем, чем Он является. Его поступки всегда исходят из святости Его характера. "Внутренняя праведность" Бога - это моральное превосходство Его характера, корни которого уходят в Его абсолютную чистоту. В Нем нет ни тени изменчивости. Будучи святым Богом, Он абсолютно не способен на совершение несвятого поступка. Только несвятые существа совершают несправедливые и неправедные поступки.

В Боге есть внутренняя последовательность, цельность, прямота. Часто человеческая неправедность описывается в терминах, характеризующих нас, как нечестных и не прямых людей. Мы извращены, искривлены. Не случайно преступников часто называют плутами. (Игра слов: crooked - извращенный, искривленный, crook - обманщик, плут. - *Прим. перев.*) Плуты называют плутами, потому что они внутренне искривлены. Они не прямые. Бог прям. Его прямота проявляется в Его внешнем поведении, Его внешней праведности. За всю вечность Бог ни разу не совершил ни одного нечестного или непрямого поступка. Он убил Нава и Авиуда. Он убил Озу. Во времена Нового Завета Он сделал то же самое с Ананией и Сапфирой. Все это были акты праведного суда.

Библия ясно учит, что Бог является Верховным Судьей всей вселенной. Вопрос, которым мы задаемся после прочтения рассказа об Озе, звучит так: а подходит ли Бог для такой работы? Чтобы быть Верховным Судьей неба и земли. Он должен быть справедливым. Если Верховный Судья будет несправедливым, то у нас нет никакой надежды, что справедливость когда-либо восторжествует. Мы знаем, что земные судьи могут быть подкуплены. Они берут взятки. Проявляют лицепритие. Временами они просто невежественны и поступают соответственно. Они совершают ошибки.

С Богом не так. Его нельзя подкупить. Никто не может дать Ему взятку. Он не проявляет лицепрития. Он никогда не поступает по неведению. Он не делает ошибок. Современные парламентские клакеры могут потребовать: "Импичмент Эрлу Уоррену!" Но только безрассудный будет требовать вынесения импичмента Богу. (Клака - группа людей, нанятых для создания успеха или провала артиста, спектакля, оратора. - *Прим. ред.* Импичмент - привлечение к суду парламента высших должностных лиц государства. - *Прим. ред.*)

Патриарх Авраам бился над вопросом справедливости Божьей. Бог объявил, что собирается разрушить Содом и Гоморру. Он решил полностью стереть с лица земли эти города вместе со всем их населением - мужчинами, женщинами и детьми. Авраама это встревожило, его беспокоило, что когда божественный гнев обрушится на эти города, то невинные погибнут вместе с виновными. Если уничтожение этих городов должно было стать актом Божьего суда, то Авраам опасался, что этот суд будет огульным, подобным тому, когда учитель наказывает целый класс за проступок одного ученика: "И подошел Авраам, и сказал: неужели Ты погубишь праведного с нечестивым? Может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников? Неужели Ты погубишь, и не пощадишь места сего ради пятидесяти праведников в нем? Не может быть, чтобы Ты поступил так, чтобы Ты погубил праведного с нечестивым, чтобы то же было с праведником, что с нечестивым, не может быть от Тебя! Судия всей земли поступит ли неправосудно?" (Быт. 18:23-25).

"Судия всей земли поступит ли неправосудно?" Человек никогда не задавал более риторического вопроса. Авраам предполагал, что убить праведного вместе с нечестивым - для Бога вещь совершенно невероятная. "Не может быть от Тебя!" Авраам понятия не имел о том, до какой степени такой поступок невозможен для Бога. Не существует даже и тени вероятности, что Бог может убить невинных людей вместе с виновными. Для того чтобы Бог мог это сделать, Он должен перестать быть святым. Он должен прекратить быть Богом.

Бог был готов ради Авраама перегнуть палку в обратном направлении. Он сказал, что пощадит весь город, если Авраам найдет в нем сорок пять праведников. Он пощадит его ради сорока, ради тридцати. Наконец, задача Авраама упростилась на 80 процентов. Все, что ему нужно было сделать, - это найти десять праведных людей, и Бог пощадит весь город. Подтекст этого отрывка состоит в том, что Бог пощадил бы город и ради одного праведника, если Авраам сумел бы его найти. Что произошло с Содомом и Гоморрой?

"И встал Авраам рано утром и пошел на место, где стоял пред лицом Господа. И посмотрел к Содому и Гоморре, и на все пространство окрестности, и увидел: вот, дым поднимается с земли, как дым из печи" (Быт. 19:27,28).

Судья неба и земли не поступил неправосудно. Не был наказан ни один невинный человек. Справедливость Бога неотделима от Его праведности. Он никогда не осуждает невинного. Он никогда не обеливает виноватого. Его наказание никогда не бывает незаслуженно суровым. Он никогда не оставляет без награды праведности. Его справедливость - совершенная справедливость.

Но в Своих действиях Бог не всегда руководствуется справедливостью. Иногда Он руководствуется милостью. Милость - это не справедливость, но это и не несправедливость. Несправедливость идет против праведности. Милость являет доброту и благодать, при этом не противоречит праведности. Мы можем видеть в Боге не

справедливость, то есть милость, но мы никогда не встречаемся с проявлением Им несправедливости.

И снова мы спрашиваем, чем объясняется это кричащее отличие между интонациями Нового и Ветхого Заветов. Создается впечатление, что Ветхий Завет показывает Бога более суровым, чем Новый Завет. Давайте посмотрим, как в Ветхом Завете решается вопрос преступлений, караемых смертной казнью. В Ветхом Завете приводится целый список таких преступлений, в который входят следующие поступки:

применение физической силы или употребление грубых выражений по отношению к родителям;

осквернение жертвоприношений;

убийство;

воровство детей;

идолослужение;

принесение в жертву детей;

богохульство;

нарушение субботы;

занятия колдовством;

отношения с медиумами и колдунами;

развод на непредусмотренных Законом основаниях;

гомосексуализм;

кровосмешение;

скотоложство;

развращение девственниц, склонение их к проституции;

насилие;

изречение ложных пророчеств;

отказ подчиняться решению, принятому священником-судьей;

лжесвидетельство при рассмотрении дела об уголовном преступлении;

воровство людей с целью продажи их в рабство.

Это неполный список преступлений, за которые при Ветхом Завете полагалась смертная казнь. По сравнению с Новым Заветом этот список кажется суровым.

Несколько лет назад журнал "Тайм" опубликовал сообщение о несчастном случае, происшедшем в штате Мериленд. Водителя грузовика арестовали за то, что он находился за рулем в пьяном состоянии, за буйство и нарушение порядка. Когда офицеры полиции прибыли на место происшествия, он начал ругаться. Он впал в неистовство, говорил непристойности, обзывая полисменов как только мог. Его словесные оскорбления привели полицию в ярость. Когда этого человека привели к мировому судье, он стал ругаться еще хуже. Самое суровое наказание, которое мировой судья мог применить за подобное нарушение, - это штраф в 100 долларов и тридцать дней в тюрьме.

Мировой судья настолько разгневался, что решил наказать его как можно строже. Среди законов штата Мериленда он раскопал один древний закон. Его не применяли, но тем не менее и не аннулировали. Это постановление запрещало публичное богохульство.

Так как этот человек, поливая полицейских площадной бранью, неоднократно хулил и оскорблял имя Бога, то мировой судья добавил к его наказанию еще 100 долларов и еще тридцать суток в тюрьме.

Редактор отдела новостей журнала "Тайм" описывал этот случай как человек, оскорбленный в лучших чувствах. Он пришел в такую ярость не потому, что наказание за богохульство нарушало закон об отделении церкви от государства, а потому, что считал подобное наказание грубой судебной ошибкой. Наказание было слишком суровым. Оно было жестоким и необычным.

Очевидно, у редактора отдела новостей не было никаких претензий к наказанию за нарушение общественного порядка. А вот наказания за богохульство он никак не мог принять. Это находится в резком противоречии со сводом законов, который Бог установил в Израиле. Водителю грузовика следовало радоваться, что его арестовал не Аарон. В ветхозаветные времена самый лучший адвокат в Израиле не сумел бы добиться для своего клиента штрафа в 100 долларов за публичное богохульство. Перед нами стоит такой вопрос: что хуже - нарушение общественного порядка в пьяном виде или публичное оскорбление достоинства святого Бога? Редактор отдела новостей в "Тайме" дал свой ответ. Бог дал другой. Если бы ветхозаветные законы были в силе сегодня, то многие работники телевидения давным-давно были бы казнены.

Нельзя отрицать, что, на первый взгляд, количество преступлений, караемых смертной казнью при Новом Завете, меньше, чем при Ветхом. По сравнению с Новым Заветом Ветхий кажется несравненно, фундаментально более суровым. О чем мы однако забываем, так это о том, что приведенный нами выше ветхозаветный список представляет собой сильно урезанный первоначальный вариант списка преступлений, заслуживающих высшей меры наказания. Свод законов Ветхого Завета является результатом Божьего долготерпения. В Своем милосердии Бог "перегибал палку в обратном направлении". Ветхозаветный Закон - поразительно милосердный закон.

Поразительно милосердный? Я повторю это еще раз. Ветхозаветный список преступлений, караемых смертной казнью, представляет собой сильно урезанный первоначальный список. Это поразительная мера благодати. История, изложенная в Ветхом Завете, - в основном история проявления Божьей благодати.

Как же это? Чтобы понять смысл моих странных слов, нам нужно вернуться назад, к самому началу, к исходным правилам, по которым должно было действовать наше мироздание. Каково было наказание за грех в первоначально установленном порядке? "Душа согрешающая, она умрет". Сразу после сотворения мира всякий грех считался заслуживающим смерти. Каждый грех заслуживал смертной казни.

Творя мир, Бог не обязан дарить нам жизнь. Он нам ничего не должен. Он дал нам жизнь по Своей благодати, и эта жизнь находится в Его божественной власти. При сотворении на человеческий род была возложена задача свидетельствовать о святости Божьей, нести Его образ. Мы сотворены для того, чтобы быть отражением святости Божьей. Мы сотворены для того, чтобы быть Его посланниками.

Бог стал испытывать человека и сказал: "Если ты согрешишь, то умрешь". Грех влечет за собой потерю дара жизни. Совершенный грех отменяет право на жизнь. Согрешив, человек утрачивает право требовать от Бога продолжения своего человеческого существования. А теперь - главный вопрос: после сотворения, когда должен был приводиться в исполнение приговор за совершенное преступление? Было ли это сформулировано так: "Если согрешишь, то когда-нибудь умрешь?" Нет! Бог ясно указал срок исполнения приговора: "В день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь".

Сразу после сотворения возмездием за грех была не просто смерть, но мгновенная смерть. Смерть в тот же самый день: такая же стремительная, как та, которая поразила Надава и Авиуда, такая же внезапная, как та, что подкосила Озу, такая же быстрая, как выпавшая на долю Анании и Сапфире. "В день, в который согрешишь, смертью умрешь".

Многочисленные комментаторы пытались смягчить это предупреждение Бога. "Смерть" во 2 главе Бытия истолковывалась как духовная смерть. Но в тексте сказано не так. Смертная казнь, о которой предупреждал Бог, означала настоящую смерть, реальную, смерть в полном смысле этого слова. Чтобы быть до конца точным, Адам и Ева действительно умерли духовной смертью в тот же самый день, но Бог помиловал их на условиях исполнения приговора в полной мере. У нас есть поговорка, что отложенное воздаяние - это воздаяние, которое отменили. Не всегда. В случае с сотворением и грехопадением человека полная мера воздаяния была отложена, чтобы у благодати было время совершить свою работу. В данном случае отсрочка воздаяния означала не отказ в нем, а установление милости и благодати.

Тем не менее смертная казнь применялась и по-прежнему применяется. Все люди умирают. Мы можем пережить средний срок в семьдесят лет и затем умереть. Но смерть наступит, потому что все мы приговорены к смертной казни за грех. Мы все сидим на скамье смертников, ожидая приведения приговора в исполнение. Величайшими убийцами всех времен были не Адольф Гитлер или Иосиф Сталин. Величайший убийца всех времен - Мать Природа. Все падают ее жертвами. Мать Природа не действует независимо от Бога. Она просто орудие возмездия в руках святого Бога.

"В день, в который согрешишь, смертью умрешь". Разве это несправедливо? Задумайтесь об этом. Было ли злом со стороны Бога приговаривать к смерти за всякий грех? Если вы отвечаете "да", то будьте осторожны. Говоря "да", вы, в первую очередь, утверждаете, что вы совершаете поступки, наказуемые смертью, потому что эти поступки - проявление самой вашей падшей, греховной природы. Говоря "да", вы клеветаете на характер Бога. Говоря "да", вы идете против Его святости. Говоря "да", вы нападаете на праведного Судью всей земли. Если вы говорите "да", то это значит, что вы так и не поняли, что такое грех. Мы не должны говорить "да". Мы должны сказать "нет" и сделать это с внутренним убеждением.

Можно ли утверждать, что смертная казнь за грех несправедлива? Ни в коем случае. Помните, что Бог сотворил нас по Своей собственной воле. Он дал человеческому роду высочайшую привилегию - нести в себе Его образ. Он дал нам положение, лишь немногим уступающее положению ангелов. Он одарил нас владычеством над всей землей. Мы не черепахи. Мы не светлячки. Мы не гусеницы или койоты. Мы люди. Мы несем в себе образ святого и величественного Царя всего космоса.

Бог дал нам жизнь, чтобы приблизить торжество Своего замысла, но мы не так распорядились этим даром. Жизнь на этой планете превратилась в арену, на которой мы ежедневно совершаем акт измены космического масштаба. Наше преступление гораздо более серьезно, гораздо более разрушительно, чем преступление Бенедикта Арнольда. Ни одному предателю любого царя или народа даже близко не удавалось сотворить такое зло, какое творим мы, изменяя Богу.

Грех - это измена космического масштаба. Грех - это измена Верховному Владыке совершенной чистоты. Это акт наивысшей неблагодарности по отношению к Тому, Кому мы обязаны всем, включая саму жизнь. Приходилось ли вам когда-нибудь задумываться над тем, что стоит за самым малым, "пустячным" грешком? Когда мы не повинемся нашему Творцу в какой-нибудь мелочи, то что, по сути, мы этим говорим Ему? Мы говорим "нет" праведности Божьей. Мы говорим: "Боже, Твой закон не хорош. Я сужу правильнее, чем Ты. Для меня Ты не авторитет. Я не вхожу в пределы Твоей юрисдикции. Я имею право делать, что я хочу, а не то, что Ты велишь мне делать".

Совершить самый малый грех - означает бросить вызов Властителю космоса. Это революция, мятеж, когда мы встаем в оппозицию по отношению к Тому, Кому мы обязаны всем. Это оскорбление Его праведности. Мы начинаем лжесвидетельствовать о Боге. Когда мы грешим, будучи носителями Его образа, то мы тем самым говорим всему творению, всей природе, находящейся под нашим владычеством, птицам небесным и зверям полевым: "Вот какой Бог. Вот как ведет себя ваш Создатель. Посмотрите в это зеркало. Посмотрите на нас и вы увидите характер Всемогущего". Мы говорим миру: "Бог алчный. Бог безжалостный. Бог жестокий. Бог убийца, вор, клеветник, прелюбодей. Бог - это все то, что мы делаем".

Когда люди объединяются в своем грехе, то они "говорят о царях и вещах". Это космический заговор. Мы тянемся к короне, составляем заговор в надежде завладеть престолом. Мы, по сути, говорим Богу: "Мы не позволим Тебе царствовать над нами". Псалмопевец говорит об этом так: "Зачем мятутся народы, и племена замышляют тщетное? Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа и против помазанника Его. "Расторгнем узы их, и свергнем с себя оковы их"" (Пс. 2:1-3).

Когда мы грешим, то не только совершаем акт измены по отношению к Богу, но и оскорбляем друг друга. Грех оскорбляет людей. Грех - это акт насилия по отношению к людям. И это не отвлеченность. Своим грехом я причиняю боль человеческим существам. Я наношу вред их личности. Я обижаю их, отнимаю их добро. Я гублю их репутацию. Я краду у них драгоценную радость жизни. Я разбиваю их мечты и надежды на счастье. Когда я порочу Бога, я порочу весь человеческий род, который несет в себе Его образ. Так удивительно ли, что Бог настолько всерьез воспринимает грех?

Ганс Кюнг, богослов, принадлежащий к римской католической церкви, чьи труды вызывают массу споров, в одном из своих произведений рассматривает проблему, которая, на первый взгляд, касается суровости Бога по отношению к некоторым грехам, известных нам из Ветхого Завета. Он утверждает, что самый таинственный аспект тайны греха состоит не в том, что грешник заслуживает смерти, а скорее в том, что в средней ситуации грешник продолжает существовать.

Кюнг правильно формулирует проблему. Вопрос не в том, почему Бог наказывает грех, а в том, почему Он допускает этот непрерывный мятеж человека? Какой князь, какой царь, какой правитель проявил бы такое терпение по отношению к непрерывно бунтующему населению?

Ключ к решению поставленной Кюнгом проблемы в том, что он говорит о грешниках, продолжающих жить в средней ситуации. То есть, быть долготерпеливым - для Бога обычно. Он действительно долготерпелив и медлен на гнев. Фактически, Он настолько медлен на гнев, что когда в конце концов Он раздражается-таки гневом, то нас это шокирует и оскорбляет. Мы довольно быстро забываем о том, что Бог долготерпит нас, чтобы предоставить нам возможность прийти к покаянию, чтобы у нас было время принять искупление. Вместо того, чтобы воспользоваться Его долготерпением и смиренно прийти к Нему за прощением, мы пользуемся им как шансом стать еще более дерзкими в

своим грехом. Мы обманываем самих себя, думая, что Богу это все равно или что Он бессильно наказывать нас.

И уже полным безумием является то, что мы надеемся с нашим мятежом выйти сухими из воды.

Ветхий Завет даже близко не является историей о суровом Боге. Напротив, это история крайне терпеливого Бога. Ветхий Завет - это история об упрямых людях, снова и снова восстающих против Бога. Эти люди стали рабами в чужой земле. Они воззвали к Богу. Бог услышал их вопли и избавил их. Он разделил воды Черного моря, чтобы они могли выйти к свободе. В ответ они стали поклоняться золотому тельцу.

Перед нами еще стоит трудный вопрос, связанный с захватом Ханаана. Тогда Бог повелел убивать мужчин, женщин и детей. Израиль должен был завоевать Обетованную землю с помощью острого меча, с которого капала кровь новорожденных младенцев и беременных женщин. Бог прямо приказал устроить эту кровавую бойню: "Когда введет тебя Господь, Бог твой, в землю, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею, и изгонит от лица твоего многочисленные народы, Хеттеев, Гергесеев, Аморреев, Хананеев, Ферезеев, Евеев и Иевусеев, семь народов, которые многочисленнее и сильнее тебя, и предаст их тебе Господь, Бог твой, и поразишь их: тогда предай их заклятию, не вступай с ними в союз и не щади их" (Втор. 7:1,2).

Почему Бог повелел это? Как мог Он приказывать резать женщин и детей? Здесь мы снова сталкиваемся с попытками современных богословов смягчить краски. В программе обучения для средних школ, подготовленной одной крупной церковной деноминацией Соединенных Штатов, объясняется, что в свете явленной в Новом Завете истины о Божьей любви мы понимаем, что Бог никогда не отдавал подобного приказа ни одной из воюющих сторон. Ветхий Завет - это просто история группы воинствующих евреев, которые пытались оправдать свою безжалостную политику тем, что она, якобы, была санкционирована свыше.

Авторы программы не верили, что Бог когда-либо издавал такое повеление. По их мнению, это был случай вторжения в библейскую историю мифологии. Подобные истолкования упускают из виду некоторые существенные аспекты вопроса. Во-первых, есть исторический прецедент, гораздо более серьезный, чем завоевание Ханаана, - потоп. Во время потопы Бог истребил все население Земли, за исключением Ноя и его семьи. Потоп был "захватом Ханаана" в мировом масштабе. Еще более существенный недостаток такого истолкования - непонимание природы греха. Комментаторы предполагают, что Бог стер с лица земли невинных людей, живших в Ханаане. На самом деле в Ханаане не было ни невинных женщин, ни невинных детей. Там было множество женщин и множество детей. Но среди них не было ни одной невинной женщины и ни одного невинного ребенка. Захват Ханаана был ярким проявлением праведного Божьего суда по отношению к развращенному народу. Он ясно показал это Израилю. Он также ясно показал, что и сам Израиль не был невинен. Дело обстояло не так, что Бог истребил нечестивый народ ради праведного. На хананеев излилась Божья справедливость. На иудеев - Божья милость. Бог не замедлил напомнить иудеям об этом: "Когда будет изгонять их Господь, Бог твой, от лица твоего, не говори в сердце твоем, что за праведность мою привел меня Господь овладеть сею землею, и что за нечестие народов сих Господь изгоняет их от лица твоего. Не за праведность твою и не за правоту сердца твоего идешь ты наследовать землю их, но за нечестие народов сих Господь, Бог твой, изгоняет их от лица твоего, и дабы исполнить слово, которым клялся Господь отцам твоим Аврааму, Исааку и Иакову. Посему знай, что не за праведность твою Господь, Бог твой, дает тебе овладеть сею доброю землею, ибо ты народ жестоковыйный" (Втор. 9:4-6).

Трижды в этом отрывке Бог напоминает Израилю, что Он нанесет поражение хананеям не за праведность израильтян. Он хотел, чтобы в этом вопросе не осталось никакой неясности. Израиль мог впасть в искушение сделать вывод, что Бог "на их стороне", потому что они лучше языческих народов. Сказанные Богом слова лишили их возможности сделать такой вывод.

Суть проблемы с завоеванием Ханаана заключается в святости Бога. Он повелел захватить его, потому что Он свят. С одной стороны. Он наказывал хананеев за оскорбление Его святости - преступление, ежедневно совершаемое хананеями, с другой стороны, Он готовил народ, предназначенный Им для исполнения святого замысла, и готовил землю для этого народа. Бог повелел, чтобы по отношению к жителям этой земли не проявлялось никакого милосердия. Он объяснил, почему: "И не вступай с ними в родство: дочери твоей не отдавай за сына его, и дочери его не бери за сына твоего, ибо

они отвратят сынов твоих от Меня, чтобы служить иным богам, и тогда воспламенится на вас гнев Господа, и Он скоро истребит тебя. Но поступите с ними так жертвенники их разрушите, столбы их сокрушите, и рощи их вырубите, и истуканы их сожгите огнем. Ибо ты народ святой у Господа, Бога твоего, тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле" (Втор. 7:3-6),

Бог избрал Израиль не потому, что Израиль уже был святым. Он выбрал его, чтобы сделать этот народ святым. Израиль был призван к святости в двух смыслах этого слова. Он был призван к тому, чтобы отличаться от других народов, чтобы быть отделенным в качестве орудия, посредством которого Бог будет исполнять Свой замысел искупления. Израиль также был призван к святости в том смысле, что он должен был очиститься. Языческие обычаи должны были быть истреблены в Израиле. Ему предстояло приблизиться к Богу и освятиться. В Израиле готовилось спасение всем народам. Обетованная земля должна была стать колыбелью для грядущего Мессии. В ней не было места языческим святыням и языческим ритуалам. Чтобы очистить землю и подготовить ее к будущему спасению, Бог применил тактику выжженной земли.

Итак, мы разобрались с этой трудной проблемой - актами проявления божественной справедливости, с которыми мы сталкиваемся в Ветхом Завете. Мы пытались показать, что справедливое возмездие Бога - не произвол и не то, чего можно избежать. Нужно также добавить, что на самом деле нет никакого противоречия между Богом Ветхого Завета и Богом Нового Завета. Именно Бога Ветхого Завета Христос называл "Отец". Именно Бог Авраама, Исаака и Иакова так возлюбил мир, что отдал Своего единородного Сына, чтобы искупить мир. Исполнение воли именно этого Бога было "пищей и питьем" для Иисуса. Жажда слияния именно с тем Богом, Который уничтожил Надава, Авиуда и Озу, снедала Христа. Именно Тот самый Бог, Который истребил потопом все живое на земле, изливает на нас потоки Своей благодати.

Ложный конфликт между двумя Заветами можно усмотреть в самом жестоком во всем Священном Писании акте божественного возмездия. Запись о нем мы находим не в Ветхом, а в Новом Завете. Самое неистовое проявление справедливости и гнева Бога - крест. Если был когда-либо человек, имевший основания жаловаться на несправедливость, то этим человеком был Иисус. Он был единственным невиновным, которого Бог наказал. Если мы останавливаемся, потрясенные, перед проявлениями Божьего гнева, то давайте остановимся перед крестом. Вот что нас должно поражать. Если у нас есть причина для того, чтобы чувствовать себя морально оскорбленными, то пусть это чувство будет направлено на Голгофу.

Крест был одновременно и самым ужасающим, и самым прекрасным примером Божьего гнева. Это был одновременно и самый справедливый, и самый милосердный поступок за всю историю человечества. Было бы не просто несправедливостью со стороны Бога наказать Иисуса - это было бы дьявольской несправедливостью, - если бы Иисус сперва по доброй воле не взял на Себя грехи мира. Как только Христос сделал это, как только Он вызвался стать Агнцем Божьим, обремененным нашим грехом, Он тут же стал самой гротескной и порочной фигурой на всей планете. Неся на Себе это бремя концентрированного греха, Он стал совершенно непереносимым для Отца. Бог излил Свой гнев на эту отвратительную личность. Бог проклял Христа за грех, который Тот на Себя возложил. В этом святая Божья справедливость проявилась во всей своей полноте. И сделано это было для нас. Он сделал то, что требовала справедливость. В этом заключается величие явленной на кресте благодати. Здесь проявились одновременно справедливость и милосердие, гнев и милость. Это слишком поразительно, слишком непостижимо для человеческого ума.

Мы возмущаемся и недоумеваем при виде актов справедливости Бога, потому что они так редки. Как верно заметил Кюнг, обычно в Своих действиях Он руководствуется благодатью. Проявление благодати нас больше уже не поражает. Мы привыкли к этому. Мы принимаем это как нечто, само собой разумеющееся.

Лучше всего это иллюстрируется словами Самого Иисуса: "В это время пришли некоторые и рассказали Ему о Галилеянах, кровь которых Пилат смешал с жертвами их. Иисус сказал им на это: думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но если не покаетесь, все так же погибнете. Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но если не покаетесь, все так же погибнете" (Лк. 13:1-5).

Это одно из самых трудных из всех "трудных" высказываний Иисуса. Поднят вопрос: "Как насчет людей, зарезанных Пилатом, или тех невинных, которые погибли при падении башни? Где был Бог во время этих событий?" За обоими этими вопросами стоит, по сути, один вопрос: "Как мог Бог допустить, чтобы это произошло?" Такой вопрос - лишь слегка замаскированное обвинение. Это был все тот же вечный вопрос о том, почему Бог допускает страдания невинных?

В этом вопросе кроется протест. Восемнадцать невинных людей шли по улице по своим делам. Они никого не трогали. Не задирали строительных рабочих. Они просто оказались "там", в неподходящем месте и в неподходящее время. Они пострадали вследствие роковой случайности.

Можно было бы ожидать, что Иисус скажет что-нибудь вроде: "Мне очень жаль, что произошла эта трагедия. Такое случается и вряд ли тут чем-нибудь можно помочь. Это был рок. Это была случайность. Как хорошие христиане, вы должны научиться принимать не только хорошее, но и плохое. Держитесь! Будьте стойками! Я знаю, Я учил вас как-то, что "не дремлет и не спит хранящий Израиля". Но это было поэтическое высказывание, слегка преувеличенное, а можно и попроще: "Отдаете ли вы себе отчет в том, насколько трудно Моему Отцу управлять всей вселенной? Это утомительно. То и дело Ему приходится отдыхать. В обсуждаемый день Он очень устал и был вынужден вздремнуть. Пока Он клевал носом, башня упала. Мне очень жаль, что это произошло, и Я расскажу Ему о вашей скорби. Хмм... Я попрошу Его быть повнимательнее в будущем".

Иисус мог бы сказать: "Я уже говорил вам, что Мой Отец замечает, как каждый воробей садится на ветку, и что у Него все волосы на ваших головах сочтены. Отдаете ли вы себе отчет в том, сколько воробьев летает повсюду? А уж о волосах на голове Я и не говорю! В тот день, когда упала башня, Мой Отец был занят подсчитыванием волос на голове одного особенно косматого типа. При этом Он настолько сосредоточился, что падение башни ускользнуло от Его внимания. Я предложу Ему откорректировать Свои приоритеты и не тратить так много времени на воробьев и волосы".

Но Иисус не сказал ничего подобного. Вместо этого Он сказал: "Если не покаетесь, то все так же погибнете". По сути, Он сказал следующее: "Друзья, вы неправильно ставите вопрос. Вам следовало бы спросить: "Почему башня не упала на мою голову?" Иисус упрекнул людей за то, что они изумляются не тому, чему надо. В течение двух десятилетий, в которые я преподавал богословие, бесчисленное количество студентов задавали мне один и тот же вопрос: "Почему Бог не спасает всех?" И только один раз студент подошел ко мне и спросил: "Я не могу понять одной вещи. Почему Бог искупил меня?"

Мы не удивляемся по-настоящему тому, что Бог искупил нас. Где-то в глубине души, в тайниках нашего сердца мы лелеем представление, что Бог обязан быть к нам милосердным. Небеса не будут таким дивным местом, если нас туда не допустят. Мы знаем, что грешны, но уж, конечно, мы могли бы быть и гораздо худшими грешниками. Мы обладаем достаточным количеством черт характера, заслуживающих искупления, и если Бог действительно справедлив, то Его спасение нас не минует. Мы удивляемся справедливости, а не благодати.

Присущая нам тенденция принимать благодать как должное стала мне окончательно ясной во время преподавания в колледже. Я читал вводный курс Ветхого Завета 250 студентам в христианском колледже. Первый день занятий я посвятил подробному обзору домашних заданий, которые собирался предложить в течение всего курса. Из опыта я знал, что домашние сочинения требуют особых объяснений. В этом курсе требовалось три коротких домашних сочинения. Я объяснил студентам, что первое сочинение должно быть у меня на столе не позднее полудня последнего дня сентября. Никаких задержек не допускалось, кроме тех случаев, когда студент физически не мог выполнить задания, находясь в больнице, или когда у него умер кто-либо из ближайших родственников. Тот, кто не сдаст сочинения в установленный срок, получит за домашнее задание самую низшую оценку. Студенты подтвердили, что поняли требования.

В последний день сентября 225 студентов добросовестно сдали свои сочинения. Двадцать пять человек стояли, трепеща от ужаса, полные угрызений совести. Они восклицали:

- О профессор Спраул! Простите нас, пожалуйста. Мы не рассчитали время. Мы не перестроились после школы на колледж. Пожалуйста, о, пожалуйста, дайте нам дополнительное время.

Я внял их мольбам.

- Хорошо, - сказал я. - На этот раз я дам вам еще один шанс. Но помните, следующее сочинение должно быть сдано в последний день октября.

Студенты были полны благодарности, и воздух наполнился торжественными обещаниями сдать следующее задание в срок. Затем настал последний день октября. Двести студентов сдали сочинения. Пятьдесят пришли с пустыми руками. Они нервничали, но не паниковали. Когда я спросил о сочинениях, снова последовали бурные изъяснения раскаяния:

- О профессор! Это была каникулярная неделя. Кроме того, сейчас самая середина семестра, и задания по другим курсам тоже нужно сдавать. Пожалуйста, дайте нам еще один шанс. Мы обещаем, что больше этого никогда не повторится.

Я снова сжалился и сказал:

- Хорошо, но предупреждаю, это в последний раз. Если вы опоздаете со сдачей следующего сочинения, то получите свой низший балл. Никаких оправданий, никакого нытья. Понятно?

- О да, профессор. Какой вы замечательный! Спонтанно весь класс начал петь: "Мы любим вас, профессор Спраул. О да, мы так вас любим". Я был мистером Популярность.

Угадайте, что произошло в последний день ноября? Угадали! Сто пятьдесят студентов принесли сочинения. Остальные сто вошли в аудиторию с вальяжным видом, без тени беспокойства на лицах.

- Где ваши сочинения? - спросил я. Один из студентов ответил:

- О, не беспокойтесь, профессор, мы работаем над ними. Все в порядке, мы сдадим их через пару дней.

Я схватил свое смертоносное оружие - черный журнал, и начал выкликать фамилии.

- Джонсон! Вы принесли сочинение?

- Нет, сэр, - последовал ответ. Я поставил оценку в графу.

- Малдени! Вы принесли сочинение?

И снова ответом было "Нет, сэр". Я поставил в журнал еще одну оценку. На это студенты отреагировали с неистовой яростью. Они протестующе завывали и завопили: "Это несправедливо!"

Взглянув на одного из воющих студентов, я спросил:

- Лэвери! Вы считаете, что это несправедливо?

- Да, - пробурчал он в ответ.

- Понятно. Так вы хотите справедливости? Мне кажется, я припоминаю, что и в прошлый раз вы не сдали сочинения в срок. Если вы настаиваете на справедливости, вы ее, без сомнения, получите. Я не только поставлю вам низший балл за последнее задание, но и переправлю оценку за прошлое сочинение на тот же самый балл, который вы вполне заслужили.

Студент остолбенел. Ему нечего было возразить. Он извинился за свое отвратительное поведение. Внезапно выяснилось, что он был бы счастлив иметь только один низший балл вместо двух.

Эти студенты быстро привыкли к моему милостивому отношению и стали принимать его как должное. Такое отношение с моей стороны уже подразумевалось. Когда внезапно восторжествовала справедливость, они не были к этому готовы. Справедливость их шокировала, привела в ярость. И заметьте, для этого было достаточно всего двух доз милосердия в течение двух месяцев.

В обычных условиях деятельность Бога включает в себя гораздо больше актов милосердия, чем совершил я по отношению к студентам в истории с сочинениями. Ветхий Завет дает картину многовекового исторического промежутка. И в течение всего этого времени Бог снова и снова проявляет милосердие. Когда божественное возмездие разразилось над Надавом и Авиудом, реакцией были шок и возмущение. Дошло до того, что мы ждем от Бога милосердия. Отсюда недалеко до следующего шага: мы требуем милосердия, и если не получаем, то нашей первой реакцией становится гнев, направленный против Бога, вместе с протестом: "Это несправедливо!" Мы быстро забываем, что, совершив свой первый грех, утратили все права на дар жизни. Я вдохнул воздух сегодня утром, потому что Бог милостив. Бог ничего мне не должен. Я обязан Ему всем. Если Он допустит, чтобы сегодня на голову мне упала башня, я не могу жаловаться на несправедливость.

Одна из наших основных проблем заключается в том, что мы путаем справедливость с милосердием. Мы живем в мире, в котором происходит много несправедливого. Несправедливость царит среди людей. Каждому из нас приходилось быть жертвой

несправедливости со стороны другого человека. Каждый из нас когда-то совершал несправедливость в отношении другого человека. Люди обращаются друг с другом несправедливо. Одно можно сказать с уверенностью: сколько бы несправедливого я ни вытерпел со стороны людей, мне ни разу не приходилось терпеть ни малейшей несправедливости со стороны Бога.

Предположим, какой-то человек ложно обвиняет меня в краже денег. Мне предъявляют обвинение, арестовывают и сажают в тюрьму. Что касается моих взаимоотношений с людьми, то я стал жертвой явной несправедливости. Я имею полное право воззвать в Богу и молить о том, чтобы в этом мире мои обидчики получили по заслугам. Я могу жаловаться, что меня, не сделавшего ничего плохого, подвергают гонениям. Бог разгневан на людей, несправедливо бросивших меня в тюрьму. Бог обещает, что когда-нибудь Он снимет с меня все несправедливые обвинения, и я буду оправдан. Несправедливость реальна. В этом мире несправедливости происходят каждый день и на каждом шагу.

Все несправедливости, от которых мы страдаем - горизонтального типа. Их творят обитатели этого мира по отношению друг к другу. Но над ними и над всем миром стоит великий Судья всех. Мои взаимоотношения с Ним вертикальны. В этих вертикальных взаимоотношениях я никогда не страдал от несправедливости. Люди могут плохо обращаться со мной, но Бог - нет. То, что Бог позволяет какому-то человеческому существу обращаться со мной несправедливо, дело только Бога, и больше ничье. В то время как я могу жаловаться Богу на человеческую, горизонтальную несправедливость, от которой я страдаю, я не имею права возвысить голос и обвинить Бога в вертикальной несправедливости, которую Он якобы совершает, давая возможность человеческой несправедливости настичь меня. Бог был бы абсолютно справедлив, если бы допустил, чтобы меня осудили на пожизненное заключение и бросили в тюрьму за преступление, которого я никогда не совершал. Я могу быть невиновным перед людьми, но перед Богом я виновен.

Мы часто обвиняем Бога за несправедливость, от которой нам пришлось пострадать, и питаем в душе горькое чувство, что Бог по отношению к нам несправедлив. Даже признавая, что Он милосерден, мы считаем, что Он недостаточно милосерден. Мы заслуживаем большего милосердия. Мы заслуживаем большей благодати.

Перечитайте последнее предложение еще раз: мы заслуживаем большей благодати. Что неправильно в этом предложении? С точки зрения грамматики все отлично. В предложении есть подлежащее, сказуемое и дополнение. В этом смысле красному карандашу редактора тут нечего делать. Но есть серьезная ошибка в содержании. Что-то не так со смыслом предложения в целом.

Никто, нигде, никогда не может заслужить благодать. Благодать, по определению, незаслуженна. Как только мы начинаем говорить о заслуживании, о зарабатывании чего-то, мы перестаем говорить о благодати. Мы говорим о справедливости. Только справедливость можно заслужить. Бог никогда не обязан быть милостивым. Милость и благодать должны быть добровольными или это уже не милость и не благодать. Бог совсем не "должен" изливать на нас благодать. Он напоминает нам снова и снова: "Я помилую того, кого помилую". Решать, кого миловать, а кого - нет, - прерогатива Бога. Бог оставляет за Собой исключительное право на помилование.

Предположим, десять человек согрешили, причем согрешили одинаково. Предположим, Бог пятерых из них наказывает, а пятерых милует. Это что - несправедливость? Нет! В этой ситуации пятеро получили по справедливости, что заслужили, а на пятерых излилась милость. Никто не пострадал от несправедливости. Мы склонны делать следующее предположение: если Бог милостив к пятерым, Он должен быть в равной степени милостив к другим пятерым. Почему? Он вовсе не обязан быть милостивым. Если Он проявит милосердие к девяти из десяти, то десятый не имеет права жаловаться, что он стал жертвой несправедливости. Бог совсем не должен быть милосердным. Бог не обязан обращаться со всеми людьми одинаково. Может быть, мне лучше повторить это. Бог вовсе не обязан обращаться со всеми людьми одинаково. Если бы Он когда-либо был несправедлив к нам, у нас были бы основания жаловаться. Но просто тот факт, что Он помиловал моего ближнего, совсем не означает, что я имею право рассчитывать на Его милосердие. Опять, нам нужно помнить, что милость всегда добровольна. "Я помилую того, кого помилую".

Есть только две вещи, которые я когда-либо получал от Бога - справедливость и милость. Я никогда не страдал от несправедливости с Его стороны. Мы можем обращаться к Богу с

просьбой помочь нам добиться справедливости от людей, но было бы предельным безрассудством просить Его Самого обращаться с нами справедливо. Я предупреждаю своих студентов: "Никогда не просите Бога о справедливости - вы можете получить ее". Именно это неумение разделять понятия справедливости и милосердия заставляет нас ежиться и ужасаться, когда мы читаем истории Надава, Авиуда и Озы. Когда Бог действует по справедливости, мы чувствуем себя оскорбленными, потому что считаем, что Он обязан всегда быть милосердным. Нам не следует принимать Его благодать как должное. Нам никогда не следует утрачивать способность удивляться благодати. Мы поем песню: "Дивная справедливость", в ней есть такие слова:

"Справедливости меч вонзился в меня

И мне никак не понять:

Я очень хорош - почти что свят:

Как башня могла на меня упасть?"

Я помню, как во время учебы в семинарии, на кафедре проповеднической работы, я, выполняя задание, читал "практическую" проповедь. В этой проповеди я превозносил чудеса Божьей благодати. Как поется в одном из гимнов, я говорил о "Божьей благодати, безграничной благодати..."

В конце проповеди у профессора появился ко мне вопрос.

- Мистер Спраул, - сказал он, - откуда вы взяли, что Божья благодать безгранична?

Как только он задал мне этот вопрос, я понял, что попал в переplet. Я мог процитировать ему слова гимна, в котором это говорилось, мог сказать ему номер стиха, но почему-то я не мог сослаться ни на одно слово из Священного Писания, которое бы учило, что Божья благодать безгранична.

Причина, по которой я не мог привести ни одного стиха из Писания в поддержку идеи неограниченности Божьей благодати состоит в том, что такого стиха нет. Божья благодать не безгранична. Бог безграничен, и милосерден, и благ. Мы испытываем на себе благодать безграничного Бога, но благодать не безгранична. Бог ставит пределы Своему долготерпению. Он предупреждает нас снова и снова, что когда-нибудь топор упадет, день Его праведного суда настанет.

Так как у нас есть эта тенденция принимать благодать как должное, я полагаю, что Бог счел необходимым время от времени напоминать Израилю, что так к благодати относиться нельзя. В редких, но драматических случаях Он с вселяющей ужас силой демонстрировал, что такое Его справедливость. Он убил Надава и Авиуда. Он убил Озу. Он повелел истребить хананеев. Он как будто бы говорил: "Будьте осторожны. Наслаждайтесь плодами Моей благодати, но не забывайте о справедливости. Не забывайте, что грех - это не шутка. Помните, что Я свят".

Глава седьмая. Война и мир со святым Богом

Если человек создан не для Бога,
То почему он счастлив только с Богом?
Если человек создан для Бога,
То почему Он так противится Ему?
Блез Паскаль

Библия полна историями мужчин и женщин, которые боролись с Богом. Само имя Израиль означает "борющийся с Богом". Бог свят. Он превосходит нас, Он трансцендентен. И тем не менее Он - Бог, с Которым мы можем бороться. В этом "матче" целью является не окончательная война, а окончательный мир. Некоторые обрели его. В этой главе мы обратимся к людям, которые вступили в поединок с Богом и ушли с поля битвы с миром. Мы поговорим об Иакове, Иове, Аввакуме и Савле из Тарса. Затем мы рассмотрим вопрос, что это значит - примириться с Богом.

Иаков был мошенником. Его имя означает "хитростью занимающий чужое место". Это был человек, который обманул своего отца, обвел вокруг пальца брата и вступил в нечестивый заговор с матерью. Трудно себе представить, что сын Исаака и внук Авраама мог быть настолько растленным. Но жизнь сделала из него совершенно другого человека, он претерпел полную трансформацию. Это началось в Вефиле: "Иаков же вышел из Вирсавии и пошел в Харран, и пришел на, одно место, и остался там ночевать, потому что зашло солнце. И взял один из камней того места, и положил себе изголовьем, и лег на том месте" (Быт. 28:10, 11).

Путешествие в древней Палестине зачастую становилось тяжелым испытанием. Вечер приносил с собой опасность нападения со стороны разбойников и диких зверей. В то время не было гостиниц и Иакову негде было укрыться на ночь. Он шел до тех пор, пока солнце ни зашло. Тогда он сделал привал под звездами. Подушкой ему служил камень. Когда он только-только начал засыпать, ему приснился сон. Этот сон изменил его жизнь: "И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба, и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит на ней и говорит: "Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака. Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему. И будет потомство твое, как песок земный, и распространишься к морю, и к востоку, и к северу, и к полудню, и благословятся в тебе и в семени твоём все племена земные. И вот, я с тобою, и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь, и возвращу тебя в сию землю, ибо Яне оставлю тебя, доколе не исполню того, что Я сказал тебе" (Быт. 28:12-15).

Лестницу, которую Иаков видел во сне, обычно так и называют - "лестница Иакова". Она служила мостом, соединяющим небо и землю. До этого момента своей жизни Иаков не был человеком, каким-то образом соприкасающимся с небом. Он глубоко ощущал отсутствие Бога. Кажется странным, что сын Исаака и внук Авраама мог быть до такой степени "мирским" человеком. Авраам разговаривал с Богом. С полной уверенностью можно сказать, что молодой Иаков слышал истории, которые его отец и дед рассказывали вечерами, когда вся семья собиралась около костра. Он, должно быть, знал и о повелении, которое Бог дал Аврааму - принести в жертву Исаака на жертвеннике на горе Мория.

Жизнь Иакова проходила на поверхности этого мира. Всякие "небесные" разговоры не производили на него особого впечатления. Все его мысли были направлены на земное. Что касалось лично его, то в его понимании между небом и землей раскинулась непреодолимая бездна. Если Бог и существовал, то Он был настолько далек, так беспредельно трансцендентен, что не имел никакого отношения к жизни Иакова. До этого Бога, о Котором говорили родители Иакова, ему было не дотянуться - Он был слишком далек. До тех пор, пока Иакову ни приснился сон.

В этом сне он, как сказано, увидел лестницу. Лестница была местом контакта, связующим звеном между царством святого и царством мирского. Иаков увидел, как по лестнице поднимаются и спускаются ангелы. Они двигались в обоих направлениях, с земли на небо и с неба на землю. Это движение было непрерывным. Они переходили от присутствия Бога в присутствие людей. На верхней ступени лестницы Иаков увидел фигуру Бога. Обращаясь к нему, Бог подтвердил обещание, которое Он дал раньше Аврааму и Исааку. Обещание Бога теперь перейдет на Иакова и останется в силе для будущих поколений. Иаков станет носителем заветной клятвы, которую дал Бог. Бог пообещал быть с Иаковым, куда бы он ни пошел, и оставаться с ним, пока все обетования не исполнятся.

Что же произошло с лестницей Иакова? Этот образ практически исчезает в ветхозаветной истории. Века проходят без единого упоминания о ней. Затем внезапно этот образ опять возникает, на этот раз в Новом Завете: "Филипп находит Нафанаила и говорит ему: мы нашли Того, о Котором писал Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета. Но Нафанаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит ему: пойд и посмотри. Иисус, увидев идущего к нему Нафанаила, говорит о нем: вот, подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства. Нафанаил говорит Ему: почему Ты знаешь меня? Иисус сказал ему в ответ: прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя. Нафанаил отвечал Ему: Равеи! Ты - Сын Божий, Ты - Царь Израилев. Иисус сказал ему в ответ: ты веришь, потому что Я тебе сказал: "Я видел тебя под смоковницею", увидишь больше сего. И говорит ему: истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому" (Ин. 1:45-51).

Эти слова Иисуса, обращенные к Нафанаилу, имеют принципиальное значение. Он, по сути, объявил, что является "лестницей Иакова", мостом, соединяющим небо и землю. Этот мост переброшен через пропасть, лежащую между Трансцендентным и смертными людьми. Ангелы Божьи нисходят к Нему и восходят на небо. Он делает так, что Отсутствующий среди нас становится Присутствующим. Не бледную ли тень этого видел Иаков в своем сновидении?

Когда Иаков проснулся, все для него переменилось. Чувства, вызванные сном, нахлынули на него: "Иаков пробудился от сна и сказал: как страшно сие место! это не иное что, как дом Божий, это врата небесные" (Быт. 28:16,17).

Место, на котором Иакову приснился сон, стало известно под именем "Вефиль". На еврейском слово "вефиль" означает "дом Божий". Там не было ни скинии, ни храма, ни церкви. Иаков назвал это место домом Божьим, потому что именно там ему открылся святой Бог. Слова, произнесенные Иаковом, может сказать и современный человек. В наши дни человек также ощущает отсутствие Бога. Мы не видим ни горящих кустов, ни огненных столбов, ни Христа во плоти, ходящего среди нас. Мы чувствуем себя покинутыми, брошенными в воды враждебного или, что еще хуже, равнодушного мироздания. Нам кажется, что мы заперты в мире, из которого нет выхода, в котором нет лестницы, ведущей к звездам.

Иаков испытывал те же чувства, пока ему ни приснился этот сон. Его слова применимы и к нашей сегодняшней ситуации. "Истинно ГОСПОДЬ присутствует на месте сем, а я не знал этого!" Бог присутствовал все время. Он был недалеко от Иакова, но Иаков тосковал по Нему всю свою жизнь. Он не знал, что Бог здесь. Миллионы людей в наши дни пребывают в трагическом неведении, не догадываясь о присутствии Бога. Бог рядом, но мы об этом не знаем. В тот момент, когда зарождается осознание Его божественного присутствия, одновременно с этим начинается самая тяжелая внутренняя борьба, через которую может проходить человек. Видение не положило конец внутренней борьбе Иакова. Это было начало борьбы, которой не суждено было закончиться всю его жизнь. С этого момента он вступил в борьбу за свою собственную душу.

"Страшно сие место!" Так отреагировал Иаков на пребывание в доме Божьем. Как правило, в церкви люди подобных чувств не испытывают. Нет благоговения, вызываемого пребыванием в обществе Того, Кто заставляет нас трепетать. Люди, испытывающие благоговение, никогда не будут жаловаться на скуку в церкви.

Ученые спорят о точной дате обращения Иакова. Некоторые считают, что оно произошло здесь, в Вефиле, когда на него нахлынуло ощущение присутствия Бога. Другие придерживаются мнения, что Иаков обратился несколькими годами позже, в судьбоносный час, когда он боролся с Богом: "И встал в ту ночь, и, взяв двух жен своих, и двух рабынь своих, и одиннадцать сынов своих, перешел через Иавок в брод. И, взяв их, перевел чрез поток, и перевел все, что у него было. И остался Иаков один. И боролся Некто с ним, до появления зари, и, увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его, и повредил состав бедра у Иакова, когда Он боролся с Ним. И сказал: отпусти Меня, ибо взошла заря. Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков. И сказал: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь. Спросил и Иаков, говоря: скажи имя Твое. И Он сказал: на что ты спрашиваешь о имени Моем? И благословил его там. И нарек Иаков имя месту тому: Пенуэл, ибо, говорил он, я видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя" (Быт. 32:22-30).

Очевидно, "Некто", боровшийся с Иаковом, был не человеком - он был ангелом Божиим. Борьба была неистовая, она длилась всю ночь, и ни один из борцов не мог одержать верх. В конце концов ангел применил всепобеждающую силу Божию и, коснувшись состава бедра Иакова, повредил его. В результате своей "победы" Иаков только выжил. Он ушел с поля битвы, но ушел с хромотой, оставшейся ему на всю жизнь.

Разговор с ангелом об именах очень значителен. Ангел потребовал от Иакова, чтобы тот сказал свое имя. В те времена, когда человек в подобной ситуации называл свое имя, то этим он как бы сдавался, подтверждал свое подчиненное положение. Это аналогично обычаю употреблять отчество вместе с именем человека, который по своему положению и возрасту выше нас. Для борца сказать свое имя означало признать превосходство другой стороны. Это было актом капитуляции.

Когда Иаков выдал свое имя, тем самым он выдал свою душу. Он отказался от власти над своей собственной жизнью. Вместе с тем пришло новое имя, родилась новая личность - Израиль.

В своем поражении Иаков все еще надеялся на ничью, на такой "счет в матче", который оставит неприкосновенной его гордость. Тут подошло бы даже компромиссное решение. Он сказал ангелу: "Пожалуйста, скажи мне твое имя". Обратите внимание на разницу в интонациях собеседников в ходе разговора об именах. Ангел потребовал от Иакова назвать свое имя и Иаков назвал его в подтверждение превосходства противника. Иаков обратился к ангелу с вежливой просьбой и не получил желаемого ответа. Это был завершающий акт победы Бога. С Богом не может быть "ничьих" и компромиссов. Когда мы боремся со Всемогущим, мы проигрываем. Он один в целой вселенной непобедим.

Человек не может бороться с Богом и выйти из этой борьбы победителем. Но есть тут и утешение. Иаков боролся с Богом и выжил. Он потерпел поражение и остался калекой. Но он выжил в этой борьбе. Из этого мы, по крайней мере, можем сделать вывод, что Бог будет втягивать нас в честную борьбу с Ним. Мы можем бороться со святым Богом. Действительно, в каком-то смысле мы должны бороться с Ним, чтобы преобразующая Божья сила могла изменять нас и наши жизни. Нам нужно узнать, что это такое - бороться с Богом всю ночь напролет, если мы хотим также испытать сладость в тот момент, когда будем отдавать Ему душу.

Никто никогда не вел с Богом более оживленных и резких дебатов, чем Иов. Кажется, если был на свете человек, имевший право бросить Богу вызов, то таким человеком был Иов. Бог Сам провозгласил Иова праведным, и, тем не менее, на его долю выпало безмерное горе. Драма Иова создает впечатление, что бедный человек был не более чем пешкой в космической битве между Богом и сатаной. Бог допустил, чтобы Иов был подвергнут испытанию. Его имущество было украдено. Члены его семьи погибли. И, наконец, он заболел мучительной болезнью - нарывы покрыли все его тело. Он не мог найти облегчения от боли. Вскоре телесная мука оказала воздействие на его душу.

Как-то мне пришлось разговаривать с пожилой женщиной, которая отчаянно сражалась с раком. Ей проводили сеансы химиотерапии. Она страдала от побочных эффектов лечения, в том числе, от тошноты. Я спросил ее, как ей удается не падать духом, и услышал самый честный ответ: "Трудно быть христианкой, когда не вылезает из туалета". Эта женщина понимала, что существует тесная связь между телом и духом. Чрезвычайно трудно думать о духовном, когда страдаешь от непрекращающейся телесной муки.

Тем не менее, Иов не хулил Бога. Он воскликнул: "Вот, Он убивает меня, но я буду надеяться". Даже его жена старалась склонить его к тому, чтобы найти окончательный покой. Она дала совет простой и прямо в точку: "Похули Бога и умри".

Иов отказался искать легкий выход. Он выслушивал безрассудные советы, которые ему давали друзья. В конце концов он возвысил голос и бросил Богу вызов. Он стоял лицом к лицу с Богом и сражался с Ним, добываясь ответа на вопрос: почему и за что все эти несчастья свалились на него? Ответ Бога вряд ли можно назвать утешительным: "Господь отвечал Иову из бури и сказал: кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла? Препояшь ныне чресла твои, как муж: я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне: где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь. Кто положил меру ей, если знаешь? Или кто протягивал по ней вервь? На чем утверждены основания ее, или кто положил краеугольный камень ее, при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости? Кто затворил море воротами, когда оно исторглось, вышло как бы из чрева, когда я облака сделал одеждою его и мглу пеленами его. И утвердил ему Мое определение, и поставил запоры и ворота, и сказал: "доселе дойдешь, и не перейдешь, и здесь предел надменным волнам твоим"?" (Иов. 38:1-11).

Это был трудный устный экзамен. Иов требовал ответов от Бога. Вместо ответов он получил целую кучу вопросов. Бог упрекнул Иова, что в своем невежестве он бросает мрачную тень на мудрость Бога. Это было так, как будто бы Бог сказал: "Ну хорошо, Иов, ты хочешь допрашивать Меня? Отлично, Я отвечу на твои вопросы, но сначала ответь на несколько Моих". Вопросы посыпались, как из пулемета, один труднее другого. В конце концов Иов заговорил: "И отвечал Иов Господу и сказал: вот, я ничтожен, что буду я отвечать Тебе? Руку мою полагаю на уста мои. Однажды я говорил - теперь отвечать не буду, даже дважды, но более не буду" (Иов. 39:33-35).

Задумайтесь об образе, который Иов использовал. Он сказал, что "полагает руку на уста". Он заставлял самого себя молчать. Он закрыл уста ладонью, чтобы больше ни одного безрассудного слова не сорвалось у него с языка. Он сожалел, что осмелился бросить вызов Богу Он осознал самонадеянность своих слов. Он сказал все, что хотел.

Но допрос продолжался. Бог еще не закончил экзамен. Он продолжал засыпать Иова вопросами: "Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя?" (Иов. 40:3).

Совершенно ясно, в чей огород был брошен камень Иова. Его вызов был направлен на Божью справедливость. Его обвинения - оскорбления святого Бога. Вопрос Бога звенит в ушах Иова: "Хочешь обвинить Меня, чтобы оправдать себя?" Нет сомнений, что Иов жаждал быть оправданным. Его тошнило от обвинений друзей. Он не понимал, почему и за что ему приходится так бедствовать. Он добивался реабилитации. Но его желание вышло из-под контроля. Он был готов к тому, чтобы променять оправдание Бога на свое собственное. В пылу спора он пересек какую-то черту, предполагая, что Бог, возможно, совершил зло. Бог спросил его прямо: "Хочешь обвинить Меня, чтобы оправдать себя?"

Этот вопрос Бога переполнил чашу весов - и вопросы Бога обрушились на Иова всей своей тяжестью. Он был почти раздавлен. В конце концов он отнял руку ото рта и снова заговорил. На этот раз в его словах не звучало обвинение. Он нарушил свой обет молчания только для того, чтобы выразить раскаяние: "Знаю, что Ты все можешь и что намерение Твое не может быть оставлено. Кто сей, помрачающий Провидение, ничего не разумея? - Так, я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал. Выслушай, взывал я, и я буду говорить, и что буду спрашивать у Тебя, объясни мне. Я слышал о Тебе слухом уха, теперь же мои глаза видят Тебя, поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле" (Иов. 42:2-6).

При чтении этой части Книги Иова может сложиться впечатление, что Бог дразнит Иова. Иов возопил, требуя ответа, и Бог сказал, что ответит на его вопросы. Но ответов так и не последовало. Точнее, Бог обещал ответить при одном условии: сначала должен ответить Иов. Но Иов провалил экзамен. Тогда и Бог не стал отвечать.

И все же Иов этим удовлетворился. Несмотря на то, что Бог не дал ответов, смятение в душе Иова улеглось, и вопросов у него больше не было. Он услышал что-то более высокое, более полное, чем мог ему дать любой прямой ответ. Ответом на вопросы Иова стали не слова, а Сам Бог. Как только Иов увидел, Кто такой Бог, выяснилось, что это все, что ему нужно. Когда покров тайны, закрывающий для Иова Бога, рассеялся, он уже мог спокойно жить с несколькими вопросами, оставшимися без ответов. Явление Бога заставило Иова раскаяться, и ему уже было не до вопросов и не до того, чтобы бросать Богу вызов. Его ярость получила новое направление: теперь он гневался на себя. "Я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле".

Теперь мы поговорим еще об одном человеке, о котором нам рассказывает Ветхий Завет. Он тоже бросал вызов Богу.

Пророк Аввакум сделал Богу выговор, так как то, что Он совершил, оскорбляло чувство справедливости Аввакума. Пророка возмущало, что Божьим людям приходится страдать от рук более нечестивого народа, чем они сами. На первый взгляд казалось, что Бог не выполнил Своего обещания, данного иудеям, и, став отступником, начал покровительствовать развращенным вавилонянам. Аввакум был подобен современному еврею, гадающему, не был ли Бог на стороне Гитлера во время уничтожения евреев. Аввакум выразил свое негодование в полный голос: "Доколе, Господи, я буду взывать - и Ты не слышишь, буду вопиять к Тебе о насилии - и Ты не спасаешь? Для чего даешь мне видеть злодейство и смотреть на бедствия? Грабительство и насилие предо мною, и восстает вражда и поднимается раздор. От этого закон потерял силу, и суда правильного нет: так как нечестивый одолевает праведного, то и суд происходит превратный" (Авв. 1:2-4).

Аввакум рвал и метал. Он так горячо и с такой горечью высказал свою жалобу, что немного хватил через край. Он произнес: "Суда правильного нет". (В английском тексте: "Справедливость никогда не побеждает". - *Прим. перев.*)

Безусловно, в этом мире творятся несправедливые дела, которые должны быть в конце концов исправлены, но утверждать, что справедливость никогда не побеждает, - все-таки преувеличение. Подобно Иову, Аввакум требовал ответов. Он вышел на бой с Богом и приготовился решить спор в этой борьбе. Он стоял на сторожевой башне, ожидая ответа от Всемогущего. Когда Бог в конце концов заговорил, реакция Аввакума была аналогичной реакции Иова: "Я услышал - и вострепетала внутренность моя, при вести о сем задрожали губы мои, боль проникла в кости мои, и колеблется место подо мною" (Авв. 3:16).

Пророк чувствовал себя как маленький ребенок, которого ругают родители. Сердце его учащенно забилось, а губы начали дрожать. Мы все видели малышей, которые вот-вот заплачут. Они пытаются удержать рыдания, но нижняя губа дрожит, выдавая их. И вот мы видим взрослого мужчину, чьи губы начинают дрожать в присутствии Бога. Он ощутил что-то вроде внутреннего гниения, разложение, входящее ему в кости. Казалось, что его скелет превращается в пыль, что он вот-вот рухнет. Ноги подкосились - он соприкоснулся с *mysterium tremendum*. Колени задрожали. Он ушел живым после сражения с Богом, но ушел, едва волооча ноги.

Как только появился Бог, все гневные протесты Аввакума прекратились. Внезапно тон его речи изменился. Теперь на смену горькому отчаянию пришли непоколебимая уверенность и надежда: "Хотя бы не расцвела смоковница и не было плода на виноградных лозах, и маслина изменила, и нива не дала пищи, хотя бы не стало овец в загоне и рогатого скота в стойлах, - но и тогда я буду радоваться о Господе и веселиться о Боге спасения моего" (Авв. 3:17-18).

Насколько глубока была бездна отчаяния, в которой Аввакум пребывал до того, настолько высок пик радости, испытываемой им сейчас. Теперь он мог спокойно уповать на непостижимую мудрость Бога. Если перевести его слова на современный язык, то они звучали бы приблизительно так: "Пусть даже бюджет будет не сбалансирован, пусть цена моих акций на бирже упадет, а цены на продукты питания достигнут невероятных высот, пусть производство отечественной стали уступит японскому импорту, а автомобильная индустрия рухнет, и банки закроют свои двери, пусть даже русские ограбят нашу страну, а национальная бейсбольная команда проиграет в матче за Кубок кубков -но и тогда я буду веселиться о Боге спасения моего".

Все они: Иаков, Иов и Аввакум - пошли войной на Бога. Они все штурмовали небесную крепость. Все трое потерпели поражение, однако покинули поле битвы, воспрянув духом. Своей болью они заплатили цену. Бог допустил спор, однако установлению мира предшествовала горячая битва.

Савл из Тарса прошел через те же испытания - он также был целиком и полностью побежден Богом. Он был ревностным фарисеем, зилотом, и появление новой секты под названием "христиане" вызывало у него глубочайшее отвращение. Он поставил своей целью стереть христиан с лица земли. Действуя с одобрения властей, он ходил из дома в дом, устраивал облавы на первых христиан и бросал их в темницы. Когда побивали камнями Стефана, он стоял рядом и приветствовал этот акт. Он ликовал, когда получил новое задание отправиться в Дамаск и продолжить там погром христиан. Именно там, по дороге в Дамаск, он и встретился со святым Богом. Вот как он рассказывал об этом, когда его судили перед царем Агриппой: "Среди дня на дороге я у видел, государь, с неба свет, превосходящий солнечное сияние, осиявший меня и шедших со мною. Все мы упали на землю, и я услышал голос, говоривший мне на Еврейском языке: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? трудно тебе идти против рожна. Я сказал: кто Ты, Господи? Он сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь, но встань и стань на ноги твои, ибо Я для того и явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем того, что ты видел и что Я открою тебе, избавляя тебя от народа Иудейского и от язычников, к которым Я теперь посылаю тебя, открыть глаза и, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу, и верою в меня получили прощение грехов и жребий с освященными. Поэтому, царь Агриппа, я не воспротивился небесному видению" (Деян. 26:13-19).

Савл со всем пылом стремился к праведности. Он был фарисеем из фарисеев, посвятившим свою жизнь тому, чтобы досконально следовать Закону Ирония заключается в том, что с чем большим рвением он добивался своих целей, тем на самом деле больше вреда приносил Божьему делу Дело не в том, что Богу неуютно, когда кто-то стремится к

праведности. Бог "за" стремление к праведности, но Он "против" гордыни и надменности. Он противится тем, кто распухает от самодовольства. Пребывая в глубоком убеждении, что он борется за Бога, Савл на самом деле боролся против Него. И в этом полном иронии сражении неизбежно должен был настать момент прямого столкновения с тем самым Христом, против Которого он шел.

Одно из имен, под которым Бог открывается нам в Ветхом Завете, - El Shaddai. Это имя означает "громовержец" или "всемогущий". Именно под этим именем Бог явился Иову. Иов испытал на себе вызывающую благоговейный ужас силу Бога - Верховного Властителя, силу, которая побеждает всех людей и которую ни один человек не может преодолеть. Савл встретил Всепобеждающего на дороге в Дамаск.

Савл начинает описание пережитого им на пустынной дороге с того, что внезапно появился ослепительный свет. На пустынной дороге в полдень солнце было особенно ярким, его раскаленные лучи слепили, проходя через очень тонкий атмосферный слой. При нормальных условиях в этой географической зоне солнечный свет очень интенсивен. Для того чтобы какой-либо другой свет стал заметен на фоне этого "белого солнца пустыни", он должен быть исключительно ярким. Савл рассказывает о свете более ярком, более ослепительном, чем солнечный свет. Он описал его как "свет с неба".

Выражение "свет с неба" (в английском тексте: "свет с небес". - *Прим. перев.*) не означает буквально свет, нисходящий с нашего, "земного" неба.

Савл оказался в присутствии небесной славы Божьей. Слава Божья - это внешнее проявление Его святости. Его слава искрится такой лучезарностью, она такая яркая, что затмевает собой солнечный свет. В Книге Откровения мы читаем о явлении нового Иерусалима, города, сходящего с небес: "Храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель - храм его, и Агнец. И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его - Агнец" (Отк. 21:22,23).

В Новом Иерусалиме нет солнца по той простой причине, что город не имеет нужды в солнце. Слава Бога и Его Христа такая яркая, что само солнце бледнеет перед ее сиянием. Павел был ослеплен ее лучами. Задумайтесь, что произойдет, если смотреть прямо на солнце? Во время солнечных затмений людей привлекает странное зрелище - тень, закрывающая солнце. Тем не менее, если смотреть прямо на солнце даже во время затмения, то становится больно глазам, и это опасно для зрения. Перед солнечными затмениями средства массовой информации объясняют нам, что можно серьезно повредить зрение, если прямо смотреть на солнце. Насколько же мощным должен быть блеск, который в буквальном смысле ярче солнца? Слава Божья достигает такой степени яркости, которая намного превышает яркость солнца, когда оно светит в полную силу.

Савлу не явился ангел, чтобы бороться с ним. Вместо этого какая-то сверхъестественная сила швырнула его на землю. И мгновенно Савл ослеп. Не прозвучало ни предупреждения, ни дуновения ветерка, которое могло бы насторожить его. Высшая сила пригвоздила его к земле пустыни.

Вместе со светом с неба пришел также и голос. Этот голос повсюду описывается как шум многих вод, гремющий, подобно водопаду, когда вода, падая каскадом, бьет о камни. Павел определил, что Некто говорит на арамейском наречии, родном языке Иисуса. Голос обратился к Савлу лично, дважды повторив его имя: "Савл, Савл". Эта форма обращения, когда имя повторялось дважды, обозначало приветствие, обращенное к близкому человеку. Так же Бог обращался к Моисею, когда разговаривал с ним из горящего куста, и к Аврааму у жертвенника на горе Мория. К такой же форме обращения прибегал Иисус, когда плакал над Иерусалимом и взывал к Отцу в Свой самый мрачный час, на кресте.

"Савл, Савл, что ты гонишь Меня?" Обратите внимание, что голос не спрашивал, почему Савл преследовал Христову церковь. Вопрос был именно "Что ты гонишь Меня?" Нападать на церковь Христа означает нападать на Него Самого. И затем фраза: "Трудно тебе идти против рожна". Рожон - это деревянная рама, прикрепленная к повозке с волами. В эту раму вставлялись острые шипы. Рама укреплялась сзади волов таким образом, что, когда волы начинали упрямыться и отказывались двигаться вперед, шипы впивались им в ноги и заставляли их идти дальше. Представьте себе, каким тупым должен быть вол, чтобы злиться и брыкаться, после того как шипы впивались ему в ноги. Чем больше он брыкался, тем больше боли причинял самому себе.

Голос говорил Савлу: "Ты неразумный вол! Как глупо брыкаться, когда шипы впиваются тебе в ноги! Твоя битва тщетна. Пора капитулировать". В ответ Савл задал простой вопрос, но этот вопрос был с подтекстом: "Кто Ты, Господи?" Савл не знал - кем был Тот,

Который только что одолел его, но в одном он не сомневался - кто бы это ни был, это был Господь.

Пережив это, Савл стал Павлом, так же как Иаков стал Израилем. Борьба закончилась. Савл боролся с Богом и проиграл. И подобно Исаии, он узнал о своем призвании - быть Апостолом. Его жизнь изменилась и вместе с ней изменился ход мировой истории. В своем поражении Павел обрел мир.

Рассказав свою историю царю Агриппе, Павел добавил такие слова: "Поэтому, царь Агриппа, я не воспротивился небесному видению". Какое бы рвение Савл ни проявлял в борьбе против Христа, но в борьбе за Христа его рвение стало несравненно большим. Он непосредственно видел святость Божью, и впечатление было настолько сильным, что забыть его он уже не мог. Он размышлял о нем и разъяснял его смысл во всех своих посланиях. Он стал человеком, который понял, что значит быть оправданным. Для него святая война закончилась и настал святой мир. Он стал Апостолом, чьи писания разбудили Лютера в монастыре и кто дал христианской церкви рецепт, как пребывать в мире с Богом.

Суть борьбы, которую мы ведем со святым Богом, заключается в конфликте между праведностью Бога и нашей неправедностью. Он справедлив, а мы несправедливы. Это напряжение порождает в нас страх, враждебность и гнев по отношению к Богу. Несправедливый человек не жаждет общения со справедливым судьей. Мы становимся беженцами, пытающимися скрыться от присутствия Того, Чья слава может ослепить нас и Чья справедливость может обвинить нас. Мы пребываем в состоянии войны с Ним, до тех пор пока (или если) не получим оправдание. Только человек, получивший оправдание, может чувствовать себя спокойно в присутствии святого Бога.

Апостол Павел говорит о дарах, которые несет с собой оправдание. В Послании к Римлянам он объясняет, что происходит с нами, когда мы оправданы, когда мы верим Христу и Его праведность покрывает наши грехи: "Итак, оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого верою и получили мы доступ к той благодати, в которой стоим и хвалимся надеждою славы Божией" (Рим. 5:1,2).

Первый плод нашего оправдания - это мир с Богом. Для древнего иудея мир был роскошью, которой ему не часто приходилось наслаждаться. То, что происходит в наши дни на Среднем Востоке, напоминает повторение древней истории. В период, прошедший от завоевания Ханаана и до оккупации Иудеи Римом, во времена Нового Завета было всего несколько лет, когда Израиль не воевал. Географически Палестина располагалась таким образом, что служила основным мостом, соединяющим Африку и Азию. Это делало ее коридором, где шла не только торговля, но и постоянная война. Крошечный Израиль часто оказывался между молотом и наковальней различных соперничающих между собой сил. В военных действиях он использовался в качестве своего рода мячика для пинг-понга.

Еврей жаждал мира. Он мечтал о дне, когда "мечи перекуют на орала". Он ждал дня, когда придет Князь мира и положит конец непрекращающейся враждебности. Стремление к миру стало для еврея настолько важным, что само слово мир стало ежедневным приветствием. В тех случаях, когда мы говорим "привет" или "пока", евреи говорили просто: "Шалом".

И до сегодняшнего дня слово "шалом" является неотъемлемой частью еврейского разговорного языка.

Основной смысл слова "мир" - прекращение военного конфликта. Но в этом слове заключалось и более глубокое значение. Еврей также глубоко волновал внутренний мир, покой души, прекращение смятенного состояния духа. У нас есть сходное понятие, которое характеризуется фразой "душевный мир".

Я вспоминаю знойный летний день 1945 года, когда я играл в крикет на одной из улиц Чикаго. Весь мой мир в этот момент состоял из отрезка земли от одной лунки до другой. Единственное, что меня волновало, - это когда настанет моя очередь взять в руки биты.

И я был очень раздосадован, так как моя первая подача была прервана внезапным хаосом и шумом вокруг меня. Люди выбегали из своих квартир. Они кричали и били ложками по сковородкам. На какую-то секунду мне показалось, что настал конец мира. Во всяком случае, это был конец моей игре в крикет. Среди всей этой бешеной суматохи я увидел свою мать. Она кинулась ко мне, по ее лицу струились слезы. Она схватила меня на руки и прижала к себе, снова и снова повторяя сквозь рыдания: "Это кончилось, кончилось, кончилось!"

Это был 1945 год, День победы над Японией. Я не вполне понимал значение происходящего, но одно было ясно: война закончилась и отец скоро вернется домой. Мы больше не будем посылать письма авиапочтой в далекие страны. Не будем слушать ежедневные сводки новостей с сообщениями о человеческих жертвах на полях сражений. Больше на окнах не будут висеть шелковые знамена, украшенные звездами. Не будет карточек на продукты. Война закончилась, и к нам, наконец, пришел мир.

Этот момент ликования оставил неизгладимый отпечаток в моем детском сознании. Я узнал, что мир - это важная вещь, причина для необузданного веселья, когда он наступает, и для горьких сожалений, когда его теряют.

В тот день на улице Чикаго у меня возникло впечатление, что мир настал навсегда. Я понятия не имел, насколько он хрупок. Прошло совсем немного времени, и газеты запестрели угрожающими предупреждениями о нарастании военной мощи Китая, о ядерной угрозе, исходящей от России, и о блокаде Берлина. Мир для Америки был очень кратким, вскоре его прервала война в Корее и затем еще раз - во Вьетнаме.

Хрупкий. Нестабильный. Зыбкий. Этими прилагательными можно охарактеризовать обычный мир на земле. Кажется, что мирные договоры, подобно законам, существуют для того, чтобы их нарушали. Миллион Чемберленов могут кричать с балконов, патетически потрясая кулаками: "Мы добились мира!", но их восклицания не изменят того факта, что человеческая история - история нескончаемых войн.

Довольно скоро мы привыкаем не слишком серьезно относиться к миру. Война вторгается в мирную жизнь чересчур быстро, чересчур легко. Но мы все продолжаем жаждать длительного мира, такого, на который можно было бы положиться. Именно о мире такого рода Апостол Павел говорил в своем Послании к Римлянам. Когда наша война со святым Богом заканчивается, то мы, подобно Лютеру, проходим сквозь двери рая. Когда мы получаем оправдание через веру, то война заканчивается навсегда. Вместе с очищением от греха и провозглашением божественного прощения мы заключаем мирный договор с Богом, и этот мир будет длиться вечно. Этот мир - святой, непоколебимый и трансцендентный. Это не такой мир, который может быть нарушен.

Когда Бог подписывает мирный договор, то Он подписывает его навечно. Война закончилась и больше никогда не начнется. Конечно, мы по-прежнему грешим. Мы, как и раньше, бунтуем. Мы снова и снова проявляем враждебность по отношению к Богу. Но Бог, в отличие от нас, не находится в состоянии войны. Его нельзя втянуть в борьбу против нас. У нас есть Заступник перед Отцом. Мы имеем Посредника, Который стоит на страже мира. Он хранит мир, потому что Он одновременно и Князь мира, и сам мир.

Мы теперь зовемся детьми Божьими. Это имя, как благословение, даровано миротворцам. Теперь нашими грехами занимается Отец, а не военачальник армии противника. У нас есть мир. Этот мир - наша собственность, это скреплено печатью Христа и гарантировано Им.

Наш мир с Богом не хрупок. Он стабилен. Если мы согрешим, то Бог будет недоволен и предпримет шаги, чтобы исправить нас и осудить нас за грех. Но Он не пойдет войной на нас. Его лук больше не натянут, и стрелы Его гнева не нацелены в наши сердца. Он не потрясает оружием каждый раз, когда мы нарушаем договор.

Мир оправдания - это не только внешний мир. Во Христе находит удовлетворение самая глубинная потребность нашего сердца - потребность во внутреннем мире. Святой Августин когда-то молился: "О Боже, Ты сотворил нас для Себя, и наши сердца не найдут себе покоя, пока ни обретут покой в Тебе". Мы все знаем, что значит терзаться внутренней тревогой. Нам знакомо грызущее чувство пустоты и вины, порождаемое нашей отчужденностью от Бога. Когда устанавливается мир, ужасная пустота заполняется и наши сердца могут пребывать в покое.

Новый Завет называет этот мир так: "мир Божий, который превыше всякого ума". Это святой мир, отличный от обычного земного мира. Это такой мир, который способен даровать только Христос. Это тот мир, которым обладал Сам Христос.

Из Евангелий мы знаем, что Иисус не многое имел в этом мире. У Него не было дома, не было места, где преклонить главу. У Него не было ни собственного дела, ни акций. Его единственной собственностью был хитон. Этот хитон у Него украли те, кому было поручено совершить казнь. Создается впечатление, что Он умер, не имея ни копейки, не оставив ничего Своим наследникам.

Мы - наследники Христа. На первый взгляд может показаться, что мы наследники без наследства. Но в Библии ясно сказано, что Богу было угодно дать царство Своему возлюбленному Сыну. Иисус получил наследство от Своего Отца, и это наследство Он

передал нам. Он пообещал, что когда-нибудь мы услышим слова: "Придите, благословенные Отца моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира".

Но наше наследство не только Царство Божье. В Своей последней воле и завещании Иисус оставил Своим наследникам нечто еще, нечто очень особенное: "Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается" (Ин. 14:27).

Вот оно - наследство Христа: мир. Именно Его мир остался нам в наследство. Он дает Свой подарок не так, как принято дарить подарки в этом мире. У Него нет ни скрытых мотивов, ни какого бы то ни было лукавства, ни обмана. Он дает Свой мир не для того, чтобы получить от этого какую-то выгоду, а ради нашего блага. Это дар из другого мира, подаренный так, как дарят в другом мире. Он - наш навеки.

Мир - только одно из благ, которые приходят вместе с оправданием. К этому святому миру добавляется нечто другое: доступ или вход. Слово доступ является решающим для любого человека, который когда-либо боролся с Богом. В миру нас повсюду окружают объявления. На одном объявлении может быть написано: "Вход воспрещен", на другом: "Вход ограничен". Было время в истории, когда на воротах рая висела табличка: "Вход воспрещен". Даже в ветхозаветном храме обычному человеку был запрещен доступ к престолу Божьему. Даже для первосвященника доступ был "ограничен". Он мог подойти к нему только раз в году и соблюдая совершенно особые меры предосторожности. Плотная завеса отделяла святая святых от всего остального храма. Вход был практически запрещен. Ограничен. Для среднего верующего доступа туда не было.

В тот момент, когда Иисус был убит, в то мгновение, когда Справедливый умер за несправедливых, завеса в храме разорвалась. Присутствие Божье стало доступным для нас. Для христиан табличка "Входа нет" была снята с ворот рая. Теперь мы можем спокойно ступить на святую землю. Мы не только имеем доступ к Его благодати, но нам дано нечто большее - доступ к Нему Оправданному человеку больше нет нужды говорить Святому: "Отойди от меня, ибо я человек грешный". Теперь мы можем быть спокойными в присутствии святого Бога. Мы можем обращаться к Нему со своими вопросами. Он не настолько далек, чтобы не слышать наших воплей. Мы приходим к Нему как люди, чьи грехи были покрыты праведностью Христа. Я повторяю: мы можем чувствовать себя спокойно в присутствии святого Бога. Нужно подчеркнуть, что мы по-прежнему приходим, благоговая, с почтением и восхищением, но новость чрезвычайной важности состоит в том, что мы можем прийти: "Итак, имея Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса Сына Божия, будем твердо держаться исповедания нашего. Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха. Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи" (Евр. 4:14-16).

Библия призывает нас приближаться к престолу благодати с дерзновением. (В английском тексте: "с уверенностью". - *Прим. перев.*)

Как люди, получившие оправдание, мы можем уверенно приближаться к Богу. Дерзновение не следует путать с легкомысленной самоуверенностью. Оза приближался к Богу не с уверенностью, а с самонадеянностью. Надав и Авиуд перешли грань, за которой кончается уверенность и начинается оскорбление величия Божьего. Мы должны приходиться к Нему смело и уверенно. Нет нужды удаляться от Него или колебаться, прежде чем войти. Но, приходя, мы должны помнить о двух вещах: Кто есть Он и кто есть мы.

Для христианина священная война закончилась и наступил мир. Доступ к Отцу теперь наш. Но мы по-прежнему должны трепетать перед нашим Богом. Он по-прежнему свят. Наш трепет - трепет благоговения и восхищения, а не трепет язычника или труса, вздрагивающего от малейшего дуновения ветерка. Как сказал Лютер, мы должны бояться Бога не рабским страхом узника перед своим мучителем, но страхом детей, которые не хотят вызвать неудовольствие Отца. Мы приходим к Нему с уверенностью. Мы приходим к Нему с дерзновением. У нас есть доступ. У нас есть святой мир.

Глава восьмая. Будьте святы

"Апполон, следи за тем, что делаешь. Потому что я стою на царском пути, Пути святости. Посему следи за собой."

Джон Беньян

Первые христиане назывались святыми. С тех пор значение слова "святой" претерпело серьезные изменения. Теперь слово "святой" вызывает в воображении образ сверхправедного человека, человека необычайной набожности и духовной силы. В римской католической церкви это слово стало титулом для тех, кто был канонизирован и внесен в особый список героев духа.

В Библии слово "святой" используется по отношению к обыкновенным, рядовым верующим. В Новом Завете все Божьи люди называются святыми. Кажется странным, что такое имя носят люди, борющиеся со всевозможными грехами. Когда мы читаем послания Павла, то нас глубоко поражает тот факт, что он обращается к этим людям как к святым и затем начинает выговаривать им за их безрассудное и греховное поведение.

Священное Писание называет этих людей святыми не потому, что они уже были чистыми, но потому, что они были отделены и призваны к чистоте. Слово "святой" в применении к человеку имеет те же два значения, что и в применении к Богу. Необходимо помнить, что когда слово "святой" используется для характеристики Бога, то в первую очередь оно привлекает внимание к тому, что Бог отделен от нас, а уже во вторую очередь к Его абсолютной чистоте. Но мы не Бог. Мы не трансцендентны. Мы, безусловно, не чисты. Так почему же Библия называет нас "святыми"?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо снова обратиться к Ветхому Завету. Когда Бог вывел Израиль из египетского рабства и сделал его особым народом, Он отделил этот народ от других. Он назвал израильтян Своим избранным народом и дал им особое поручение. Он сказал им: "Будьте святы, как Я свят".

Этот особый призыв, обращенный к Израилю, на самом деле вовсе не был новым. Впервые он прозвучал не во дни Моисея и даже не во дни патриарха Авраама. Самыми первыми к святости были призваны Адам и Ева. Святость - это то, к чему изначально был предназначен человеческий род. Мы были сотворены по образу Божьему. Быть сотворенным по образу Божьему означает, кроме всего прочего, что мы созданы для того, чтобы в нас отражался характер Бога. Мы были сотворены, чтобы излучать в мир святость Божью. Это было главной целью человека, смыслом его существования.

Пресвитерианские церкви использовали Вестминстерский катехизис для наставления детей. Первый вопрос в катехизисе такой: "В чем состоит смысл жизни человека и его предназначение?" То есть - какова главная обязанность каждого человеческого существа? Ответ на вопрос звучит так: "Смысл жизни человека состоит в том, чтобы прославлять Бога и вечно радоваться Ему".

В детстве у меня возникали трудности с этим вопросом. Мне никак не удавалось соединить вместе две части ответа. Я не мог понять, как радость, удовольствие может сочетаться с прославлением Бога. Мне казалось, что прославление Бога имеет какое-то отношение к повинению Его святому закону. Это не соединилось с мыслью о слишком большом веселье. Я уже испытал на себе конфликт между моим собственным удовольствием и послушанием законам Бога. Я добросовестно повторял требуемый ответ, по-настоящему в него не вникая и не понимая его. Бог для меня был препятствием, стоящим на пути к радости. Жить для того, чтобы прославление Его было моей главной целью? Это не укладывалось у меня в голове. Я полагаю, что у Адама с Евой тут тоже была неувязка.

Большая проблема, которая у меня была в молодости, состояла в том, что я не вполне понимал различие между счастьем и удовольствием. Я бы с большим удовольствием сообщил вам, что с тех пор, как стал мужчиной, отбросил детские игрушки. К несчастью, это не так. В моей взрослой жизни я по-прежнему продолжаю тянуться к игрушкам. Как и прежде, мне не удается понять разницы между счастьем и удовольствием. То есть, умом я понимаю, что это разные вещи, но это понимание еще не вошло в мою плоть и кровь.

В своей жизни я совершил множество грехов. Ни один из этих грехов ни разу не сделал меня счастливым. Ни один не добавил ни единого грамма счастья. С другой стороны, грех внес в мою жизнь массу несчастливых моментов. Меня удивляют некоторые знаменитые люди, которые во время телевизионных или журнальных интервью утверждают, что если бы им довелось заново прожить жизнь, они бы ничего не изменили. Такая глупость поражает мое воображение. Есть множество вещей, которые я был бы счастлив иметь

возможность сделать заново. Совершенно не исключено, что, даже имея я этот шанс, я все равно сделал бы те же самые глупости, но все же мне хотелось бы иметь такой шанс. Мои грехи не принесли мне счастья. Но они принесли мне удовольствие. Мне нравится получать удовольствие. Меня по-прежнему очень привлекает удовольствие. Удовольствие может доставить большую радость. И вовсе не все удовольствия - грехи. Можно найти много удовольствия и в праведности. Но разница есть. Грех может быть приятным, но он никогда не приносит счастья.

Итак, если я все это понимаю, то почему грех соблазняет меня? Кажется глупым со стороны человека, знающего различие между счастьем и удовольствием, продолжать менять счастье на удовольствие. Кажется беспредельно глупым делать что-то, что, как человек знает, лишит его счастья. И тем не менее, мы так поступаем. Тайна греха состоит в том, что он не только зол и разрушителен, но и откровенно глуп.

Много лет я курил сигареты. Я никогда не вел подсчетов, но полагаю, что за эти годы сотни людей привлекали мое внимание к тому, что мне не стоит курить. Они просто указывали мне на очевидную вещь, на то, что прекрасно знает любой американский курильщик. Задолго до своего обращения в христианство я был полностью в курсе, что курение вредит. Я знал это еще до того, как благодаря усилиям хирурга, генерала медицинской службы, на сигаретных упаковках появились предупреждающие надписи. Я знал это с того момента, когда выкурил свою первую сигарету. Тем не менее, я продолжал это делать. Чистое безумие. Вот что такое грех.

Приходилось ли вам когда-нибудь делать что-то такое, что вам хотелось делать, хотя разум говорил вам, что это плохо и неправильно? Если вы на этот вопрос ответите "нет", то вы или лжете, или живете иллюзией, или подходите на роль спасителя мира. Мы все попадаем в эту ловушку. Мы делаем то, что нам хочется, а не то, что должны. Нет ничего удивительного, что мы, подобно Павлу, восклицаем: "Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?"

Наша проблема состоит в том, что мы призваны к святости, а сами при этом не святы. Но тогда снова встает вопрос: если мы не святы, то почему тогда Библия называет нас "святыми"?

Библия называет нас "святыми" по двум причинам: во-первых, мы святы, потому что были освящены для Бога. Мы были отделены. Мы были призваны к "другой" жизни. Христианская жизнь - это жизнь неконформистов - инакомыслящих. Идея эта выражена в Послании к Римлянам: "Итак, умоляю вас, братия, милосердием Божиим, предоставьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего, и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что (есть) воля Божия, благая, угодная и совершенная" (Рим. 12:1,2).

Во времена Ветхого Завета богослужение сосредоточивалось вокруг жертвенника, на котором приносились жертвы Богу. Чаще всего это были жертвы за грех. Сами по себе жертвоприношения не способны были искупить грех. Они являлись символами, указывающими на одну великую жертву, которая будет позднее принесена на кресте. После того как был убит безупречный Агнец, все другие жертвоприношения прекратились. В христианской церкви больше не предусматриваются жертвоприношения животных, поскольку в них теперь нет нужды. Приносить такие жертвы сейчас означало бы оскорблять совершенную жертву Христа.

Из-за того, что дни жертвоприношений животных миновали, многие делают вывод, что все жертвы, приносимые Богу, отвратительны для Него. Это просто неправда. Апостол Павел призывает нас приносить другую жертву - живую жертву наших тел. Мы не должны отдавать Богу ни свой урожай, ни своих животных. Мы должны отдавать Богу самих себя. Эта новая жертва не является ни актом искупления, ни актом жертвоприношения за грех. Отдача Богу в жертву наших тел есть приношение благодарности. Это следует из слова Павла "итак".

Когда мы видим слово "итак" в тексте Писания, то это служит для нас предупреждением, что сейчас последует вывод. Слово "итак" связывает сказанное до сих пор с выводом, который будет сделан. В 12 главе Послания к Римлянам слово "итак" возвращает нас ко всему изложенному в предыдущих главах, в которых говорится об искупительном подвиге Христа, совершенном ради нас. Это подталкивает нас к тому единственному выводу, который мы можем сделать, зная о Его подвиге. В свете того, что Христос сделал для нас - дал нам возможность получить оправдание по Его благодати, - единственно правильным заключением будет, что мы должны целиком и полностью предоставить себя Богу как дышащие, думающие, живые жертвы.

Что представляет собой живая жертва? Говоря о ней, Павел в первую очередь упоминает о инакомыслии. "Не сообразуйтесь с веком сим". На этом спотыкаются многие христиане. Совершенно очевидно, что мы должны быть инакомыслящими. Но трудно понять, к какому же именно инакомыслию нас призывают. Нонконформизм - коварная тема, которую легко свести к чисто поверхностным проявлениям.

Это трагедия, что христиане так поверхностны в отношении вопроса нонконформизма. Упрощенный подход к этому вопросу заставляет христиан делать прямо противоположное тому, что принято в нашей культуре или в нашей среде. Если в моде короткие волосы, нонконформист будет носить длинные. Если принято ходить в кино, то такой христианин будет избегать посещения кино, как "мирского" занятия. Экстремальные случаи такого подхода проявляются в сектах, отказывающихся, к примеру, от пуговиц или от использования электричества, потому что эти вещи тоже слишком мирские.

Поверхностный нонконформизм - классическая фарисейская ловушка. Царство Божье не имеет отношения к пуговицам, фильмам или танцам. Бога заботит не то, что мы едим или что мы пьем. Он призывает нас к нонконформизму на более глубоком уровне - уровне праведности, лежащей за рамками чисто внешних проявлений. Там, где праведность определяется исключительно по степени внешней набожности, утрачивается вся суть апостольского учения. Каким-то образом мы ухитряемся пропускать мимо ушей слова Иисуса о том, что не то, что входит в уста, оскверняет человека, а то, что выходит из его уст. Мы по-прежнему пытаемся свести Царство Божье к одной плоскости, где важны только еда, питье и тому подобное.

Почему такие искажения расцветают пышным цветом в христианских кругах? Единственный ответ на этот вопрос, который я могу дать, - из-за греха. Наши внешние признаки набожности на самом деле могут быть свидетельствами безбожия. Когда мы сосредоточиваемся на мелочах и раздуваем что-то незначительное до невероятных размеров, то ведем себя, как фарисеи. Когда отношение к танцам и кино становится тестом на духовность, мы виновны в замене искренней морали на дешевую. Мы делаем эти вещи, чтобы скрыть более глубокие нравственные проблемы. Не ходить в кино и не танцевать может кто угодно. Для этого не требуется особых усилий или нравственного мужества. А вот что трудно - это контролировать свой язык, поступать честно и, как подобает человеку, приносить плод Духа.

За всю жизнь мне не приходилось слышать ни одной проповеди об алчности. Я слышал массу проповедей о зле, сопряженном с употреблением спиртного, но ни одной о зле, которое несет с собой алчность. Странно. Чтобы быть точным, в Библии говорится, что пьянство - грех, но этот грех никогда не входил в десятку основных. А запрет на алчность - одна из Десяти заповедей! Истинный нонконформист - тот, кто перестает жаждать чужого, сплетничать, клеветать, ненавидеть, злиться и впадать в отчаяние. Он начинает на практике приносить плод Духа.

"Горе вам, книжники и фарисеи, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру, сие надлежало делать, и того не оставлять. Вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие!" (Мф. 23:23-24).

Иисус упрекал книжников и фарисеев за то, что они пренебрегали существенным и делали слишком сильный упор на мелочах. Он смотрел на это не как на вопрос, типа "или/ или", а как на вопрос, типа "и то, и то". Десятину нужно было отдавать, но не за счет главного - справедливости, милости и верности. Фарисеи заботились о внешних, видимых проявлениях набожности, но игнорировали более важные духовные вопросы.

Любой может быть нонконформистом ради самого нонконформизма. Я хочу еще раз подчеркнуть, что это дешевая набожность. В конечном счете, мы призваны к чему-то большему, чем нонконформизм: мы призваны к преображению (трансформации). Мы видим, что оба эти слова - "нонконформизм" и "трансформация" - содержат корень "форм". Различие только в приставках. Приставка "кон" означает "с", "вместе". Быть конформистом, следовательно, означает "быть вместе с какими-то структурами или формами". В нашей среде конформист - это человек, который "вместе с чем-то". Нонконформист, напротив, это человек, "выпадающий из этого", который "не вместе с этим". Если цель христианина - быть не вместе, выпасть, то боюсь, что мы все слишком преуспели в этом.

Приставка "транс" означает "через" или "за пределы". Когда нас призывают к преображению или трансформации, то это значит, что мы должны стать выше форм, образцов и структур этого мира. Мы не должны идти на поводу у мира, мы должны идти наперекор ему и подниматься выше него, в соответствии с теми более высокими

образцами, следовать которым мы призваны. Это призыв к трансцендентному и высокому, а не к поверхностному "выпаданию". Христианин, воспринимающий себя как живую жертву и поклоняющийся Богу таким образом, - это человек, придерживающийся высоких норм дисциплины. Его не удовлетворяют поверхностные проявления праведности. "Святой" призван к тому, чтобы всеми силами стремиться к Царству Божьему. Его духовность должна быть глубинной.

Павел подчеркивает, что ключевым средством к трансформации является "обновление ума". Это ничто иное, как образование. Серьезное образование. Глубокое образование. Дисциплинированное образование в сфере всего, что относится к Богу. Оно требует овладения Словом Божьим. Нам нужно стать людьми, чья жизнь меняется благодаря изменению сознания.

Истинное преображение приходит с новым пониманием Бога, человека и мира. Наша окончательная цель - стать похожими на Бога. Мы должны уподобиться Иисусу, хотя и не в том смысле, что мы можем приобрести Его божественность. Мы не богочеловеки. Но в нашем человеческом облике должна отражаться совершенная человеческая сторона Иисуса. Высокое призвание!

Чтобы стать похожими на Иисуса, нам надо, в первую очередь, начать думать, как Иисус. Нам нужен "ум Христов". Нам нужно ценить то, что ценит Он, и презирать то, что презирает Он. Наши приоритеты должны стать такими же, как у Него. Те соображения должны быть вескими для нас, которые являются вескими для Него.

Этого не произойдет, если мы не овладеем Его Словом. Ключ к духовному росту - углубленное христианское образование, требующее серьезных жертв.

Это и есть величие, к которому мы призваны. Нам не следует уподобляться всему остальному миру, довольствуясь спокойной жизнью, понимая Бога лишь поверхностно. В нас должна расти неудовлетворенность духовным молоком и жажда духовной "твердой пищи".

Быть святым - значит быть отделенным. Но это означает и нечто большее. Святой человек является человеком, чья жизнь представляет собой процесс освящения. Нам надо ежедневно очищаться, все больше и больше стремясь к святости. Если мы оправданы, то мы также должны быть освящены.

Как-то я читал лекции по богословию в одном колледже. Я вызвал одного из студентов и задал ему вопрос. Он ответил так, что весь класс разразился хохотом. Гвоздем его юмористического ответа был я. Он сказал: "Я не знаю ответа на ваш вопрос, но уверен, что у вас на этот случай есть латинская фраза!" Моим студентам нравилось смеяться над удовольствием, которое я испытывал, по любому поводу прибегая к латинским фразам.

Иногда я и в самом деле вынужден прибегать к латинским фразам. Мне нравится произносить их - они так выразительны, так сладкозвучны. Я не могу написать книги, не используя, по меньшей мере, одну такую фразу. И здесь то же самое: латинскую фразу для этой книги я позаимствовал у Мартина Лютера. Лютер использовал ее, чтобы привлечь внимание к статусу оправданного грешника. Вот она: *simul justus et peccator*.

Какая фантастическая фраза! Одна из моих любимых. Теперь единственное, что осталось, это понять, что она значит. *Simul* - "в одно и то же время". *Justus* - "справедливый". *Et* - (моя бабушка думала, что это слово "есть" в прошедшем времени [Игра слов: на английском языке слово "есть" в прошедшем времени звучит как "et". - *Прим. перев.*]) переводится как "и".

Мы помним предсмертные слова Юлия Цезаря, сказанные им перед тем, как он был заколот. За мгновение до того, как упасть на землю у основания статуи Помпея, он взглянул на Брута и воскликнул в предсмертной муке: "Et tu Brut?" (И ты, Брут?) Слово *peccator*, вероятно, наименее нам знакомое. Оно переводится как "грешник". Таким образом, соединив эти слова вместе, мы получаем - "в одно и то же время и справедливый, и грешник". Вот кто такой святой. Это человек, который справедлив, но грешен.

То, что святой - по-прежнему грешник, очевидно. Каким же образом тогда он может быть справедливым? Святой справедлив, потому что он был оправдан. Праведность Христа сделала его справедливым в глазах Бога. В этом и состоит суть оправдания по вере. Когда мы лично вверяем наше спасение Христу, и Ему одному, тогда Бог "переводит на наш счет" всю праведность Христа. Когда мы верим в Него, то Его справедливость становится нашей. Это юридическая операция. Перевод праведности подобен операциям со счетами, когда никакого обмена реальной собственностью не происходит.

То есть, Бог помещает праведность Христа на мой счет, пока я все еще грешник.

Все это смахивает на обман, словно Бог играет в юридические игры. Он считает нас праведными, в то время как мы сами по себе не праведны. Но это Евангелие! В этом и состоит Благая весть, что на суд святого и справедливого Бога мы можем прийти со счетом, на котором - безупречная праведность. Это праведность Христа, которая стала нашей по вере. Это не обман и еще меньше игра. Эта операция реальна. То, что Бог объявил, Он объявил всерьез. Праведность Христа действительно помещена на наш счет. Бог смотрит на нас, как на праведников, потому что праведность Христа прикрыла и одела нас. Дело тут не просто в том, что Иисус Своей смертью заплатил наш долг. Его жизнь для нас так же важна, как и Его смерть. Христос не только берет на Себя наши грехи, наши долги и наши недостатки. Он дает нам Свое послушание, Свои хорошие качества и Свои заслуги. Только если все это происходит, несправедливый человек может выдержать присутствие справедливого и святого Бога.

В этом понятии перевода праведности кроется известный риск. Его часто неправильно понимают. Им серьезно злоупотребляют. Некоторые предполагают, что если человек верит в Христа, то ему уже нечего беспокоиться о том, чтобы менять свою жизнь. Бывает, что к оправданию по вере относятся как к разрешению на грех. Если мы имеем праведность Христа, то зачем прилагать усилия и менять свой образ жизни? Если наши добрые дела все равно не в состоянии привести нас на небеса, то зачем вообще затруднять себя ими? Такие вопросы никогда не должны слетать с уст истинно оправданного человека.

Когда Лютер смело провозгласил библейскую доктрину оправдания одной только верой, он сказал: "Мы получаем оправдание только по вере, но одной веры недостаточно". Еще раньше об этом сказал Иаков, немного по-другому. Он сказал, что "вера без дел мертва". Истинная вера или спасающая вера - это то, что Лютер назвал *fides viva* (ага! я опять это сделал - опять латинская фраза!), "живая вера". Это вера, которая немедленно приносит плоды раскаяния и праведности. Если человек говорит, что у него есть вера, но никаких дел за этим не следует, то это ясно доказывает, что его вера неискренна. Истинная вера всегда влечет за собой стремление сообразовываться с Христом. Если человек оправдан, то безусловным следствием этого будет освящение. Если нет освящения, значит, никогда не было и оправдания.

В то самое мгновение, как мы уверовали, мы становимся оправданными. Бог не дожидается наших добрых дел, чтобы провозгласить нас праведными. Когда Он объявляет нас праведными, мы все еще грешники.

Сколько времени проходит, прежде чем грешник становится чистым? Ответом будет - нисколько. Нет временного интервала между нашим оправданием и началом нашего освящения. Но есть большой временной интервал между началом нашего освящения и завершением.

Чтобы объяснить это, Лютер прибег к простой аналогии. Он описал состояние смертельно больного пациента. Доктор объявил, что у него есть лекарство, которое обязательно вылечит больного. В тот момент, когда лекарство было принято, доктор сказал, что у пациента все в порядке. В этот момент пациент был все еще болен, но как только лекарство попало ему в рот и вошло в тело, он начал поправляться. То же самое и с нашим оправданием. В то самое мгновение, когда мы истинно поверили, мы начали поправляться. Идет процесс превращения в чистую и святую личность, и можно быть уверенным, что этот процесс завершится.

Целью христианского духовного роста является достижение праведности. В современном христианском мире такое высказывание может быть воспринято как радикальное. Вряд ли христиане когда-нибудь говорят о праведности. Это слово стало чуть ли не ругательством. Почти любой другой термин предпочитается слову праведность. Со мной никогда не случалось, чтобы какой-нибудь студент, или прихожанин, или любой другой человек пришел ко мне и спросил: "Как мне стать праведным?"

Многие люди разговаривали со мной о том, как быть нравственным, духовным или даже набожным. Но никто, по-видимому, не хочет говорить о том, как быть праведным. Вероятно, это происходит потому, что мы знаем - считать себя праведным грешно. В слове праведность есть что-то фарисейское. Кажется, что правильнее говорить о том, как быть духовным, чем о том, как быть праведным.

Духовность нужна только для одной-единственной реальной цели. Она - средство, но никак не самоцель. Целью всех духовных упражнений должно быть достижение праведности. Бог призывает нас к тому, чтобы быть святыми. Христос расставляет

приоритеты для христианской жизни: "Ищите же прежде Царства Божия и правды его, и это все приложится вам". Наша цель - праведность.

Как нам определить, продвигаемся ли мы вперед в нашем стремлении к праведности? Как узнать, прогрессируем ли мы, соответствует ли наша жизнь нашему призванию быть святыми? Библия проливает свет на такие вопросы. Праведного человека можно узнать по плодам, которые он приносит. Такой человек становится святым благодаря освящающей силе Святого Духа, действующей в нем и производящей в нем свою работу. Святой Дух знает, что такое святость. Он называется Святым Духом не только потому, что Он Сам свят, но и потому, что Он действует, чтобы сделать святыми нас.

Плоды праведности - это те плоды, которые мы приносим благодаря "воспитательной" работе Святого Духа в нас. Если мы хотим быть святыми, если мы действительно жаждем праведности, то нам нужно сосредоточить внимание на плодах Святого Духа.

Когда мы читаем описание плодов Святого Духа, то видно, в каком резком контрасте они находятся с плодами нашей греховной природы: "Дела плоти известны, они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, (соблазны), ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное, предворяю вас, как, и прежде предвоял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют" (Гал. 5:19-21).

В этом отрывке Павел повторяет предупреждение Иисуса о потере Царства Божьего. Люди, чей стиль жизни таков, как описывается в этих строках из Послания к Галатам, не наследуют Царства Божьего. Это не значит, что любой совершенный нами грех лишит нас права пребывания на небесах. Павел здесь говорит о стиле жизни, который привычно и постоянно характеризуется такими пороками. Мы видим, что здесь речь идет и о внешних, и о внутренних грехах. Включены сюда как грехи тела, так и грехи сердца.

Перечисленные Павлом грехи можно характеризовать как грубые и отвратительные. Новый Завет выделяет различные степени греха. Некоторые грехи хуже других. Христиане часто упускают этот важный момент. Особенно протестантам не дается понятие о градации грехов. Частично это объясняется реакцией на идею римской католической церкви о двух видах грехов: смертных и простительных. Католики называют определенные грехи "смертными", потому что они настолько серьезны, что убивают благодать в наших душах. Менее серьезные грехи называются простительными. Они не способны разрушить спасительную благодать.

Мы склонны думать, что грех есть грех, и что ни один грех не хуже и не лучше другого. Мы думаем о сказанном Иисусом в Нагорной проповеди. Он сказал, что смотреть на женщину с вожделением означает прелюбодействовать с ней. Мы помним, что Библия учит, что если согрешишь против одного пункта закона, то грешишь против всего закона. Эти две библейские доктрины могут быть неправильно поняты и создать ошибочное представление о степенях греха.

Когда Иисус сказал, что смотреть на женщину с вожделением означает нарушить закон о прелюбодеянии, то Он не говорил и не подразумевал, что вожделение также плохо, как и акт прелюбодеяния. Смысл сказанного Им заключается в том, что Закон в своей полной мере запрещает не только фактический акт прелюбодеяния. Фарисеи полагали, что поскольку они никогда не совершали фактического акта прелюбодеяния, то они не погрешили против Закона. Они считали, что если они воздерживались от убийства людей, то, значит, соблюдали закон, запрещающий убивать. Им не удавалось понять, что неоправданный гнев и ненависть также включены в закон, запрещающий убийство, только в более широком смысле.

Иисус учил, что ненавидеть - значит совершать грех против жизни другого человека. Ненависть оскорбляет людей. Грех ненависти не так тяжок, как реальное убийство, но тем не менее это грех. Самый маленький грех - это грех против всего Закона. Закон - это стандарт святости для нас. Совершая малейшее прегрешение, мы грешим против этого стандарта. Мы идем против того, к чему призваны, - против святости. Опять же, это не означает, что каждый грех представляет собой равное зло со всеми остальными грехами. Иисус снова и снова говорил о степени наказания в аду, также как и о тех, чья вина больше, чем вина других.

Важно помнить об идее градации грехов, чтобы понимать разницу между грехом и тяжким грехом. Опять же, все наши грехи требуют прощения. Все наши грехи являются актами измены Богу. Мы нуждаемся в Спасителе, чтобы избавиться от наших "маленьких" грехов, так же как и от крупных. Но некоторые более значительны, чем другие, и нам нужно

уметь определять их, чтобы не попасться в фарисейскую ловушку и не начать делать из малого большое.

Задумайтесь о внимании, которое уделяется проблеме излишнего веса в нашем обществе. Каждый год в Соединенных Штатах миллиарды долларов тратятся на различные диеты. Существуют очень веские причины, по которым нам надо контролировать свой вес. Мы знаем, что ожирение - одна из основных проблем, связанных со здоровьем. Мы также знаем, что обжорство - грех. Мы склонны к тому, чтобы набивать едой и расширять свой храм Святого Духа. Но основная причина, лежащая в основе нашего национального стремления к стройности, состоит не в том, что мы беспокоимся о здоровье или хотим избежать ожирения, а в том, что мы беспокоимся о внешнем виде. Мы хотим быть стройными, чтобы хорошо выглядеть. В этом нет ничего плохого. Но стройность - отнюдь не самый высочайший стандарт праведности. Люди никогда не причиняли мне боли своим излишним весом. Они причиняли мне боль, потому что клеветали на меня. Мы не тратим много времени, чтобы контролировать уровень клеветы. Может быть, это происходит потому, что некоторые вещи труднее поддаются контролю, чем излишний вес. Некоторым удалось овладеть умением контролировать аппетит. Никто не овладел умением контролировать собственный язык.

Вспомните знакомых вам людей, которых вы считаете самыми благочестивыми из всех, которых вы когда-либо встречали. Сильно ли их излишний вес мешал праведности, которой вы восхищались? Много ли злоязычных людей вы считали благочестивыми?

Плоды Духа резко контрастируют с грехами плоти. Плоды Духа - это достоинства, которые мы сразу узнаем в благочестивых людях. Подумайте о плодах Духа, которые перечисляет Павел: "Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание" (Гал. 5:22).

Вот таковы признаки человека, который возрастает в святости. Таковы достоинства, которые мы призваны культивировать. Чтобы приносить плод Духа, мы должны поступать по Духу. Дух действует внутри нас. Он помогает нам поступать в жизни так, чтобы проявлялись плоды Духа, и мы призваны к тому, чтобы изо всех сил стараться приносить этот плод.

В этом списке плодов Духа Апостол дает нам руководство, которое должно помочь в процессе освящения. Мы предпочитаем все усваивать за десять легких уроков. Но весьма нелегко становиться святым. Однако Библия облегчает для нас понимание святости. Плод Духа - вот на чем мы должны сосредоточиваться. Павел упрощает это для нас. Он добавляет следующие слова к своему списку достоинств - плодов Духа: "На таковых нет закона. Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями. Если мы живем духом, то по духу и поступать должны. Не будем тщеславиться, друг друга раздражать, друг другу завидовать" (Гал. 5:23б-26).

Глава девятая. Бог в руках разгневанных грешников

"Почти каждый обычный человек, который слышит об аде, тешит себя мыслью, что он избежит его."

Джонатан Эдвардс

Вероятно, самой знаменитой проповедью, которая когда-либо была прочитана в Америке, является проповедь Джонатана Эдвардса, озаглавленная "Грешники в руках разгневанного Бога". Эта проповедь была не только воспроизведена в бесчисленных каталогах проповедей, но также включена в большинство каталогов ранней американской литературы. В проповеди настолько ярко изображено опасное и трагическое положение, в котором находится необращенный человек, что некоторые современные аналитики назвали ее совершенно садистской.

Проповедь Эдвардса полна живописными образами ярости божественного гнева и ужасов безжалостного наказания, которое ожидает нечестивых в аду. Такие проповеди в наше время не в моде. Обычно их считают проявлением дурного вкуса и пережитком богословия, существовавшего до эпохи Просвещения. Проповеди, подчеркивающие ярость святого Бога, нацеленные на то, чтобы задеть сердца нераскаявшихся людей, не вписываются в светскую атмосферу, присущую поместной церкви. Прошли времена готических арок, прошли времена витражей, прошли времена проповедей, настолько задевающих за живое, что они вызывают нравственную муку. Наше поколение - поколение спокойное, у которого в моде самосовершенствование и широкий взгляд на проблему греха.

Ход наших мыслей примерно таков: если Бог вообще существует, то Он, безусловно, не свят. Если вдруг, паче чаяния, Он свят, то тогда Он не справедлив. Даже если Он и свят, и справедлив, нам не нужно бояться Его, потому что Его милость перекрывает Его святую справедливость. Если мы в состоянии "проглотить" Его святость и справедливость, то можно успокоиться: Он не станет проявлять такое чувство, как гнев.

Если мы трезво задумаемся на пять секунд, то должны увидеть свою ошибку. Если вообще Бог свят, если в Нем есть хотя бы грамм справедливости, если, наконец, Бог действительно существует как Бог, то как Он может испытывать к нам какие-то другие чувства, кроме гнева? Мы идем против Его святости. Мы оскорбляем Его справедливость. Мы легко относимся к Его благодати. Все это вряд ли может быть угодно Ему.

Эдвардс понимал природу святости Бога. Он имел ясное осознание того, что несвятому человеку действительно нужно бояться Бога, и очень бояться. Эдвардс не испытывал большой потребности в том, чтобы оправдывать скудость своего богословия. Его снедала настоящая потребность проповедовать истину, которую он знал. Проповедовать ярко, убедительно, с силой подчеркивая именно то, что он считал самым важным. Он делал это не из садистского желания запугать людей, а из сострадания. Он любил свою общину достаточно, чтобы предупреждать людей об ужасающих последствиях, с которыми им придется столкнуться, если они окажутся лицом к лицу с гневом Божиим. Он стремился не к тому, чтобы поймать их в капкан вины, а к тому, чтобы пробудить их, заставить увидеть опасность, которой они будут продолжать подвергаться, если останутся необращенными.

Давайте перечитаем небольшой раздел этой проповеди, чтобы немного ощутить ее дух:

"Бог, который держит вас над бездной ада, подобно тому, как человек с гадливостью держит в руках паука или какое-либо другое отвратительное насекомое, испытывает к вам отвращение. Он крайне раздражен. Его гнев пылает, как огонь. Он считает вас не заслуживающим ничего, кроме как быть брошенным в огонь. Его глаза слишком чисты, чтобы Он мог смотреть на вас. Вы в десять тысяч раз более отвратительны в Его глазах, чем самая ненавистная ядовитая змея в наших. Вы нанесли Ему бесконечно больше оскорблений, чем любой непокорный повстанец наносил своему властелину. И тем не менее, ничто иное, как Его рука, держит вас над бездной и не дает вам в любую минуту в нее упасть. Вы не отправились в ад вчера вечером, вам было позволено еще раз проснуться в этом мире после того, как вы закрыли глаза, перед тем как заснуть. И единственное объяснение, которое можно дать тому факту, что вы не провалились в бездну ада с тех пор как проснулись, - это то, что рука Бога удерживает вас. И нельзя найти другого объяснения тому, что вы не отправились в геенну в тот момент, как пришли и уселись здесь, в доме Божьем, раздражая Его чистые глаза своей греховной нечестивой манерой, с которой вы принимаете участие в Его торжественном служении. Воистину, нет другой причины, почему вы не проваливаетесь в бездну ада в эту самую минуту."

О грешник! Задумайся об ужасающей опасности, в которой ты находишься: эта огненная печь, широкая и бездонная яма, полная пылающего гнева. Именно над ней тебя удерживает рука Бога, чей гнев распаляется и разгорается против тебя точно так же, как и против многих проклятых, приговоренных к геенне. Ты висишь на тончайшей ниточке, которую опалает божественный огонь, готовый в любую минуту сжечь ее, разорвать на части. И у тебя нет никакого Заступника, тебе нечего предъявить, чтобы спасти себя, нечем отвести от себя огненные языки пламени, нет ничего своего, ничего, что ты когда-либо сделал, ничего, что ты можешь сделать, - никакими средствами ты не можешь уговорить Бога пощадить тебя хотя бы на одну минуту..."

Проповедь продолжается дальше, такая же непреклонная и безжалостная. Эдвардс наносит удар за ударом в сердца людей своей общины, людей, чья совесть нечиста. Он пользуется яркими библейскими образами, каждый из которых предназначен для того, чтобы предупредить грешников о грозящей им опасности. Он говорит им, что они идут по скользкой дорожке, где им угрожает опасность упасть под тяжестью собственного веса. Он говорит, что они идут над бездной ада по тоненькому деревянному мостику, состоящему из прогнивших досок, которые могут подломиться в любую секунду. Он говорит о невидимых стрелах, которые, подобно чуме, летят и поражают среди бела дня. Он говорит, что лук Бога натянут и что стрелы Его гнева нацелены в наши сердца. Он уподобляет гнев Божий водам, с бешеным напором ударяющим в шлюзы плотины. Если плотина прорвется, то грешника затопит вода. Он напоминает своим слушателям, что от ада их отделяет только воздух:

"Ваша развращенность делает вас тяжелыми, как свинец, она своей огромной тяжестью тянет вас вниз, к аду. И если Бог отпустит вас, вы немедленно погрузитесь в эту бездну, быстро опуститесь на дно, в бездонный провал. И не поможет вам ни ваша здоровая конституция, ни осторожность и предусмотрительность, ни самая хитрая уловка. Все это не в состоянии предотвратить ваше падение, так же, как паутина - падение камня".

В приложении к своей проповеди Эдвардс делает сильный упор на природу и силу Божьего гнева. Его центральной идеей является ясное представление о том, что святой Бог должен быть также гневным Богом. Он перечисляет несколько основных моментов, касающихся гнева Бога, на которые мы не можем осмелиться смотреть сквозь пальцы.

1. *Чей это гнев?* Гнев, о котором говорил в своих проповедях Эдвардс, - это гнев бесконечного Бога. Он противопоставляет гнев Бога гневу людей или гневу царя по отношению к своему подданному. Человеческая ярость утихает. Ей рано или поздно наступает конец. Она ограничена. Божий гнев может длиться вечно.

2. *Яростность Божьего гнева.* В Библии снова и снова говорится о точиле Божьей ярости. В аду не может быть смягчено наказание, не будет милости. Божий гнев - это не просто раздражение или легкое недовольство. Это гнев, обжигающий нераскаявшегося человека.

3. *Это вечный гнев.* Нет конца гневу Божьему, направленному против находящихся в аду. Если бы у нас было хоть какое-то сострадание к нашим собратьям, то мы бы причитали и горестно плакали от одной только мысли, что кто-то из них упадет в бездну ада. Мы бы не вынесли воплей проклятых и пяти секунд. Подвергнуться воздействию Божьей ярости на один только момент было бы невыносимо для нас. А вечная Божья ярость - это слишком ужасно, чтобы даже задуматься о ней. Мы не хотим, чтобы нас будили подобными проповедями. Мы жаждем блаженной дремоты, передышки, безмятежного сна.

Наша трагедия состоит в том, что, несмотря на ясные предупреждения, содержащиеся в Писании, и на здоровое учение Иисуса, мы продолжаем "отдыхать на Сионе" и не задумываемся о будущем наказании нечестивых. Если в Бога вообще надо верить, то нам нужно взглянуть в лицо ужасающей истине, что настанет день, когда Его яростный гнев изольется. Эдвардс сделал такое наблюдение:

"Почти каждый обычный человек, то есть человек в своем естественном состоянии, когда слышит об аде, тешит себя надеждой, что он избежит его. Он рассчитывает на себя, думает, что сможет сам обеспечить себе безопасность. Он утешает себя тем, что он сделал, тем, что он делает сейчас, и тем, что он намеревается сделать. Каждый в своем собственном сознании выстраивает рассуждения и приводит доводы, как ему удастся избежать проклятия. Он тешит себя надеждой, что умело все для себя устраивает и что его затеи не окончатся неудачей".

Как мы реагируем на проповедь Эдвардса? Порождает ли она в нас чувство страха? Вызывает ли в нас гнев? Реагируем ли так, как реагирует множество людей, которые только насмеются над всеми идеями об аде и вечном наказании? Считаем ли мы понятие о гневе Божьем примитивной и устаревшей концепцией? Воспринимаем ли мы

любое упоминание об аде как оскорбление? Если это так, то ясно, что Бог, Которому мы поклоняемся - не святой Бог: по сути Он тогда вообще не Бог. Если мы пренебрегаем Божьей справедливостью, то мы не христиане. Мы находимся точно в таком же опасном положении, как и то, которое столь ярко описывал Эдварде. Если мы ненавидим гнев Божий, то это потому, что мы ненавидим Самого Бога. Мы можем пылко протестовать против подобных обвинений, но этот пыл только подтверждает нашу враждебность по отношению к Богу. Мы можем сказать, подчеркивая каждое слово: "Нет, я ненавижу не Бога, я ненавижу Эдвардса. Бог мне целиком и полностью мил. Мой Бог - это Бог любви". Но Бог любви, у Которого нет гнева, - это не Бог. Он - идол, создание наших собственных рук, такой же, как если бы мы высекали Его из камня.

Есть также еще одна известная проповедь Джонатана Эдвардса. Ее можно рассматривать как своего рода продолжение проповеди "Грешники в руках разгневанного Бога". Он озаглавил эту проповедь: "Люди - естественные враги Бога". Если мне будет позволено взять на себя смелость улучшить заглавие, данное Эдвардсом, то я бы вместо этого предложил такое название: "Бог в руках разгневанных грешников".

Если мы не обратились, то одно можно сказать со всей определенностью: мы ненавидим Бога. Библия по этому вопросу высказывается недвусмысленно. Мы - враги Богу. Мы внутренне поклялись окончательно Его уничтожить. Для нас так же естественно ненавидеть Бога, как для дождя - увлажнять землю. Теперь наше раздражение может превратиться в гнев. Мы клятвенно отрекаемся от того, что я только что написал. Мы готовы признать себя грешниками. А кто не готов? Мы незамедлительно признаемся, что не любим Бога так, как следовало бы. Но кто из нас признается, что ненавидит Бога?

В 5 главе Послания к Римлянам ясно сказано: "Ибо, если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его..." Мотив примирения проходит красной нитью через Новый Завет. В примирении не нуждаются те, кто любит друг друга. Любовь Бога к нам не подлежит сомнению. Тень сомнения нависает над нами. Под вопросом стоит наша любовь к Богу. Естественное сознание человека, то, что Библия называет "плотским умом", находится во вражде с Богом.

Наша естественная враждебность по отношению к Богу проявляется в том, как низко мы Его оцениваем. Мы считаем, что Он не достоин нашей безраздельной преданности. Мы не находим удовольствия в размышлениях о Нем. Даже для христианина богослужение часто трудно переносимо и молитва является скучной и утомительной обязанностью. Мы естественным образом склоняемся к тому, чтобы бежать как можно дальше от Его присутствия. Его слово отскакивает от наших умов, как баскетбольный мяч от доски.

По природе своей наше отношение к Богу - это не просто равнодушное отношение. Мы испытываем к Нему злобу. Мы противимся Его правлению и отказываемся признавать Его царствование над нами. В нашем сердце нет нежности к Нему. Наши сердца холодны, как лед, они неспособны воспринимать Его святость. По природе, любви к Богу в нас нет.

Как верно заметил Эдвардс, мало сказать, что естественный человек смотрит на Бога как на врага. Нам следует быть более точными. Бог - наш смертельный враг. Он представляет собой самую большую угрозу для наших греховных желаний. Он нам отвратителен абсолютно, большей степени отторжения быть не может. Никакие человеческие убеждения и философская аргументация богословов не в состоянии склонить нас к любви к Богу. Мы презираем само Его существование и сделали бы все, что в наших силах, чтобы очистить мироздание от Его святого присутствия.

Если бы Бог вручил Свою жизнь в наши руки, то Он не прожил бы и секунды. Мы бы Его не игнорировали, мы бы Его уничтожили. Это заявление может показаться крайним и безответственным. Но стоит рассмотреть еще раз, что произошло, когда Бог явился в образе Христа, и станет ясно, что это правда. Христа не просто убили. Он погиб мучительной смертью от рук злобствующих людей. Толпы выли, требуя Его крови. Недостаточно было просто покончить с Ним, это надо было сделать под аккомпанемент насмешек и унижений. Мы знаем, что Его божественная природа не погибла на кресте. Казнена была Его человеческая часть. Если бы Бог позволил, чтобы казни была подвергнута Его божественность, если бы Он сделал Свою божественную сущность уязвимой для гвоздей Его убийц, то Христос по-прежнему был бы мертв, а Бога на небесах не было бы. Если бы меч пронзил душу Бога, то долгожданная революция завершилась бы окончательным успехом и царем стал бы человек.

Но мы - христиане. Мы любим Бога. Мы прошли через примирение. Мы родились от Духа, и любовь Бога обильно излилась в наши сердца. Мы больше Ему не враги, а друзья. Все это действительно относится к христианам. Но нам нужно следить за собой, помня, что

обращение не искоренило нашу естественную человеческую природу. Нам нужно ежедневно бороться с остатками нашей прежней природы. В душе всегда остается закоулок, который не находит радости в Боге. Эти лохмотья дают о себе знать, когда мы снова и снова грешим, когда спим на богослужении. Даже в богословии они проявляются. Говорят, что исторически существовало только три типа богословия, которые претендовали на исключительное место в христианской церкви. Они называются пелагианство, полупелагианство и августинизм. Пелагианство - это натуралистическая религия, не доверяющая ничему сверхъестественному. В своем сегодняшнем проявлении она называется либерализмом. Полупелагианство существует сегодня в виде арминианизма. Августинизм же нашел свое воплощение в кальвинизме или реформированном богословии. Как полупелагианство, так и августинизм являются позициями, которые обсуждают верующие христиане, о которых они спорят. Пелагианство - не христианская религия. Более того: она откровенно направлена против христианства. По сути своей это богословие неверия. То, что оно набросило свою петлю-удавку на многие церкви, ярко свидетельствует о силе природной враждебности человека к Богу. Для последователя пелагианства, или либерала, не существует ничего сверхъестественного. Нет чудес в Писании, нет Христа, нет искупления, воскресения, вознесения, возвращения Иисуса. Одним словом, для либерала нет библейского христианства. Это чистой воды язычество, маскирующееся под набожность.

Ну, а что насчет полупелагианства? Это очевидно христианское учение. Ему присуще страстное признание божественности Христа и вера в искупление, воскресение и все остальное. Этих взглядов придерживается большинство евангельских христиан и, вероятно, большинство читателей этой книги. Но я убежден, что при всех своих достоинствах полупелагианство представляет собой богословие компромисса с нашими естественными склонностями. В его понимании Бога есть один зияющий провал. Хотя оно приветствует святость Бога и во всеуслышание утверждает, что верит в верховное правление Бога, но оно по-прежнему питает иллюзии относительно человека, считая, что он сам может прийти к Богу и принять "решение" родиться заново. Это учение провозглашает, что падшего человека, находящегося в состоянии вражды с Богом, можно убедить примириться с Ним еще даже до того, как его греховное сердце будет изменено. Это люди, не родившиеся свыше, видящие провозглашенное Христом царство, которое нельзя видеть, не родившись свыше, и входящие в царство, в которое нельзя войти, также не родившись свыше. У сегодняшних евангелистов необращенные грешники, мертвые в своих преступлениях и грехах, сами себя возрождают к жизни путем собственного выбора. Христос ясно показал, что мертвые не могут ничего выбирать, что плоть не приносит никакой пользы, что человек должен родиться от Духа, прежде чем он сможет увидеть Царство Божье, не говоря уже о том, чтобы войти в него. Недостатком современных евангелистов является неспособность понять святость Бога. Если бы им удалось понять только один этот момент, то больше не было бы разговоров о смертельных врагах Христа, приходящих к Нему по своей собственной воле.

Центральной идеей здравого богословия является благодать. Когда мы понимаем характер Бога, когда нам удастся уловить хотя бы отблеск Его святости, тогда мы начинаем понимать радикальный характер нашего греха и нашей беспомощности. Беспомощные грешники могут выжить только по благодати. Наша сила сама по себе тщетна. Мы духовно бессильны без помощи милосердного Бога. Мы можем не уделять внимание Божьему гневу и справедливости, но, до тех пор пока мы не разберемся в этих аспектах природы Бога, мы никогда не сумеем оценить, что сделала для нас благодать. Даже проповедь Эдвардса о грешниках в руках Бога была нацелена не на то, чтобы сделать упор на огненные языки ада. Снова и снова акцент делается не на пышущую огнем бездну, а на руки Бога, которые держат нас и спасают от нее. Руки Бога - милосердные руки. Только они одни обладают властью спасти нас от определенного разрушения.

Как мы можем любить святого Бога? Простейший ответ, который я могу дать на этот вопрос, состоит в том, что мы этого не можем. Умение любить святого Бога превышает наши моральные силы. Единственный Бог, которого мы в состоянии любить по своей греховной природе, - это несвятой Бог, идол, сделанный нашими собственными руками. Если мы не родимся от Духа Божьего, если Бог не прольет Свою святую любовь в наши сердца, если Он не склонится к нам в Своей благодати и не изменит наши сердца, мы не полюбим Его. Он берет на Себя инициативу в деле восстановления наших душ. Без Него мы не можем сделать ни одного праведного поступка. Без Него мы были бы обречены на вечную отчужденность от Его святости. Мы можем любить Его только потому, что сначала

Он полюбил нас. Чтобы любить святого Бога, требуется благодать, благодать достаточно сильная, чтобы пронзить наши ожесточенные сердца и пробудить наши умирающие души. Если мы во Христе, то мы уже пробудились. Мы были воскрешены от духовной смерти к духовной жизни. Но у нас по-прежнему на глазах повязки и временами мы действуем, точно зомби. В нас остается определенный страх, и мы боимся приблизиться к Богу Мы, как и прежде, трепещем у подножия Его святой горы.

Но по мере того, как мы возражаем в Познании Бога, мы обретаем более глубокую любовь к Его чистоте и все более и более полагаемся на Его благодать. Мы узнаем, что Он целиком и полностью достоин нашего обожания. Плодом нашей растущей любви к Нему будет растущее благоговение перед Его именем. Теперь мы любим Его, потому что видим, что Он полон любви. Теперь мы восхищаемся Им, потому что видим Его величие. Теперь мы подчиняемся Ему, потому что Его Святой Дух обитает в нас. Он свят, свят, свят...